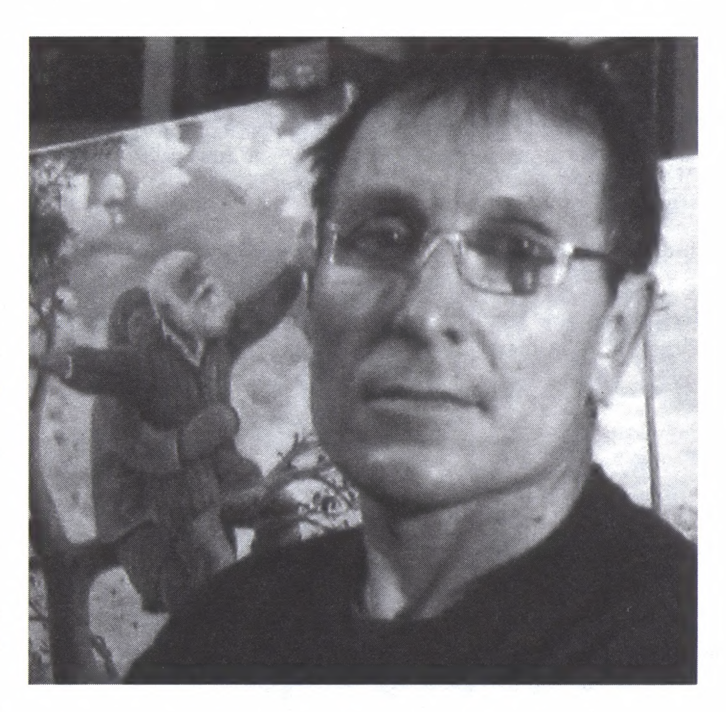

ВЕСИ
№3, 2010

РУССКОЕ ПАРИ

Пари – это от слова парить?

Или – от слова Paris?

Похоже, что когда речь идет о «русском пари», то в равной степени и от того, и от другого.

Потому что «русское пари» – это, конечно же, нелепица, оксюморон.

Сочетание несочетаемого.

То, чего не может быть в природе, но то, что вопреки всем законам природы – есть.

Потому что русское пари – это не для выгоды, не для корысти, а потому исключительно, что хочется воспарить и улететь куда-то в неоглядные дали.

И тогда французское «пари» навсегда теряет свою меркантильную окраску и превращается в русское «авось», в непредсказуемый полёт «загадочной русской души», где нет никакого расчёта, а есть одна только бесшабашная удаль и детская радость бытия.

Вот почему главные и, возможно, единственные герои Леонида Баранова – дети.

При том, что мы не найдём в его картинах практически ни одного «натурального» ребёнка.

Тем не менее, картинки Леонида Баранова насыщены «внутренним детством» и обращены к «внутреннему детству» каждого из нас. К тому «внутреннему детству», которое счастливо живёт в своей игровой необязательности и способно любую мелочь наполнять ощущением подлинности и настоящести.

Александр Лобок

(Окончание на стр. 40)

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного управленческого округа Правительства Свердловской области (623850, Свердловская область, г. Ирбит, ул. Советская, 96)

Учреждение культуры «Банк культурной информации» (620026, г. Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 56).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Татьяна Богина

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Валерий Ермолаев

Корректор номера
Сергей Казанцев

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры «Банк культурной информации»

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
620026, г. Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 56.
Тел.: (343) 251-65-26,
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: bki@sky.ru

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В РОССИИ:

Тюмень
8(904)4-950-924
donna-anna2005@yandex.ru
Ольга Адольфовна Ожгибесова

623955, г. Тавда, а/я 7.
Телефон: 8(963) 044-28-87.

Каменск-Уральский
8(950)205-00-20
Сергей Симонов

Челябинск
8 (912) 89-98-731
Александр Фёдорович Рейх

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА:

Нью-Йорк, США
mgelprin@yahoo.com

Торонто, Канада
belov@sympatico.ca

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

На обложке: живопись Л.Баранова.

Номер подписан в печать 05.04.2010 г.
Отпечатан в ГУП СО «Каменск-Уральская типография»:
623400, г. Каменск-Уральский, ул. Ленина, 3. Заказ № 954.

Подписка – Урал-пресс: 8 (343) 26-26-543.

Тираж 2500 экз.

Цена свободная.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Убеждаюсь, что почти ничто не может испортить весеннее настроение. Даже не настроение, а какой-то особый настрой, который появляется после 22 декабря как предчувствие, пробуждается в душе вместе с природой, теплеет с яркими лучами весеннего солнца, наливается красками, как яркое весеннее небо и, в конце, концов, распускается первой весенней зеленью, жёлтыми огоньками мать-и-мачехи, душистыми тополиными почками.

Это уже потом будет щедрое разноцветье лета, а сейчас так хочется сохранить в душе это ощущение начала всех дел, начала всех начал, которое даёт силы, энергию, будоражит тело и наполняет творчеством жизнь, рождает ощущение счастья.

Будьте здоровы, дорогие читатели, будьте счастливы и делайте добрые дела.

Главный редактор Татьяна Богина.

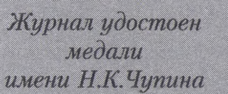
ВЕСИ

№3(61)`2010
апрель

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

Журнал удостоен медали имени Н.К.Чупина

Журнал награждён почётным знаком РАЕН «Звезда успеха»

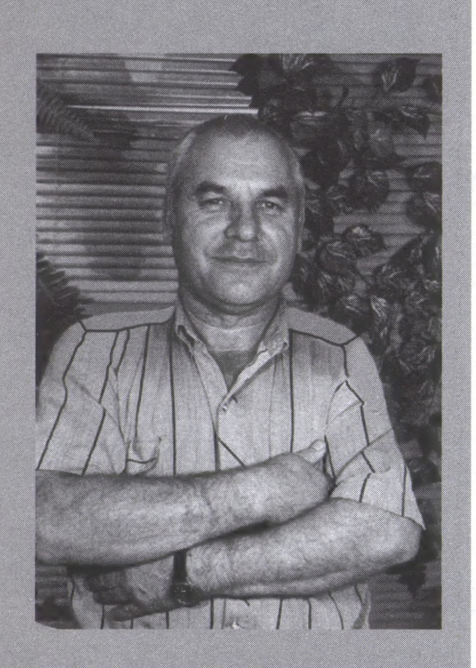
Выпуск журнала осуществлён при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

СОДЕРЖАНИЕ

Издаётся под патронажем Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО.

СЕМЕЙНАЯ ТРАДИЦИЯ

Виктор БЫЧКОВ,

г. Барнаул.

Третью неделю как война накрыла собою Борки. И каждый день, каждый час приносили только тяжкие, только страшные новости. С каждым днём таяли и таяли надежды на скорую победу, сердце заполнялось пустотой от предчувствия чего-то страшного, опасного, доселе неведомого.

Шестидесятилетняя Пелагея Тихонова помногу часов стоит во дворе, опершись о плетень, безмолвно наблюдает, как катят и катят мимо по деревенской улице красноармейцы.

Если в первые дни войны чаще бежали беженцы, то теперь только военные.

Душа болит от вида бегущих солдат, изнывает, сердце то колотится, то сжимается от боли. Что ж это делается? Как же это так?

Как только стало ведомо о войне, только первая весточка докатилась до Борков, как её муж Тихонов Иван Григорьевич решительно стукнул кулаком по столу.

– Всё, мать. И мой час пробил, собирай котомку, – и даже не дал слово сказать.

Вот так всегда: если что решил, то уже хоть кол на голове чеши, а будет так, как он сказал. Жена знала об этом и не перечила. Только закусила губу до боли да стала собирать смену белья, еды какой-никакой столкала в торбу, села у печки на скамейку, смотрела, как ловко муж сбривал бороду.

Внуки вокруг вьются, им интересно на деда безбородого поглядеть. Что с них возьмёшь? Дети. Как им объяснить, что дедушка уходит, и неизвестно – вернётся ли назад?

А она тогда маялась, сильно маялась, да виду не показывала: не принято в их семье учинять скандалы, убиваться или лить горькие слёзы на проводах, тем более на войну. Сидела, сухими глазами глядела на мужика, запоминала, молча благословляла, шептала молитву во спасение.

Не первые проводы это были, нет, не первые. Дай Бог памяти, как бы не сбиться.

Пелагея морщит лоб, вспоминает, шевелит губами.

– Всё правильно, в четырнадцатом, нет, неправильно. Точно, не в четырнадцатом годе, а ране, ещё раньше провожала Ваньку. Вот, теперь правильно, – женщина облегчённо вздохнула, как будто сбросила с себя неимоверный груз, оживила память.

На японцев призывался Иван Григорьевич, молодой тогда ещё, просто Ваня. Только обвенчались, она уже ходила первенцем своим Павликом, как прискакали с уезда урядник с жандармами, повели Ваню на японцев. Тогда-то и сказал молодой муж, чтобы не убивалась, не голосила. И она с тех пор не убивается, не голосит, только никто не был в душе её, не видел никто, как заливается горькими слезами, захлёбывается от горя, от боли душа, каменеет залитое кровью сердце. Но виду не кажет.

Потом на немцев снова забрали в четырнадцатом, вот теперь точно, в четырнадцатом уходил Иван Григорьевич. Тоже на прощание наказал терпеть, и она терпела, ждала.

Травленый газами, но вернулся муж, слава Богу, живым. Ещё и Петра смогли родить после той войны.

Пелагея снова останавливает мысли, задумывается.

«Ещё ж раз провожала мужа, как это я забыла?» – молча корит

себя, опять настраивается на воспоминания.

В двадцатых на Гражданскую, но это уже новая власть забирала. Тоже не спрашивали, повели под винтовку, и всё!

Вот, всё правильно. Это опосля Гражданской войны и Коля получился у них. Так и жили впятером, пока старший Павел не выделился своей семьёй.

А тут сам подался, никто не просил, не забирал. Сидел бы сиднем, старый дурак, так нет, с молодыми ему надо. Мол, пойду с сынами, подсобну маненько, а то вдруг они без батьки дрогнут? Ага, дрогнут! Разве не с тобой, хрыч старый, рожали сынов, чтоб они да дрогнули? Порода, холера вас бери с вашими войнами. Ну, никак не обходится ни одна война без её Ивана да Павла с Петром! Куда ни кинь, а клин опять на её мужиках сходится, чтоб этой войне ни дна, ни покрышки!

Ещё муж пошутил, говорит, мол, в ту германскую он, видно, не до конца скулу немцу свернул, ходунки не повыдергал с одного места, не отучил воевать вражье племя, вот и приходится исправлять свои ошибки. А кто их знает лучше, чем Иван Григорьевич Тихонов? Правильно, только он сам!

И гдей-то сейчас её вояка? Может, бежит вот так, как эти, что заполнили деревенскую улицу?

А сердце болит, рвётся на части, кто его успокоит теперь?

Старший сын Павел вслед за отцом подался туда же, на войну. Только вылечился после Финской, только зализал раны, а тут уже новая, осиновый кол в глотку тому, кто начинает войны. Пускай бы сами и воевали, а то таких мужиков, как её Иван, Павел да Пётр требуют.

Пелагея крестится, с опаской смотрит по сторонам: не видит ли кто её такую, говорящую сама с собой? Нет, вроде никто. А солдатам, что бредут улицей, не до неё, у них свои мысли.

Павла сельсовет вызвал, наказал явиться. Ушёл в тот же день с отцом. С сыном понятно: приказали, явишься за милую душу. Но батя куда? Какой из него доброволец, и это в шестьдесят с хвостиком лет? Смех один, а не вояка, а поди ж ты, туда же, куда и все!

Да, с Павлом понятно, хотя тоже сердце болит, на душе камень залёг: своё ж дитё. Под сердцем выношенное, как это болеть не будет? Будет, да ещё как и болит, не спрашивает. Но тут государство позвало, сказ особый, не то что Иван – добровольцем.

С Павликом всё ясно: так надо, война всё-таки, а не игрищи. Умом понимает мать, что без старшего сына не обойдутся.

И со вторым сыном Петром тоже сомнений не возникает.

Ещё за год до войны закончил тот школу и подался в военное училище. Этот сам выбрал себе дорогу, судьбу свою.

Аккурат в конце мая приезжал на побывку. Недельку-то и побыл дома, родителей порадовал, с Ольгой Петровой повстречался и обратно. Тут тоже понятно – служба.

А вот Иван, хрыч старый, и он туда же, на фронт. Вояка, итить его налево! Никто ж не звал, так нет, добровольцем, сам. Годы какие, а туда же, с молодыми. Куда ему с его-то сердцем, что если не каждый день, так через день болит, колет? А суставы? Прямо слышно, как трещат, когда с кровати поутру слазит. И глаза не те: внуков за десять шагов путает, а на войну попёрся. И где его ум? Мол, молчи, мать. Место его там, где и сыны. И весь сказ. А обо мне подумал, кочерыжка старая? Куда мне деваться, как быть с тремя внуками, что от Павла? Они же мал-мала меньше, старшенькому всего-то десять годочков, а младшему только-только три годика исполнилось. Мамка у них как раз перед самой войной пошла с тяпкой, прополоть грядку хотела, взмахнула раз-другой, да и рухнула лицом вниз, и не поднялась боле. Только к вечеру старший Егорка обнаружил

мамку, а та уже остыла давно. Может, если бы раньше увидели, то и спасти смогли бы? Кто его знает. А так остались трое пацанов сиротами. Куда ж их? Конечно, при живых бабке с дедкой да папке, какие ж они сироты? Однако мамку никто не заменит. А то! Мамка – она завсегда мамкой и останется для детишек.

Спросила у мужа, мол, мне как быть? Как в такую страшную годину внуков поднять, сохранить?

Ваня – он и есть Ваня! Сказал, как отрезал: «Крепкая ты бабка, стойкая, русская. Всё выдюжишь».

Какой крепкая? Какой выдюжишь? Сердце-то вон, как у зайца хвост, трепещет от маломальской нагрузки. И дыхалка сипит, воздуха не хватает, а он – «Выдюжишь!».

Ах, ирод окаянный! Чуть что, так сразу на её руки перекладывает. Вот так и всю жизнь мучайся с ним. Ну, погоди! Вот только вернись, я ещё отыграюсь на тебе, Иван Григорьевич!

Болит душа, ноет. Как на грех, и сердце заколотит, затрепещется в груди, заколет в боку и не отпускает, холера его бери. Прямо не вздохнуть.

Правда, надежда на младшего, на Колю. Школу только что закончил, под призыв не попал, пока рядом, с мамкой, при ней – Пелагее. И помощник, и опора. Как-никак, а руки уже почти мужские, в отца пошёл, крепкий парнишка, как дубок молоденький. Да и послушный сынок, не другим чета. Работящий, любая работа горит в его руках. Иной раз станет мать, наблюдает, любуется, как ладно, умело, помужски ведёт сынок косу. Прокос широкий, чистый, почитай, бреет, а не косит. Душа поёт, на сына глядя.

Последнее время молчит, сумной какой-то. Да и как не быть сумным, откуда веселью взяться, когда наши всё бегут и бегут в отступ, а немец напирает и напирает. Самолёты чужие всё чаще над деревней кружат, но, слава Богу, пока особо не паскудят. Так, в самом начале войны стрельнул с неба один, так деда Лариона, что сидел на лавочке у дома да пас гусят, пуля шальная нашла всё-таки. И гусёнка туда же, за дедом.

А так тихо. Пока тихо. По ночам хорошо слышно, как ухает да бухает где-то за Днепром.

На днях всю колхозную скотину погнали в отступ. Коней в первый день забрали на войну с первыми мужиками. Коровники да конюшня так и стоят пустыми. И бабы с мужиками не вернулись с того отступу, что животину угоняли, да и вернутся ли когда? Кто знает?

Пелагея долго стоит у плетня, глядит на деревенскую улицу, думает, вспоминает, прикидывает.

Где-то стороной гудел немецкий самолёт, по улице бесконечной серой лентой бредут красноармейцы. Много их, и почти все – раненые. Вот только целых не так уж и много. Видно, досталось бедолагам.

А где-то ж у них тоже есть и матки, жёнки с детишками, ждут их, волнуются. Вот и она всё надеется своих увидеть в этой колонне, хотя вряд ли. Конечно, хорошо бы старому домой вернуться. Не его это дело, пускай помоложе которые прыгают да скачут на этой войне. Ему бы вместе да за внуками присмотреть, вырастить их.

– Ох, окаянный! – шепчет женщина. – Сбежал! Меня одну бросил с детишками на руках, а сам сбежал. Только вернись, я тебе устрою, ох, и устрою войнушку. Я тебе так повоюю, чертям тошно станет, вояка хренов.

На телегах везут раненых, здоровые бредут, голову даже не поднимают. Видно, стыдно, что бегут, толкает в спину немец, а они не могут дать ему по сопатке. Вот и прячут глаза от стыда.

И то правда.

– Куда вас холера несёт? – женщина снова стала разговаривать сама с собой. – Вон вас сколько через Борки идёт, а через другие деревни? Неужто не можете остановиться, штыки свои обернуть в сторону ворога, да разом, все вместе натужиться, да и погнать их назад в их вонючую Неметчину? Или тяму не хватает? Даже я, баба деревенская, так маракую, а где ж вы, красные командиры, почему так думать да делать не можете? Испугались, что ли? Но тогда грош вам цена. Тогда и правда, что Ванька мой должен винтовку в руки брать да заместо вас опять немцу скулу выворачивать, коль на вас надёжи нет. Ох, вешалка старая! Приди только, я тебе устрою! – брюзжит по привычке Пелагея.

Вот и внуки выбежали из дома, прильнули к плетню, носы любопытные выставили, тоже глядят на солдат.

– Чтой-то не видно Коли? Гдейто он? Нет, только не это! – вдруг осенило женщину, и она бросилась в дом.

Младший сын Николай, подпоясанный солдатским ремнём, что привёз с финской войны Павел, прилаживал за спину котомку.

– Не-е-т, сынок! Не-е-ет! Не пущу! Ты ж ещё дитё несмышлёное! Не пущу! – загородила дверной проём, широко расставив руки. – Не пущу! А как же я, как же внуки? Не пущу! Что хочешь, делай со мной, не пущу! – ухватила руками котомку, вырвала у сына, прижала к груди. – Не уходи, прошу, не уходи, сынок!

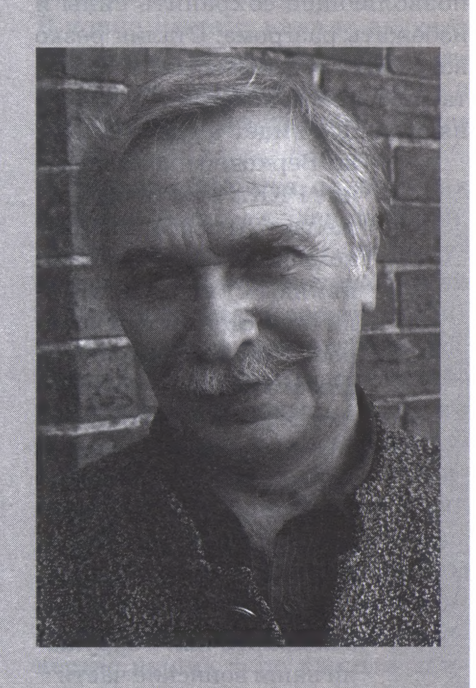
И встретилась взглядом с глазами сына, с сухим упрямым блеском, как у отца, и замолчала, без слов протянула котомку, только сильно, до боли прикусила губу да крепко прижала внуков, что обступили вдруг её со всех сторон.

У Тихоновых не принято провожать на фронт со слезами, с причитаниями. Пелагея и в этот раз не нарушит семейную традицию. Она сильная. Она всё выдюжит. Ей ещё надо растить очередных защитников, что пока только обхватили её за ноги да шморгают носами, но без которых ну никак не обходится ни одна война.

Она сдюжит, обязательно сдюжит! Это тоже семейная традиция Тихоновых.

17 февраля 2010 года.

МОИ РОДНЫЕ СОЛДАТЫ

Яков ЛИБЕРМАН,

г. Екатеринбург.

Их много, советских солдат – родственников моей жены и моих, лица которых встают передо мной, как только я в очередной раз задумываюсь о войне. О Великой Отечественной войне, унесшей почти тридцать миллионов жизней наших соотечественников. Среди этих солдат есть те, кто с фронта не вернулся и кого тогда смерть пощадила, есть рядовые, офицеры и сержанты, есть те, о ком мне известно многое, и те, о ком я знаю совсем чуть-чуть. Это муж моей тёти Поли, сестры отца, музыкант Миша, призванный в погранвойска как раз перед войной и погибший под Брестом, это первый муж Маруси, тётки моей жены, Борис Иванович Головянкин, начальник цеха фабрики «Уралобувь», погибший под Воронежем, это Иосиф Львович Гитерман, муж другой тётки моей жены Прасковьи, тяжело раненный в ногу и ставший инвалидом, это второй муж тёти Маруси Яков Борисович Дорфман, рядовой трудармии, строившей укрепления в районах боевых действий, чудом оставшийся живым, это двоюродный брат моей мамы Семен Гольдштейн – офицер-смершевец, вернувшийся с войны майором, другой её двоюродный брат Яков Иосифович Клипиницер – военврач, вместе со своей женой Еленой Львовной ушедший на фронт добровольцем и возвратившийся домой с орденом Красной Звезды, это и мой тесть, и его младший брат Ваня, и ещё двоюродные и родные братья моей мамы. Даже перечислить их всех трудно, но хотя бы о некоторых из них я всё же хочу рассказать. Зачем? А затем, что, подобно сказанному А.Платоновым «без меня народ неполный», без истории даже одного солдата и история войны неполна. И нельзя забывать, что как народ состоит из людей, так и армия состоит из солдат. Из всех и из каждого.

ДЯДЯ МОИСЕЙ

Старший из родных братьев моей мамы – Гольдштейн Моисей Яковлевич, названный так в память о дедушке со стороны отца, родился в г. Днепропетровске (тогда Екатеринославе) в 1912 году, через два года после мамы. Мальчик был живой и активный. И очень любознательный и сообразительный. Он и в школе учился неплохо, и у отца старался воспринять всё, что тот умел. Добавлял к этому и своё. В 20-е годы начало развиваться радиолюбительство, и многие подростки увлеклись им. Так, Моисей сам сделал детекторный приёмник. По тем временам это было, как сейчас говорят, «круто».

В пятнадцать лет, в 1927 году, он из школы ушёл и устроился на работу в какую-то пищевую артель. Там он сначала был «куда пошлют», потом слесарил, занимался сборкой-разборкой всяких механизмов, а после выучился на токаря. Я не знаю, когда и как он заканчивал школу. Знаю только, что общее среднее образование он всё-таки получил. Скорее всего, это было на вечернем рабфаке.

Видимо, из-за рабфака Моисея призвали в армию только году в 1935, когда ему уже было двадцать три года. Поскольку он был и токарь, и слесарь, и механик, и электротехнику знал, его взяли в инженерные войска.

В конце 20-х и в 30-е годы инженерные войска РККА интенсивно развиваются. В 1928 году была разработана, а в 1930 году

принята Реввоенсоветом СССР «Система инженерного вооружения». Она предусматривала механизацию основных работ, подлежащих выполнению инженерными войсками, разработку, производство и освоение личным составом электрифицированных инструментов, специальных грузоподъёмных и землеройных машин, различных заградительных и переправочных средств и другой техники. В это время принимаются на вооружение новые подрывные машинки, мины замедленного действия, противопехотные... Большое внимание уделяется самодельным минам, изготавливаемым в войсках с использованием имеющихся взрывателей. Вот в такую среду и попадает дядя Моисей. Его считают (исходя из того, что он уже знает и умеет) вполне пригодным, чтобы стать младшим командиром, и направляют из Днепропетровска куда-то на восток в школу соответствующего профиля.

Школы для подготовки младшего командного состава были созданы ещё в середине 20-х годов. В 1925 году был введён в действие нормальный план обучения в них во всех частях Красной армии, в том числе и в инженерных войсках. Срок обучения был установлен два года. В первый год красноармеец должен был стать подготовленным бойцом-специалистом, технически знающим материальную часть, состоящую на вооружении взвода. К концу второго года он должен был приобрести такие знания, которые позволили бы ему уйти в запас в качестве командира отделения. В дополнение к этому школа должна была подготовить его политически, так, чтобы он понимал цели и задачи Коммунистической партии и при необходимости мог выполнять в РККА функции помощника командира взвода.

Успешно окончив школу, Моисей становится, как тогда их называли, «отделённым командиром» (с 1940 года их стали именовать сержантами) и в 1937-м – начале 1938 года демобилизуется. Вернувшись домой, он поступает на машиностроительный факультет в один из самых крупных в стране заочных институтов – Ленинградский индустриальный (потом он назывался Северо-Западный политехнический), работает, в 39-м году женится, и в 40-м году у него рождается дочь. И наступает 1941 год.

Моисей Гольдштейн, отделённый командир.

С началом войны сержант Моисей Гольдштейн попадает на Юго-Западный фронт. Этот фронт был организован из Киевского особого военного округа. Командующем был назначен генерал-полковник Кирпонос, как военный специалист не очень-то опытный. Мощнейшему немецкому наступлению он пытается противопоставить наше контрнаступление силами 5-й армии, 6-й, 12-й, 26-й..., но остановить фашистов не удаётся. Они продвигаются вперёд, сминая наши войска, вклиниваясь в стыки между соединениями. Несмотря на то, что Красная армия стремится сопротивляться врагу, повсеместно приходится отступать. В июле уже ясна необходимость организованного отвода войск Юго-Западного фронта, но Сталин и слышать об этом не хочет. В августе начальник штаба фронта генерал Тупиков утверждает, что отвод войск – единственно правильное решение, позволяющее сохранить силы и избежать разгрома. Сталин резко возражает, и Военный совет фронта вместе с Кирпоносом ему подчиняются. Дело идет к сдаче Киева, но Верховное командование РККА этого видеть не желает. Красноармейцы и командиры зачастую проявляют незаурядную личную стойкость и храбрость, но в целом войска фронта такой, с позволения сказать, «стратегией» обрекаются на гибель. В первые дни сентября 1941 года немцы в ряде мест форсируют Днепр и обходят армии Юго-Западного фронта. Они и до этого заходили в тыл и окружали наши воинские части – полки, дивизии, мехкорпуса, но теперь масштабы окружения ужасающи. И в июле, и в августе, и теперь в сентябре наши пытаются пробиваться из окружения с тяжелейшими боями. Однако удаётся это далеко не всегда и не всем. Генерал Кирпонос при выходе из окружения смертельно ранен. В плену оказываются командующие 5-й армией генерал Потапов, 6-й армией генерал Музыченко, 12-й армией генерал Понеделин и множество их солдат и офицеров. Как потом подсчитали, потери Красной армии только в боях под Киевом составили более 450 тысяч человек. Это не сухой статистический показатель. Это число, за которым не тихие смерти в своей постели, а потоки крови, гибель от снарядов, разрывающих на части тела, от огня, прожигающего до костей, от пуль, пробивающих сердца. За этой цифрой – плен не в виде братания с быв-

шим противником, как в Первую мировую, а кошмар унижения, отсроченного мучительного умирания.

Инженерные подразделения попадали в окружение и в плен так же, как и другие, если не чаще. Ведь отходили они последними – минирование, подрыв переправ и мостов производились лишь после отступления основных родов войск. В конце июля – начале августа 1941 года в районе Коростеня или где-то около реки Ирпень попал в окружение и в плен и мой дядя Моисей.

Красноармейцев-евреев, как известно, немцы в плен не брали, сразу расстреливали. Но так случилось, что в окружении Моисей оказался вместе со своим товарищем, сержантом из штаба полка. У него были бланки красноармейских книжек и печать, и он сделал Моисею документ на имя украинца Орленко Михаила Яковлевича. А дальше Моисею, если можно так выразиться, повезло. Дело в том, что в летние месяцы первого года войны в немецком плену оказалось громадное количество наших – по разным данным, от трёх до трёх с половиной миллионов человек. Немцы должны были их куда-то девать. Заниматься ими серьёзно им было «недосуг», и они их размещали, где придётся. Главным образом, за сотню-другую километров от мест пленения. Так было до осени 1941 года. К осени 41-го оккупанты уже достаточно освоили захваченную территорию, чтобы иметь возможность равномерно распределять военнопленных по лагерям, перевозить их с Украины в Польшу, из Белоруссии в Прибалтику. Но поскольку Моисей попал в плен до осени, ни в Польшу, ни в другую «заграницу» его не увезли. И он остался на Украине, в лагере военнопленных в г. Ровно. В этом и было везенье. Ведь в Польшу и Прибалтику немцы транспортировали пленных в ужасных условиях. Летом – в набитых битком, наглухо закрытых товарных вагонах, стоя, без еды и питья. Зимой – на открытых платформах. До места доезжали живыми лишь человека три-четыре из десяти.

В Ровно находились три лагеря для военнопленных. Лагерь для рядовых и сержантов – шталаг № 360 – был самый большой. Располагался он на территории военного городка на перекрёстке улиц Соборная и Дубенская, и содержалось в нем 82 тысячи человек. Это при том, что всё довоенное население г. Ровно составляло 40 тысяч. Как они содержались, нам, живущим здесь и сейчас, представить просто невозможно. От голода люди теряли человеческий облик, лишенные пропитания, они ели кору деревьев, траву, были даже случаи каннибализма. Тысячи людей гибли от сыпного тифа и других эпидемических заболеваний. Но большинство погибало от штыка и приклада, от пули и издевательств фашистских мерзавцев. Почти ежедневно из лагеря выезжали машины, до отказа нагруженные трупами пленных. Многих закапывали живыми. Один из венгерских офицеров, служивших в немецкой армии, впоследствии вспоминал: «Мы стояли в Ровно. Однажды утром, проснувшись, я услышал, как тысячи собак воют где-то вдалеке... Я позвал ординарца и спросил: «Шандор, что это за стоны и вой?». Он ответил: «Неподалеку находится огромная масса русских военнопленных... Их, должно быть, 80 тысяч. Они стонут потому, что умирают от голода». Я пошёл посмотреть. За колючей проволокой находились десятки тысяч русских военнопленных. Многие были при последнем издыхании. Мало кто из них мог держаться на ногах. Лица их высохли, глаза глубоко запали. Каждый день умирали сотни, и те, у кого ещё оставались силы, сваливали их в огромную яму».

Спасти жизнь при таких условиях можно было только одним способом – побегом. И Моисей со своим другом решаются на это. Они тщательно всё продумывают, изучают график дежурств охраны и «траектории движения» часовых и, поймав момент, бегут. В последние минуты к ним присоединяется ещё кто-то, но присоединившимся уйти не удаётся. Совершив побег спонтанно, без предварительной подготовки и собранности, они где-то чуть медлят и попадают под огонь охранников. А Моисей с другом всё-таки убегают.

Начинаются скитания по Ровенской области – по лесам, по сёлам. Уже поздняя осень, по ночам холодно. Голодные, грязные беглецы всего и всех боятся. Кое-где их подкармливают, кое-где дают одежду. Но приходится быть сверхосторожными. В лесах полно националистически настроенных людей, уже всё больше и больше бандитов. Активно действует «Полесская Сичь» – объединение украинских «самостийников», возглавляемое Тарасом Боровцем, называющим себя Головой Украины Тарасом Бульбой. Эта «армия» бандеровцев и дезертиров бесчинствует во всём Украинском Полесье, грабит крестьян, отлавливает окруженцев и беглых военнопленных, расстреливает и вешает сторонников Советской власти. Местное население тоже неоднородно. Могут и помочь, но могут и выдать сичевикам или немцам. Но, несмотря на постоянную опасность, нужно как-то определяться. Идти к линии фронта и пытаться перейти её – нереально. По дороге обязательно поймают. Попытаться найти партизан (о них начинают поговаривать) – но где они? Как выйти на них, а не на бандитов? И Моисей приходит к следующему: нужно «легализоваться» и постепенно разобраться в ситуации. Под видом «щирого» украинца (украинский язык он знал в совершенстве) он устраивается на работу на одной из железнодорожных станций в районе Ровно, в паровозоремонтные мастерские. (Позднее в результате переписки с Государственным архивом Ровенской области я понял, что это были ремонтные мастерские станции Здолбунов.) Он начинает работать и потихоньку искать связь с партизанами.

Выйти на партизан оказалось непросто, поскольку на Западной Украине они были очень разные и шли на контакт по-разному. Предварительной подготовки к развёртыванию партизанского движения

на Западной Украине, в отличие от её восточной части, проведено почти не было. Поэтому оно складывалось примерно таким образом. Вначале стали появляться стихийные отряды из бывших красноармейцев и командиров РККА. Они были очень «недоверчивые», действия против фашистов предпринимали не слишком-то активно и, главным образом, ставили перед собой задачу выжить и когда-нибудь всё-таки выйти к своим. По мере того, как гитлеровцы усиливали притеснение местного населения, к таким партизанам начала примыкать его некоторая часть. С помощью местных было легче ориентироваться в окружающих условиях, раздобывать продукты питания и пр., но принимали их в подобные отряды весьма ограниченно. Следующими начали создаваться партизанские отряды НКВД. Их основу составили военные специалисты, особо подготовленные и забрасываемые в тыл врага для агентурно-разведывательной и уникальной диверсионной работы. Такие отряды были организованы, например, будущими Героями Советского Союза Медведевым (именно в его отряде был Николай Иванович Кузнецов), Прокопюком и др. Они тоже принимали местных жителей и других людей, но только при необходимости и неизбежности этого. Дальше начали возникать партизанские отряды, формируемые подпольными советскими, партийными и комсомольскими органами и командованием Красной армии. Это было уже более широкое партизанское движение, в которое вовлекались все, кто хотел сражаться с фашистскими захватчиками. В них вливаются многие стихийные отряды, они хотя и не объединяются, но взаимодействуют с отрядами НКВД. В Ровенской области руководят такими партизанскими отрядами секретарь подпольного обкома КП(б)У Бегма и Фёдоров-Ровенский (его так звали, чтобы не путать с Фёдоровым-Черниговским). Вот с их партизанским соединением дядя Моисей и находит связь. (Это следует из письма, которое я получил из архива ФСБ.) Я думаю, что ему помогли в этом люди Медведева. В книге «Сильные духом» Медведев рассказывает о том, что на станции Здолбунов работали его люди: Николай Приходько, Дмитрий Михайлович Красноголовец, Лёня Клименко и ещё многие. Они и могли «навести» Моисея на соединение Бегмы–Фёдорова.

Служба в инженерных войсках, всё то, что он пережил, сделали Моисея ценным человеком для партизан. Он был смелым, мог быть минёром и подрывником, умел воевать с оружием в руках, а потому, став партизаном, свой вклад в дело разгрома врага внёс несомненно. Партизанская война – дело нелёгкое. (Об этом сегодня написано столько, что повторять не требуется.) Но вопреки преследованиям карателей, многочисленным опасностям и лишениям, партизаны били фашистов так, как делали бы это бойцы регулярной армии. По данным Украинского штаба партизанского движения, в результате боевых действий соединения Бегмы–Фёдорова только за период с 15 августа 1943 года по 12 февраля 1944 года было истреблено немецких солдат и офицеров 7286, подорвано эшелонов 101, разбито и повреждено 773 единицы техники, имеющей военное назначение, взорвано 22 моста, нарушено 8170 линий телефонно-телеграфной связи, подорвано 12056 метров железнодорожного полотна. И во всём этом есть и доля Моисея Гольдштейна.

В феврале 1944 года войска 1-го Украинского фронта освободили Луцк, Млинов, Ровно. Значительная часть партизанских отрядов Ровенщины распускается. Всех, кто прошёл плен, и Моисея в том числе, направляют на «фильтрацию» – проверку следственными органами НКВД. Это была процедура, мягко говоря, малоприятная. Нужно было доказать, что ты не изменник. Документация в партизанских отрядах велась кое-как, и бумагами что-то подтверждать было трудно. Но в НКВД был такой порядок: вместо документов можно было представить свидетелей. И свидетели нашлись. Впрочем, их и искать-то особенно не пришлось. Соединение Бегмы–Фёдорова тогда насчитывало свыше двух тысяч человек. Свидетели подтверждают, что Моисей воевал честно и мужественно, и его освобождают. В это время на отбитых у фашистов территориях уже начинаются восстановительные работы, и как квалифицированный технарь бывший сержант направляется на мирное строительство. Он возвращается в Днепропетровск, домой. Война для него кончилась.

Мирную жизнь начинать было тяжело. Родной дом разграблен, отца и мать убили немцы. Хорошо, жена и дочь спаслись. Семья соединяется, в 1945 году у них рождается сын. После войны Моисей Яковлевич Гольдштейн завершает своё заочное образование, работает вначале чертёжником, а потом конструктором в ЦКБ Главмашчермет, затем начальником сектора в прокатном отделе Укргипромеза. В 50–70-е годы по проектам, выполненным с его участием, было построено 30 прокатных станов и модернизировано более 25 существующих, созданы новые прокатные цеха на заводах им. К.Либкнехта, «Азовсталь», «Серп и молот», на металлургическом комбинате им. Дзержинского и многих, многих других. Сейчас его уже нет на свете, но сделанное им живёт. Живёт то, что он совершил как солдат и как инженер. И я иногда думаю, как у него и ему подобных хватило смелости и силы не сломаться, перебороть страх и сделать то, что сделали, несмотря на все испытания, которым их подвергла судьба.

В советские годы на Украине было поставлено несколько памятников партизанам. Чтобы не забывали погибших и выживших. Для меня это памятники и моему дяде Моисею.

ИЛЬЯ ГОРБУНОВ

Илья Елисеевич Горбунов – отец моей жены. Она его никогда не видела – он погиб, когда ей было два месяца.

Родился он в 1906 году в деревне Саламатово, которая тогда относилась к Оренбургской губернии, а теперь – в Челябинской области.

Рос Илья, как все деревенские дети, но уже получил начальное образование. Его младший брат Ваня, родившийся четырьмя годами позже, пошёл ещё дальше – окончил семь классов. Потом Ваня работал в колхозе, служил на действительной, участвовал в Финской и Отечественной войнах, а в декабре 1942 года вернулся домой с простреленным плечом и стал бригадиром.

Илья Елисеевич работать в колхозе не очень-то хотел. Коллективизация со всей её плановостью и директивностью не вполне согласовывалась с его самостоятельностью и независимостью. Он хотел жить по-своему. Тем более, что в 1926 году он уже женился, а в 29-м году у него родилась дочь. Он решает перебраться в Свердловск, и в 1930-31 году осуществляет это. Вместе с женой они поступают на работу на Ленинскую фабрику. Она швеёй, а он, скорее всего, плотником или конюхом – какую ещё специальность мог тогда иметь деревенский парень... Им дают комнату в деревянном двухэтажном доме неподалёку от работы, и всё, кажется, складывается неплохо. В 1932 году у них рождается сын. Но деревня всё-таки тянет к себе. Привычка к сельской жизни оказывается сильнее стремления к самостоятельности. И в 1934 году Илья с семьёй возвращаются в Саламатово. Работают в колхозе, рождают ещё одного сына, живут... Илью назначают бригадиром, как позднее его брата. Но Гитлер нападает на СССР.

В конце июня 1941 года Илья Горбунов – уже красноармеец. Вместе с другими новобранцами его направляют в карантин и дальше в запасной полк. Я не знаю точно, где он располагался, но, по-видимому, где-то в одном из уральских военных городков, до войны занятых частями, теперь ушедшими на фронт. Разбили на роты, взводы, отделения и разместили по казармам. Никаких постелей или ещё чего-нибудь такого не дали. Только выдали обмундирование б/у. А потом начались занятия. Ни оружия, ни патронов. Вооружили деревянными макетами винтовок и стали учить строевой и рукопашной. Кормили сносно, хотя дежурные на кухне и подворовывали. Но стояло лето, а потому было терпимо. Постепенно начали учить обращаться с гранатами и настоящим стрелковым оружием, но патроны экономили так, что научиться стрелять прицельно, если у тебя нет таланта, было невозможно. Политзанятия, однако, проводили без всякой экономии. На передовой их в это время отменили – не до того было, а тут проводили в полную силу. Наверное, это было нужно, вот только сочетались бы они с хорошей именно военной подготовкой.

Илья Горбунов с семьей.
Деревня Саламатово, 22 июня 1941 г.

Примерно недели через три-четыре красноармейцев начали распределять по спецротам: кого в миномётную, кого в бронебойщики, кого в пулеметчики. Илья роста был небольшого, силы невеликой. Таскать миномётную плиту или противотанковое ружьё он был не очень-то пригоден. И его определили в стрелковую роту. Должность дали – «стрелок». А вскоре пришло время маршевых рот – отправки на фронт.

Куда, на какой фронт попал Илья Горбунов, мне выяснить так и не удалось. Но знаю, что свежесформированные дивизии тогда сразу бросали в боевые действия, и что в октябре–ноябре 1941 года он оказался под Москвой. В конце сентября немцы сосредоточили на московском направлении 77 дивизий – больше миллиона человек, 14 тысяч орудий и миномётов, 1700 танков, 950 самолётов. И 30 сентября вся эта сила начала наступление, стремясь охватить Москву с севера и юга. На оборону Москвы были брошены войска Западного, Брянского и Резервного фронтов, а также 12 дивизий народного ополчения. Значительная их часть по боевому опыту немцам уступала, и, несмотря на ожесточённое сопротивление, они сначала вынуждены были отступать. За месяц кровопролитных боёв немцам удалось продвинуться на 230-250 километров. 13 октября пала Калуга, 16 октября – Боровск, 18 октября – Можайск, 19 октября ГКО ввёл в Москве осадное положение, на окраинах столицы уже строились оборонительные сооружения. К концу октября немецкое наступление всё же начинает выдыхаться, а в первых числах ноября на линии Волоколамск – Наро-Фоминск почти останавливается. Это около 80 километров от Москвы. Но что значит «останавливается»? То, что есть результат громадного человеческого напряжения и исключительной стойкости таких, как Илья! Немцы не знают, что делать. Они собирают совещание командующих армиями в Орше, на которое приезжает Гитлер. Решают перегруппировать, усилить войска танками и артиллерией, и наступление возобновить. Но советское командование за время паузы пред-

принимает свои меры – укрепляет оборонительные рубежи, для организации более чёткого управления переводит основную массу войск в состав Западного фронта, пополняет стрелковые части уральцами, сибиряками... (с Урала, из Сибири и Казахстана перебрасывают 39 дивизий и 42 бригады). И когда немцы начинают наступление снова, Красная армия отражает врага уже более уверенно.

15-16 ноября фашисты идут на Москву с северо-запада, 18 ноября – с юго-запада. Пытаются обойти Москву со стороны Тулы – Каширы. К концу ноября овладевают городами Клин, Солнечногорск, Истра, выходят к каналу Москва – Волга и занимают Красную Поляну – в 27 километрах от Москвы. Но здесь советские войска гитлеровцев останавливают окончательно. Инициатива действий переходит к ним, и начинает складываться возможность контрнаступления. Эта возможность создаётся в непрерывных боях, которые длятся сутками. Тяжесть боёв усугубляется погодой. В октябре – распутица и грязь, в первой половине ноября похолодало до минус 7-10 градусов, а 25 ноября – до 30 градусов мороза. Резкое похолодание сопровождалось сильными снегопадами. Наши потери убитыми и ранеными чрезвычайно велики. В ротах остаётся по 20-30 человек – как в одном взводе.

При втором наступлении немцев на Москву, во второй половине ноября 1941 года, получает тяжёлое ранение и стрелок одной из уральских дивизий Западного фронта Илья Елисеевич Горбунов. Бой длился трое суток без перерыва. От холода, голода и усталости мутилось в голове. Но нужно было держаться. Но вот – короткая передышка – можно вздохнуть, перекурить. Илья, присев на край окопа, перематывает портянку. И вдруг – шальная пуля в локоть правой руки. А дальше госпиталь, длительное лечение и инвалидность. Рука сохнет, подвижность её ограничена.

В феврале 1942 года негодный к дальнейшей службе Илья возвращается домой. Его сразу же нагружают работой – назначают председателем саламатовского колхоза «Красный боец». Работа оказалась не из лёгких. Спрашивали тогда с колхозников много. Нормы были такие, что рабочий день длился от рассвета до заката. Недовыработка трудодней каралась уголовно по указу 14-4-1942, а самовольный уход с работы – по указу 26-6-1940. И это касалось всех, начиная с детей от 12 лет. Лошади почти все были мобилизованы в армию, поэтому пахали на себе. В ответ же людям не давали практически ничего (всё для фронта!) – за трудодни зачастую ставили палочки. Колхозники кормились только со своих приусадебных участков, денег не было, на отопление, бывало, разбирали заборы и дворовые постройки. Конечно, были и люди, для которых «война – мать родна». За счёт приусадебных участков умудрялись даже богатеть. Но основная масса была нищета нищетой. Только выжить бы. Вот и попробуй, поруководи в таких условиях. Того и гляди, к «врагам народа» причислят. Но Илья старается. И не только распоряжается, но и, сколько может, сам физически работает, и жена, и дочь. И десятилетний сын помогает – и возчиком, и по хозяйству, и ещё ловит в озере карасей и обменивает на картошку.

Несмотря на все трудности, жизнь всё-таки идёт. Но в декабре 1942 года из Бродокалмакского райвоенкомата в Саламатовский сельсовет поступает телефонограмма. В ней передаётся список состоящих на военном учёте колхозников, призываемых в РККА. В списке был И.Горбунов, 1912 года рождения. Иван Горбунов, 1912 года, в деревне был. Но он был мужем сельсоветовской секретарши. И она, чтобы сберечь его, выписала повестку Илье, хотя он был 1906 года. Наверное, думала, что раз Илья инвалид, то он об этом заявит, и его не заберут. Но получилось всё по-другому. То ли Илья из-за своего характера не захотел «отмазываться», то ли никто не принял во внимание, что у него покалеченная правая рука, но он снова был призван в действующую армию. Никакой роли не сыграли ни инвалидность, ни то, что у него было трое детей, и жена ждала четвёртого, ни то, что он был председателем колхоза.

За день до второго ухода Ильи в Красную армию домой вернулся комиссованный по ранению его младший брат Ваня. Они просидели-проговорили всю ночь. О чём говорили – ясно. О том, что предстояло тому и другому. Попроща-

Почетный караул у памятника воинам, погибшим в Холм-Жирковском районе. Станция Игоревская.

лись с надеждой увидеться, когда кончится война. А утром Илья уехал. Теперь его направляют на сборный пункт в район Чебаркуля. Условия совсем не такие, как в прошлый раз. Зима, холодно. Обмундирование тоже б/у, но зачастую зашитое. Люди не сразу понимают, что оно осталось от погибших на фронте или умерших в госпиталях. И очень голодно. Скудные припасы, взятые с собой, скоро кончаются. Хорошо, что через неделю приезжает жена. Вместе с другими женщинами она, то на подводе, то пешком добирается до сборного пункта и привозит немного еды.

Продержав на сборном пункте дней десять, мобилизованных посылают на фронт. Илью отправляют в 31-ю армию Западного фронта, в 376-й стрелковый полк 220-й стрелковой дивизии. После сокрушительного разгрома фашистских войск под Москвой эта дивизия с боями оттесняет врага в сторону Смоленска. Причём довольно быстро. Илья писал домой об этом. Его письма приходили регулярно (в одном из них он попросил жену, чтобы девочку, родившуюся в январе 1943, она назвала Ниной). А вот письма из дому его не догоняют. С начала марта начинается знаменитая Ржевско-Вяземская наступательная операция 1943 года. 220-я дивизия участвует в ней. В первые же дни её из-за весенней распутицы темпы преследования противника снижаются до 6-7 километров в сутки. Но к середине месяца увеличиваются снова. За первую половину марта наши войска заставляют отступить 16 гитлеровских дивизий! 220-я дивизия освобождает Новодугинский район Смоленской области, вместе с 618-м стрелковым полком 215-й дивизии и 44-м стрелковым корпусом 199-го полка изгоняет фашистов из Сычевского района. 10 марта 1943 года 376-й полк 220-й стрелковой дивизии атакует врага под деревней Пустошка Андреевского района. Много убитых и раненых. Погибших хоронят в братской могиле там же, под деревней. Раненых пытаются лечить. 15 марта схоронили умершего от ран Александра Ильина и снова двинулись вперед. 16 марта был очередной бой, под деревней Булычёво Холм-Жирковского района, соседнего с Андреевским. Погибли сержант Коля Юшкин из Чкаловской области – двадцатилетний мальчишка (видимо, командир отделения), Илья Алексеевич Дюкин, Иван Иванович Демидов, Куликов Георгий Алексеевич из Горьковской области, Тимофей Федорович Кондратюк, Козлов Александр Иванович и ещё многие. И вместе с ними – Илья Елисеевич Горбунов.

В июле 1943 года семья Ильи получила «похоронку». В ней говорилось, что, проявив геройство и мужество, он пал в бою за социалистическую Родину и похоронен в братской могиле у деревни Булычёво Холм-Жирковского района Смоленской области. В углу извещения было указано: «часть АХЧ». Долгие годы родные Ильи Елисеевича считали, что слова о геройстве и мужестве в «похоронке» – просто день памяти и уважения погибшему солдату. Раз он был инвалидом, то, скорее всего, он был в хозчасти, во втором эшелоне, о чём, как будто, и говорит угловая надпись. То, что АХЧ – название отдела военкомата, выписавшего извещение, просто не поняли. Но недавно я разыскал «Список безвозвратных потерь 220-й стрелковой дивизии», и то, что я в нём увидел, меня поразило. Напротив фамилии Ильи Елисеевича Горбунова было указано: «стрелок». И фамилия эта стоит в одном ряду с другими красноармейцами-стрелками. Значит он был вовсе не в хозчасти, а в строю, на передовой, и бился с фашистами наравне со всеми. Бился с неработающей правой рукой, будучи инвалидом. Как он стрелял, как рыл окопы? Не знаю. Но не сомневаюсь, что он делал всё, что должен был делать солдат. И это, я думаю, в его положении было действительно геройством.

Через много лет взрослый сын Ильи Елисеевича попытался разыскать его могилу. Говорят, на ней был особенный памятник – пирамида из касок погибших солдат. Но ни могилы, ни следов памятника он не нашёл.

Шли годы, и этот памятник стал мне сниться в виде знаменитой картины Верещагина «Апофеоз войны» – пирамиды из человеческих черепов. И я решил всё-таки его найти. Поиски продолжались около года. Я узнал, что имя Ильи Елисеевича занесено в челябинскую Книгу Памяти (том 2), но о деревне Булычёво и братской могиле вблизи неё никто ничего не знает – ни в Центральном архиве Министерства обороны, ни в посёлке Холм-Жирковский. Мне только сообщили, что деревни Булычёво уже давно не существует. Но я не мог успокоиться. И в конце концов, с помощью директора историко-краеведческого музея посёлка Холм-Жирковский Галины Валентиновны Батюшиной выяснил, что братскую могилу из деревни Булычёво перенесли на станцию Игоревская. Над ней установлен красивый памятник, такой, какого покоящиеся под ним достойны. Мне прислали фотографию с церемонии открытия этого памятника с почётным караулом около него. И имя Ильи Горбунова, солдата, погибшего при освобождении Смоленской земли, вписали в Книгу Памяти Холм-Жирковского района. Теперь моя душа спокойна.

ЛЕОНИД ГОЛЬДШТЕЙН

Из четверых детей моих дедушки и бабушки он был самым младшим – 1924 года рождения, на 14 лет моложе моей мамы. Его жизнь пролетела стремительно. И хотя он мне приходится дядей, называть его так у меня не получается. Он для меня всегда будет Лёня – как брат.

В одном из фильмов о войне есть такой эпизод: корреспондент фронтовой газеты спрашивает молодого офицера, кем тот был до войны. Подумав, офицер отвечает: «Мальчиком». Наверное, и Лёня был до войны просто мальчиком, подростком, и этим можно полностью охарактеризовать его тогдашнюю жизнь. Любил что-то мастерить, помогать старшим братьям и отцу. Учился в школе, его приняли в пионеры. Потом он стал комсомольцем, хотя трудно сказать, он вступил в ВЛКСМ ещё до войны

или во время войны, уже в училище.

17 августа 1941 года с Днепропетровским заводом металлургического оборудования (ДЗМО) Лёня вместе со средним братом и семьёй сестры, моей мамы, эвакуируется в Алапаевск. А ровно через неделю, 24 августа, Днепропетровск оккупируют немцы. Эшелон с оборудованием и людьми уходит из Днепропетровска с трудом. Город непрерывно бомбит фашистская авиация. Отъезд был намечен на 6 августа, но его задержали на день – нужно было пропустить вперёд эшелон металлургического завода им. Петровского. Его пропустили, но он был практически полностью разбомблен. Поезд ДЗМО, идущий следом, подбирал оставшихся в живых, когда вокруг ещё всё горело.

Железные дороги, ведущие на восток, были перегружены. В июне-ноябре 1941 года из западных районов было вывезено более 1500 промышленных предприятий. Только за июнь-июль было эвакуировано восемь миллионов человек (а всего за войну – в полтора-два раза больше). Это была гигантская и сложнейшая оборонительная операция, без которой наша страна вряд ли смогла бы выстоять. Эшелон ДЗМО прямо на восток пробиться не смог. Пришлось сначала двинуться на запад, потом на юг, а уже затем на восток. Но на запад – это в сторону наступающих гитлеровцев, а потому большой риск. Идти на него, однако, пришлось. Результат не заставил себя ждать – в районе станции Пятихатки, километрах в ста к западу от Днепропетровска, состав попал под массированный авианалёт. Было очень страшно. Пережившие это мне позднее рассказывали: люди прятались кто куда – кто под вагоны, кто в придорожные кусты. На вагоны летели бомбы, а по кустам ещё стреляли пулемёты. Казалось, спасения нет нигде, но Лёне с родными повезло. Укрывшись под вагоном, они остались в живых.

Эшелон шёл до Алапаевска 33 дня. Люди спали в тех же вагонах, где везли оборудование – между машинами, грудами металла, а зачастую прямо на них. Еды, взятой в дорогу, вскоре уже не осталось. Попытки что-нибудь купить или поменять на вещи на станциях (на то, что не сгорело при бомбёжке и не было украдено) приводили к успеху далеко не всегда. Бывало, изза таких попыток от эшелона отставали, а потом с трудом его приходилось догонять. Голод, антисанитария... начались болезни...

Леонид Гольдштейн, токарь 10-го цеха АМЗ.

В двадцатых числах сентября поезд днепропетровцев достигает пункта назначения – стоящего на реке Нейве уральского города Алапаевска, где был большой, основанный ещё в петровские времена металлургический завод – АМЗ. Эвакуированных постепенно как-то устраивают с жильём, а дальше взрослые начинают работать на заводе, а дети и подростки продолжают учёбу в школе. Лёня тоже идет в школу. Хотел на завод, но родные убедили: остался десятый класс, надо его закончить. Школа была тогда не такая, как сейчас. Учились и вместе с этим делали ещё многое, нужное для обороны. Конечно, собирали металлолом. Только не в таких количествах, как в мирное время, – намного больше. Чёрный вторичный металл стал тогда важнейшей составной частью шихты в сталеплавильном производстве, а цветной лом был нужен для производства биметаллического листа, из которого делали снарядные и патронные гильзы (Алапаевский завод по биметаллу был одним из ведущих в стране). Ученики школы № 3, в которой учился Лёня, и в строительных работах участвовали, и в ремонтно-дорожных, и в сельскохозяйственных. Заготавливали дрова, нужные для отопления и газогенераторов АМЗ, помогали заводу фанерных планеров, железной дороге... Времени на учёбу оставалось не так-то много, но Лёня учился нормально. Вот только с немецким языком были проблемы. То, что он успел повидать в начале войны, заставило его так возненавидеть фашистов, что их язык он учить просто не хотел.

Первый год в Алапаевске для всех эвакуированных, и для Лёни Гольдштейна, прошёл крайне трудно. Пришлось приспосабливаться к суровому климату – зима была холодной, в январе 1942 года температура в городе опускалась до минус 53 градусов. В конце июня 1941 года во всём Алапаевском районе случился сильный заморозок, и к осени не уродилась картошка. Нужно было привыкать к другим людям, совсем не таким, как на Украине. И ещё всё время думалось, как там, на фронте, что стало с родителями, оставшимися в Днепропетровске, где и как воюет старший брат. К этому добавлялось угнетающее недовольство собой: другие сражаются с врагом «по полной», а ты – школьник. Но настаёт июнь 1942 года, и с 10 числа, после окончания школы, Лёня начинает работать на АМЗ. В 2005 году я нашёл в Свердловском областном архиве запись о том, что Л.Гольдштейн, 1924 г.р., был призван на работу в промыш-

ленность 14 июня 1942 года. Значит он пошёл на завод сам, не дожидаясь призыва.

Принимают Лёню в цех № 10 учеником токаря. Это цех «молодёжный», потому его туда и берут. Подобно цехам №№ 11 и 12, цех № 10 – закрытый. Основная его продукция – мины. В цехе несколько отделений: штамповочное, паяльное, пескоструйное, гальваническое, заливочное, ОТК и отдел военпреда, откуда готовые изделия идут прямиком на фронт. Специального станочного отделения не было, но имелся участок, на котором первоначально было пять токарных станков, затем к ним добавились станки геологоразведочного техникума, из Нейво-Шайтанского детского дома и с ДЗМО. Основы токарного дела Лёня освоил довольно быстро и вскоре стал работать самостоятельно. На станочном участке выполняли различные ремонтные работы, дорабатывали корпуса мин после штамповки, точили детали для тяжёлых миномётов и «катюш» (в помощь другим цехам), и всё это Лёня стал делать. Постепенно почувствовал вкус к профессии и начал вникать в неё всё глубже. В октябре 1942 года из Сестрорецка (под Ленинградом) в Алапаевск эвакуировали инструментальный завод и станкоинструментальный институт. 21 октября в газете «Алапаевский рабочий» появляется объявление о приёме студентов, и Лёня поступает учиться в этот институт. Смена на заводе длится 12 часов – с 7 утра до 7 вечера. Иногда приходится работать по две смены подряд. Но всё равно на учёбу он время находит. Тяжело, питание впроголодь – постоянный режим экономии. На сон – что останется, и ни одной свободной минуты. И так до июня 1943 года. Но в начале июня крутой поворот: Лёня всё бросает и добровольцем уходит в Красную армию, в авиаучилище.

О том, что он пошёл добровольцем, как-то раньше мне никто не говорил, а самому мне это в голову не приходило. Но в прошлом году я познакомился с военным историком Василием Григорьевичем Мединским, и он обратил моё внимание на то, что Лёня работал в закрытом цехе, где все имели бронь и откуда в армию так просто не призывали. Выходит, он захотел сам?

Весной 1943-го Алапаевский ГК ВКП(б) и РК ВЛКСМ развили активную деятельность по привлечению добровольцев в организуемый Особый Уральский добровольческий танковый корпус. Заявления пошли потоком, но брали только тех, кто имел нужную для корпуса специальность. Затем стали искать «охотников» пойти в партизанские отряды на Украину. Там тоже предъявлялись свои требования (молодым, например, предпочитали людей «в возрасте», желательно коммунистов). Примерно в это же время был объявлен набор добровольцев в военно-воздушный десант. Тут брали, прежде всего, молодёжь. Так в десантники попал, в частности, 19-летний брат моего знакомого Е.А.Рубинштейна, рабочий АМЗ, днепропетровец Гриша Палей (он и все ребята того набора впоследствии погибли или пропали без вести). Так, очевидно, откликнулся на призыв «в лётчики» и Лёня Гольдштейн.

Лёня подходил для авиации вполне. Парень грамотный, знакомый с техникой, математикой, физикой... Правда, на медкомиссии выявилось, что у него отсутствует ахиллесов рефлекс – очень важный для лётчиков (ощущение педали!), но, по-видимому, следуя «пожеланиям трудящихся», этим недостатком пренебрегли. 5 июня 1943 года Леонид Гольдштейн получает из Алапаевского райвоенкомата предписание, в котором указывается, когда и куда он должен явиться. 7 июня он увольняется с завода, а на следующий день, 8 июня, он уже курсант 3-й школы первоначального обучения летчиков ВВС ВМФ (военно-морского флота) в г. Сарапуле.

Сарапульская школа тогда была очень серьёзной. Достаточно сказать, что примерно в то же время, что и Лёня, в ней проходил обучение будущий космонавт Павел Иванович Беляев. Мог ли подумать Лёня, что по сути мальчишка, с которым они едят в одной столовой и спят в одной казарме, через 22 года станет командиром космического корабля «Восход-2»! Беляев был моложе Лёни, уровень образования у него был ниже, а потому в этой школе он учился больше года – с 20 мая 1943 по 2 июня 1944 (таким, как он, нужно было изучить и общеобразовательные предметы, и специальные – основы аэродинамики, авиатехнику и пр.). Лёня же, как человек, один год проучившийся в вузе, программу школы освоил быстро, всего за три недели – с 8 июня по 1 июля 1943 (!). Получается, что с Беляевым они учились одновременно всего двадцать три дня, но я думаю, что они успели познакомиться и даже, может быть, установить хорошие отношения (почему мне так кажется, объясню позднее).

С 1 июля 1943 Лёню переводят в Военно-морское авиационное училище им. С.Леваневского в г. Безенчук Куйбышевской области. Это училище к 1943 году уже было знаменитым. Основано оно было в 1929 в г. Николаеве, а в Безенчук эвакуировалось в 1941. По данным Музея боевой славы, что расположен сегодня в Безенчукском аграрном техникуме, где в 1941–1944 годах была учебная часть леваневцев, только за это время училище подготовило 477 лётчиков, 376 штурманов, 969 стрелков-радистов. Леонида определяют учиться на штурмана. По «классике», штурман – член экипажа самолёта-бомбардировщика. Каждый в этом экипаже выполняет свои функции. Лётчик ведет самолёт, пикирует на цель, сбрасывает бомбы. Как командир, он принимает решения, отдаёт распоряжения. Он отвечает за всё и за всех. Штурман определяет курс, находит цель, готовит данные для бомбометания, выполняет прицеливание, обороняет верхнюю полусферу от атак истребителей врага. Стрелку-радисту отводится особая роль. Он держит радиосвязь с аэродромом и с ведущим самолётом. Пока лётчик и штурман заняты прицеливанием и сбрасыванием бомб, стрелок-радист является полным стражем экипажа, а после охраняет заднюю полусферу.

Курсанты училища им. С.Леваневского на учениях. Станция Обшаровка, 8 июля 1944 года.

стрелкам-радистам – сержант. В это же время, желая служить не «абы с кем», выпускники «самостийно» объединялись в экипажи. Формирование лётного экипажа обычно начиналось по инициативе стрелка-радиста (так традиционно сложилось и в СССР, и в других странах). Он выбирал себе «подходящего» штурмана, а затем они вместе подбирали лётчика. После этого шли к командиру эскадрильи, и тот, как правило, состав экипажа утверждал. (Исключения были, но редко.) В точности мне не известно, как формировался экипаж, в который вошёл Леонид, но полагаю, что так же, как и все. И что «застрельщиком» в этом был сержант Ваня Панин. Иван Федорович Панин был совсем мальчишка – 1926 года рождения. До училища он работал на заводе в Ставрополе Куйбышевской области (теперь Тольятти), и там у него оставалась мать. Но вообще-то, он был деревенский – родился в селе Ольгино Шигонского района Куйбышевской области. Вполне возможно, что, договорившись с Лёней, они вместе выбрали себе и лётчика – Павла Фёдоровича Беляева. Почему его? Наверное, Павел с Леонидом и до этого были если не друзьями, то уж явно хорошими знакомыми. А поводом к этому вполне могло послужить возможное знакомство Лёни в сарапульской школе с будущим космонавтом Павлом Ивановичем Беляевым и стремление продолжить приятельство совместной службой хотя и с другим, но тоже Павлом Беляевым. Во всяком случае, такое не исключено. Павел Фёдорович был старше Леонида и Ивана – он был с 1919 года. В морской авиации он был с 1939 года, а до этого тоже работал, но не на заводе, а в дерев-

Первые месяцы Лёне в училище было довольно легко. Кормили хорошо, выдали красивую матросскую форму, теоретические занятия трудности для него не представляли. Так осенью 1943 он встретил своё девятнадцатилетие. Но дальше заниматься ему становится всё тяжелее и тяжелее. Питание ухудшилось, программа обучения становится всё более и более насыщенной. Продолжительность занятий – по 12 часов в день. Во-первых, учились уверенно летать (штурманы – тоже, чтобы при необходимости суметь заменить лётчика). Во-вторых, осваивали разные виды бомбометания – из горизонтального полёта и из пикирования (пикирование – это когда самолёт под углом примерно 60-70 градусов устремляется вниз с высоты 2500-3000 метров, а потом на высоте 700-1000 метров переходит в горизонтальный полёт или взмывает вверх – делает «горку»). В-третьих, осваивали торпедометание и топмачтовое бомбометание (с дистанции около 250 метров и высоты около 25 метров!). В-четвёртых, способы расстановки с самолёта морских мин. Ну и, конечно, изучали матчасть – всевозможное техническое оснащение самолётов, их вооружение, приборы, сами самолёты. Полно было и теоретических дисциплин: навигация, баллистика, методы отыскания цели и ещё много чего. В принципе, все занятия делились на сугубо теоретические и сугубо практические. Однако реально границы размывались. Из-за нехватки авиатоплива вместо реальной практики занятия часто проходили на тренажёрах.

Главное внимание при обучении уделялось умению работать на бомбардировщиках Пе-2 («пешках») и A20G («Бостонах»). Знакомили и с гидросамолётами «Каталина» и другими – ведь куда ребята попадут после училища, не было ясно. Ежедневные двенадцатичасовые занятия изматывали, но Леонид учился очень настойчиво, даже с некоторым ожесточением. 26 октября 1943 года наши войска освободили Днепропетровск. Вскоре Лёня узнал, что его родители погибли, и у него появились личные счёты с фашистами. Он учился так, чтобы отомстить за них. К окончанию училища Леонид был уже совсем не тем юношей, что год назад. Это был уже совсем взрослый человек, готовый воевать с врагом.

Перед отправкой на фронт выпускникам училища присваивались воинские звания: пилотам и штурманам – младший лейтенант,

не – в селе Карпово Кесовогорского района Калининской области. Там у него было много родных – мать, брат Сергей, сёстры Мария, Клавдия и Нина... Семья была хорошая, дружная, и Павел, по-видимому, вполне подходил для роли «отца-командира» экипажа.

Итак, экипаж сложился таким: Беляев – Гольдштейн – Панин. И в начале октября 1944 выпускников посадили на Ли-2 и через Москву отправили под Ленинград в Новую Ладогу, в распоряжение командующего ВВС Балтийского флота.

В Новой Ладоге был то ли учебный центр, то ли пункт сбора резерва для пополнения авиации Балтийского флота. А пополнение очень требовалось – лётчики морской авиации гибли массово. Лётчик-бомбардировщик А.П.Аносов, учившийся в Безенчуке в 1942-43 годах, вспоминая конец 1943 года, пишет о своём 73-м бомбардировочном авиаполке: «Пошли 27 экипажей – вернулись 18. Через час второй вылет. Пошли 18 – вернулись 12». В ноябре 1943 начал формироваться знаменитый 51-й Минно-торпедный авиаполк. Так за 9 месяцев своего существования, ввиду потерь, он как бы дважды формировался. По данным Центрального военно-морского архива, 51-й МТАП с июня 1944 по май 1945 потерял до 60 экипажей, то есть до 200% штатного лётного состава. И всё это – смерть в тяжёлом бою, когда при пикировании дикие перегрузки, такие, что глаза закрываются под тяжестью век (на Пе-2 скорость горизонтального полёта 350 км/час, а при пикировании – до 720 км/час), гибель под огнём зенитной артиллерии и истребительной авиации противника. А.П.Аносов рассказывает: «Горели мы здорово... Как свечи... Какая там живучесть... «фоккер» попадал – бах! – и нет «пешки». Страшное дело». Конечно, наши бомбардировщики защищались и нашими истребителями. Но более или менее эффективной такая защита стала лишь с появлением истребителей Як-9 с 37-миллиметровой пушкой и Ла-5.

Попав в Новую Ладогу, Леонид, оказывается, должен был многому доучиваться. Его направляют в 8-ю Минно-торпедную авиадивизию, в которую входит 51-й МТАП и 12-й Гвардейский пикировочно-бомбардировочный авиа-торпедный полк (бывший 73-й). В документах 12-й полк именуют по-разному: 12 ГПБАТП, 12 ГПАТП, 12 ГБАП. Вот в него Павел, Леонид и Ваня попадают. Дислоцируется 12 ГБАП вначале в Новой Ладоге, а затем в Паневежисе (Литва). Командует им дважды Герой Советского Союза полковник Василий Иванович Раков. Его заместитель по лётной подготовке – майор Виктор Васильевич Лазарев. Под их руководством ребята обретают форму и начинают участвовать в боевых действиях.

С первых дней осени 1944 года 12 ГБАП начинает развивать боевую деятельность по осуществлению так называемого плана «Арктур». Этот план являлся составной частью общего плана крупнейшей стратегической Прибалтийской операции и предусматривал массированные дневные удары полками разных родов авиации, групповые и одиночные ночные бомбардировочные операции по судам, боевым кораблям и зенитным батареям в порту Либава с целью срыва вражеской системы снабжения или эвакуации войск морем.

Порт Либава (Лиепая) имел для немцев важнейшее стратегическое значение. Он обладал очень большой пропускной способностью. В то время там насчитывалось пять гаваней, и все они могли принимать и боевые корабли, и океанские суда. Видимо, поэтому Либава стала главным объектом бомбоударов балтийской авиации. В соответствии с этим она была и защищена. Её противовоздушная оборона насчитывала семнадцать батарей, состоящих из орудий калибра 80-120 мм, имеющих скорострельность 80 выстрелов в минуту, двенадцать батарей зенитных автоматов (эрликонов) калибра 50 мм со скорострельностью до 300 снарядов в минуту, примерно 300 орудий корабельной артиллерии и около 200 самолётов-истребителей прикрытия.

12 ГБАП совершал один налёт на Либаву за другим. Немцы теряли транспорт за транспортом, один боевой корабль за другим. Но, несмотря на это, эффективность бомбовых ударов по фашистам оставалась недостаточной. И Раков применил тактический приём: все бомбардировщики, участвующие в налёте, разбиваются на три группы. Первые две вооружаются бомбами весом от 100 до 500 кг (по две штуки) и непосредственно осуществ-

Леонид Гольдштейн, штурман.

Иван Панин, стрелок-радист.

Павел Беляев,командир экипажа.

ляют бомбардировку. А третья группа – без бомб. Она вызывает на себя огонь зенитной артиллерии и вражеских истребителей и тем самым помогает первым двум группам легче производить прицельное бомбометание. В третью группу включаются «пешки» с менее опытными экипажами. В первую и вторую – с более опытными. Эффективность бомбовых атак возрастает, да и потери опытных лётчиков сокращаются. С помощью именно такого разделения на три группы Раков потопил знаменитый фашистский крейсер «Ниобе» (это способствовало взятию Таллина, и за это Раков стал второй раз Героем Советского Союза), поэтому он и решил его применить в боях над Либавой.

22 октября 1944 года в 12-м Гвардейском пикировочно-бомбардировочном авиаполку получили известие: за успешное содействие войскам в овладении Таллином полк, подобно 51 МТАП, получил наименование «Таллинский». И в этот же день состоялся очередной боевой вылет на Либаву. В воспоминаниях лётчиков-бомбардировщиков описания этого боя нет. Но оно есть как пример одного из боёв в воспоминаниях лётчика-истребителя Героя Советского Союза В.Ф.Голубева. Если его уточнить и дополнить сведениями из Центрального военно-морского архива МО, то вырисовывается такая картина.

35 бомбардировщиков Пе-2 12 ГБАП под командованием майора Лазарева вылетели с аэродрома Паневежис в северо-западном направлении для бомбового удара по военно-морской базе Либава 22 октября в 16 часов 15 минут. (Раков часто планировал операции ближе к вечеру – вылет, когда, например, был уничтожен «Ниобе», состоялся в 16 часов.) В соответствии с тактикой, разработанной Раковым, полк был разделён на три группы. Первые две (18 самолётов) были с бомбами и прикрывались тридцатью истребителями Як-9 14-го Гвардейского истребительного авиаполка, которые вел Герой Советского Союза подполковник А.А.Мироненко. Третья группа (17 самолетов) была без бомб и сопровождалась истребителями Як-9 21-го Гвардейского истребительного авиаполка. (14-й и 21-й ГИАП входили в 8-ю Минно-торпедную авиадивизию вместе с 12 ГБАП.) Самолёт Л.Гольдштейна, П.Беляева и И.Панина, как я понимаю, был в третьей группе.

Для отражения удара 12 ГБАП по базе Либава фашисты направили более полка истребителей ФВ-190. Только на первую и вторую группы бомбардировщиков они бросили 30 с лишним «фоккеров». Группами по четыре-шесть самолётов они попытались предотвратить нанесение ударов по порту, в котором находилось несколько крупных транспортов. Разумеется, была приведена в действие и вся зенитная и корабельная артиллерия Либавы.

Вначале вражеские истребители устремились в атаку на ведущего первой группы Пе-2, а затем на всех остальных. Но наши лётчики смогли им противостоять. Мироненко сбил один ФВ-190, и все Пе-2 с пикирования успешно отбомбились по транспортам и портовым сооружениям. Главная цель – транспорт водоизмещением 10 тысяч тонн был потоплен, а это лишение немцев возможности перевозки более 6 тысяч тонн грузов (примерно 200 танков, или запас продовольствия на два месяца для шести дивизий, или 2000 солдат с вооружением и боеприпасами!).

Казалось бы, бой прошёл удачно. Но когда наши самолёты направились обратно в Паневежис, юго-восточнее Либавы они были вновь атакованы немецкими истребителями. Предприняв контратаку, пара Як-9 старшего лейтенанта Л.И.Медведева сбила второй ФВ-190, лейтенант Н.А.Ханбеков сбил третий, старший лейтенант М.И.Фетисов – четвёртый, а старший лейтенант А.И.Лашкевич – пятый. Всё это – лётчики 14 ГИАП. Из этого полка 22 октября 1944 года не погиб никто. Только Фетисов получил ранение в ногу и на повреждённом самолёте вынужден был выйти из боя. Но для лётчиков 21 ГИАП и 12 ГБАП всё сложилось плохо. Защищая Пе-2, погибли лётчики-истребители лейтенанты Михаил Федорович Рогожин и Вахтанг Моисеевич Сихарулидзе. Несмотря на ожесточённое сопротивление, фашистам удалось сбить, по меньшей мере, и три наших бомбардировщика. Погибли соученики Леонида по училищу им. Леваневского гвардии младшие лейтенанты лётчик Владимир Андреевич Буков, штурманы Бронислав Михайлович Мурзин и Иван Иванович Синицын, стрелок-радист Сергей Георгиевич Интяшин...

Через месяц мать Павла Беляева получила извещение о его гибели. И чуть позже письмо. Однополчанин Павла, Леонида и Вани, сам участник боя 22 октября, писал о том, что видел, как их самолёт горел в воздухе. А примерно в это же время в Алапаевск пришло письмо, адресованное моей маме. В нём были фотографии, которые хранил Леонид, и краткая строчка: «Не вернулся с боевого задания». Как я теперь знаю, так часто писали о морских лётчиках. Мама ждала Лёню до 1957 года – 13 лет. Не вернулся с задания, но, может быть, жив? Может быть, всё-таки объявится? Вон, Сергей Интяшин – считают, что погиб, а в 1947 году военком Кипель-Черкасского района, откуда он родом, заявил, что он жив! Только в 1957 году, когда мы с мамой были в Днепропетровске, и дядя Моисей показал ей маленький чемоданчик Лёни, присланный из части, она поверила. Лишь в 2007 году, через 63 года, после длительной переписки с ветеранскими организациями и архивами я выяснил, что Леонид всё-таки не просто не вернулся с задания, а именно погиб, и именно в том бою, который описал Голубев. Вскоре после того, как ему исполнилось 20 лет. Павлу Беляеву было 25, а Ивану Панину – 18.

В своих мемуарах «Мы – таллинские» бывший командир 51-го Минно-торпедного полка 8-й Минно-торпедной авиадивизии полковник Иван Феофанович Орленко говорит, что каждый вылет в район Либавы в их полку, да и во

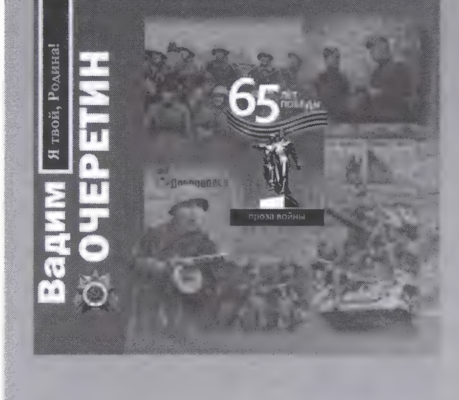

Группа поисковиков со своим руководителем Н.Ф.Кобецом.

всей дивизии, считался подвигом. А он хорошо понимал, что говорит!

Память о Леониде Гольдштейне и его боевых товарищах во времени не распылилась. В честь работников АМЗ, погибших на фронте, в одном из районов Алапаевска – Рабочем городке – установлен памятник. В музее АМЗ хранится фотография гвардии младшего лейтенанта бывшего токаря 10-го цеха Леонида Яковлевича Гольдштейна. В Безенчуке под Куйбышевым, который теперь Самара, к 55-летию Победы поставлен ещё один памятник – курсантам, преподавателям и выпускникам Военно-морского училища им. Леваневского, погибшим в Отечественную войну в боях и в учебно-тренировочных полётах. О героях-лётчиках морской и бомбардировочной авиации написано множество книг, сняты кинофильмы. В лучших из них, таких как фильмы «Хроника пикирующего бомбардировщика» и «Торпедоносцы», в образах штурманов просматриваются черты нашего Лёни. Имя Леонида Гольдштейна занесено в Свердловскую областную Книгу Памяти (том 19), в Книгу Памяти Украины по г. Днепропетровску (том 12, кн. 1), в Книгу Памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом (том 7), увековечено в Мемориале Яд Вашем в Израиле, высечено на обелиске в память о лётчиках 12 ГБАП в г. Лиепае в Латвии. На этом обелиске есть и имена Павла Беляева и Ивана Панина. Всего на нём 83 имени лётчиков 12 ГБАП, погибших в районе Либавы. Их останки обнаружены и перезахоронены на Братском кладбище г. Лиепая группой поисковиков-учащихся профтехучилища № 33 (ТУ-7) под руководством замечательного человека Николая Филипповича Кобеца. Эта группа проделала гигантскую работу. Им приходилось делать раскопки на глубину до 6 метров, для идентификации останков понадобилось изучить неимоверное количество документов и публикаций, провести опросы сотен людей. В мае 2004 года Николая Филипповича не стало. Но его труд не пропал. Обелиск всегда ухожен, о нём заботятся и ветераны г. Лиепая, и Генеральное консульство РФ в Латвии.

(Окончание следует).

История Великой Отечественной войны хранит в памяти немало страниц беззаветной преданности и мужества россиян. В этом ряду – создание и боевой путь Уральского Добровольческого танкового корпуса.

Автоматчик Вадим Очеретин на броне танка прошел путь от Орла на Курской дуге до Берлина и Праги. Позднее он описал будни войны в повести «Я твой, Родина!».

«...Я жив! Тебе жизнь посвящаю –
Пошли меня на труд, на бой:
Я счастья высшего не знаю,
Святая Родина, я твой.

Соня, не задумываясь больше, подошла к цементной стене и написала под стихами: «С. Потапова». Юрий выхватил у нее осколок и вывел четкими буквами: «Лейтенант Малков». Николай размашисто, почти в полстены нацарапал: «Сталевар Погудин». Никонов тоже поставил свою подпись.

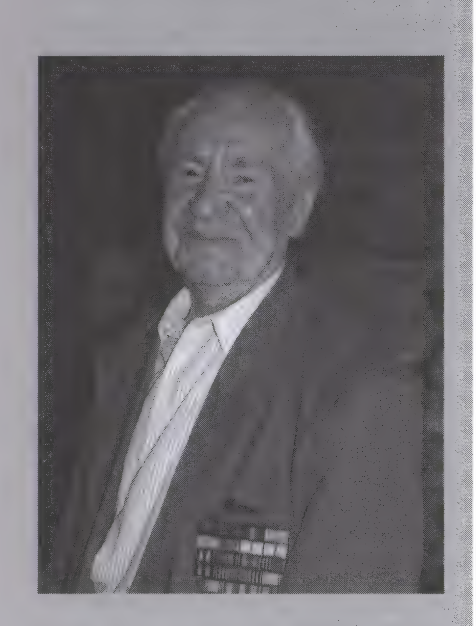
Они стояли еще, перечитывая эти стихи, написанные неведомым солдатом. Потом заторопились обратно к своей колонне.

По танкам передавалась команда «За-аводи!» Машины зарокотали, готовые ринуться вперед. Гвардейцы развернули свое боевое знамя. Засверкали на ослепительно алом золотые буквы: «За Родину!» Колонна тронулась. Ветер колыхнул шелковое полотнище и развернул его во всю ширь.

Танки помчались на Прагу.

1947 г. Свердловск».

АПРЕЛЬСКАЯ БАЛЛАДА

Венедикт СТАНЦЕВ

1
Мы шли по колено в воде,
с трудом поднимая ноги,
мы — это все,
что осталось от роты.
Лейтенант Костромин
сатанински ругался в бога,
и в гроб, и в войну,
и в треклятое это болото.
Он шагал впереди,
переполненный злобой
и местью,
и ругань его
громыхала средь сосен.
Ещё до рассвета
нас было без малого двести,
а после рассвета
осталось всего сорок восемь.
Вернее не шли мы —
плелись,
окруженные талой водою,
студеной водой,
погибая от жажды.
Хотя бы глоток,
один бы глоток после боя,
но каждый терпел
и судьбу проклинал свою каждый.
В этом диком болоте
бой свирепствовал двое суток,
тысячи тел
вода едва прикрывала...
Наконец-то земля!
Мы упали, теряя рассудок, —
и сердце пропало,
и белого света не стало.
Я свалился под старую ель...

Шёл сорок второй,
был месяц апрель...

2
Речка — узкая, узкая.
Хрупкие льдины
плывут, похрустывая.
Речка чистая, чистая —
без кровиночки,
по берегам —
пушистые хворостиночки.
Пьёт из речки сама весна:
«Ах как вода вкусна»...
Зовет, зовет нас
синь-река:
«У меня вода голуба, сладка,
вы устали в последнем бою,
я вас умою и напою...»
Ах ты речка, речка —
доброе сердечко,
мы бы душою
к тебе прильнули,
мы бы губами
к тебе прильнули,
да не пускают
немецкие пули.
Речка узкая, узкая,
наша речка — русская.
Ах ты речка, речка,
трава-повитель...

Шёл сорок второй.
Был месяц апрель...

3
Лейтенант Костромин
командует:
«Вперед!».
Лейтенант командует,
а цепь не встает.
До речки шагов
не более ста,
но стрельба из-за речки
очень густа,
и речная вода
холоднее льда,
и патронов — в обрез,
и сил — в обрез,
и жить хочется позарез.
Лейтенант Костромин
снова кричит:
«Вперед!».
Лейтенант кричит,
а цепь не встает.
Лейтенант Костромин
в упор на меня глядит:
«Ты комсорг,
вставай и веди!..»
Я не зову никого,
не веду,
я просто встаю
и к речке иду,
думаю грустно:
«Ну что, боец,
вот и тебе —
геройский конец...»
А пули звенят,
а пули грозят,
а пули приказывают:
«На-з-з-з-з-з-ад!»
А я уже в речку

по пояс вхожу,
винтовку, подсумки
повыше держу.
Вода уже льется
за воротник,
всё тело моё,
как безумный крик,
я будто глотаю
лед из огня,
будто вбивают
гвозди в меня.
Еле вползаю
на берег крутой,
затвор у винтовки
тугой-претугой.
И слева — палят,
и справа — палят...
Да сколько же силы
у наших ребят?!
Речка давно
где-то там, за спиной,
опять в меня входят
жажда и зной...
Боже, забыл я
из речки напиться...
Лейтенант Костромин
кричит:
«Закрепиться!».
Я лежу под берёзой
без воды и без хлеба,
пар от меня
тихо уходит в небо...
А дома под крышей
трезвонит капель...
Шёл сорок второй,
был месяц апрель...

4
Без штыка на фронте —
не прожить,
он может все —
напарник верный:
колоть и бить,
вскрывать консервы
и перемёрзлый хлеб крошить.
Прости, берёза!
Штык вонзился в ствол,
из раны сок холодный
брызнул,
и был тот сок —
посланцем жизни,
и был тот сок,
как хлеб на стол.
Мне берёза
матерью была,
а я её —
грудным младенцем.
Я пил,
и крепло моё сердце,
и сила юная росла.
Вот так,
в канун вишневого цветенья,
я отмечал свой день рожденья.
Ах, двадцать, ах, двадцать,
годок золотой...

Был месяц апрель,
шёл сорок второй...

Война – Великая Отечественная – началась, и многие, очень многие девчата думали лишь об одном: фронт, только фронт. Не отставая от парней, осаждали военкоматы – просили, доказывали, требовали. И добивались. Становились солдатами. Справлялись не хуже мужчин, делали всё необходимое в жестокой фронтовой обстановке: перевязывали, тащили с поля боя раненых, бомбили, ходили в разведку, стреляли из «снайперки», налаживали телефонную связь, сутками сидели у рации...

...Уральским добровольческим танковым корпусом на Урале гордятся. Слава этого корпуса не только в том, что, сражаясь с фашистскими захватчиками, он геройски прошел от Орла до Берлина и Праги. А и в том, что рождение его – небывалый трудовой подвиг уральцев, что в создании корпуса участвовали все: мужчины и женщины, юноши и девушки, дети.

...Письма... Человеческие документы. Храню эти свидетельства дружбы, рождённой на той большой войне. Свидетельства фронтовых событий – героических, трагических, радостных и грустных. Расстаться с ними невозможно. Расстаться – это как будто желать поскорей забыть и то, что было, и тех, что были. Как будто предать наше повыбитое в войну поколение, которое достойно выдержало все беды и лишения, что выпали на его долю.

Ида Очеретина

УРАЛЬСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЕГО «ЗОДЧИЕ»

(досужие размышления)

Нина АКИФЬЕВА,

доцент УГТУ-УПИ, к.и.н., г. Первоуральск.

Урал – горная страна с суровой природой на вечном сквозняке между Европой и Азией, огромное пространство между Россией европейской и Россией азиатской. Здесь терпимо относились к чужому мировоззрению, к иной вере, к иной нации и рассчитывали только на собственные силы. Здесь есть всё, что нужно для самоидентификации – от Аркаима до Уральской республики Росселя, а дух свободы и авантюризма всегда был присущ местным жителям. В этом, пожалуй, главная особенность Урала.

Урал доставался Российскому государству тяжело и кроваво. 2 октября 1552 года стопятидесятитысячное войско молодого (было ему в ту пору 23 года) русского царя Ивана IV, прозванного впоследствии Грозным, штурмом взяло столицу некогда могучего Казанского царства. И воевода Михайло Воротынский докладывал царю: «Радуйся, благочестивый самодержец! Казань наша... Что прикажешь?».

Однако ещё «5 лет россияне не опускали меча: жгли и резали, пока край не смирился со своей участью», – писал в «Истории государства Российского» Н.М.Карамзин. В результате в 1557 году Урал на всём своём протяжении стал российским. Однако географическое приобретение края ещё не означало его фактической принадлежности Российскому государству. «Огромные пространства легко давались русскому народу, но нелегко давалась ему организация этих пространств в величайшее в мире государство», – констатировал Николай Бердяев.

Итак, Урал был завоёван. Но что делать дальше с огромной территорией (а главное, как) – ни царь, ни его окружение, похоже, не представляли. И вот здесь, совершенно к месту, появились Строгановы и их особое уральское пространство.

Строгановы были первыми крупными землевладельцами Урала. Огромная территория края на несколько столетий стала их, пусть и условной, но собственностью. По подсчётам историков, сформированные в результате многочисленных пожалований, покупок и захватов пермские вотчины Строгановых к началу XVIII века насчитывали более 10 миллионов десятин земли и, по словам М.А.Алданова, «представляли собой, быть может, беспримерное явление в истории».

Кроме территорий, были у Строгановых и другие атрибуты власти – свои вооружённые отряды, а также право «судить и ведать» всех своих «слобожан» без вмешательства царских воевод. Заметим, что такое исключительное право Строгановы сохраняли и при Иване Грозном, и при Лжедмитрии I, и при Василии Шуйском. Вообще, время Смуты – это особый период для строгановского «царства». Ведь кроме коммерческих выгод от продаж резко подорожавшей соли, возможно, была у них надежда (пусть и призрачная) на большую самостоятельность, а может, даже (чем чёрт не шутит) и на независимость. Вероятно, с тех самых пор и укрепилась за Уралом репутация края самодостаточного и от Москвы не очень-то и зависимого.

Ошеломляюще быстрое присоединение Урала и Сибири к России стало прочным и бесповоротным лишь после сибирского похо-

да Ермака. Похода, завершившегося разгромом войск потомка Чингисхана сибирского царя Кучума; похода, поставившего точку в величайшей трагедии русского народа, начатой побоищем на реке Калке в 1223 году; похода, сделавшего русское продвижение на восток, по словам историка Л.Н.Гумилёва, «необратимым».

Но какова была истинная цель Ермака? «По велению Ивана Грозного для укрепления восточной границы купцов Строгановых», – считают авторы новых российских энциклопедий. Однако из всех существующих точек зрения – эта представляется нам не самой аргументированной. Да и те немногие отрывочные сведения о личности атамана вряд ли позволяют нам нарисовать портрет государственника, обеспокоенного расширением державы Ивана IV. Судя же по Есиповской летописи, старейшему письменному источнику, описавшему подвиги атамана, выходило, что его казаки, вволю «повеселившись» на волжских стругах и пограбив всех кого ни попадя, решили уйти на Каму. Видимо, пермские леса показались казакам надёжным укрытием от царского гнева. Но, возможно, привлекал разбойников и тот особый статус, которым обладали строгановские владения – своеобразное государство в государстве.

Вообще, история с походом Ермака остаётся крайне запутанной и спорной, а версий тех событий с каждым новым веком становится только больше. Некоторые исследователи считают, что Ермака привела в Сибирь страсть к присвоению чужих богатств. Другие полагают, что его призвали защищать свои владения от набегов «татарови» Строгановы. Третьи находят, что Ермак по собственному желанию появился на строгановских землях, и они, чтобы избавиться от разбойников, уговорили их направиться в Сибирь. О четвёртой точке зрения мы уже писали выше.

Но есть и ещё одна версия, о которой как-то не принято говорить. Так, Введенский в своей книге «Дом Строгановых в XVI–XVII веках», цитируя протоколы Санкт-Петербургской академии наук, пишет, что «господин профессор Ломоносов мнит, что подлинно неизвестно, для себя ли Ермак воевал Сибирь или для всероссийского самодержца. Однако есть правда, что он потом поклонился ею (Сибирью – *авт.*) всероссийскому монарху. И того ради, если оные рассуждения, которые о его делах с похулением написаны и не могут быть исправлены, то лучше их все выкинуть...». Так что версия об особой казачьей территории под управлением Ермака в границах юго-восточного Урала и сопредельной Сибири вполне, на наш взгляд, состоятельна. Ведь смогли же Строгановы, то почему бы и Ермаку не попробовать?

Казалось бы, говорить хоть о какой-то «самостийности» края при Петре Великом вообще невозможно. Но здесь обращает на себя внимание фигура одного из ближайших соратников Петра – сибирского губернатора, кавалера ордена Андрея Первозванного, князя Матвея Петровича Гагарина, в 1721 году на дыбу вздёрнутого в подвалах Петропавловской крепости. Считается, что причиной казни стало непомерное воровство князя. Он утаивал доходы от торговли с Китаем и Средней Азией. По его приказу в Сибири раскапывались скифские курганы, а золото присваивалось. Но водились за опальным губернатором и другие «грехи», с точки зрения царя, и более серьёзные, и более опасные. Якобы хотел он Сибирь сделать отдельным государством, а Сибирью в те годы считалось всё, что лежало к востоку от Пермского края. «Гагарин «злоумышлил» отделиться от России, сформировал полк из пленных шведов, делает порох...», – «словом и делом государевым» сообщали из Тобольска недруги князя. Правда это или злой умысел недоброжелателей – мы, вероятно, никогда не узнаем. Однако на Петра I аргументы подействовали, ведь «дыма без огня не бывает». А то, что ещё одним Рюриковичем станет меньше, – так это государству только на пользу.

Империя Петра I поставила крест на самостоятельности Урала. Хотя не всё население края думало так. Несмотря на то, что формально Башкирия добровольно присоединилась к русскому государству ещё в XVI веке, на деле же за два последующих века на Урале произошло, как минимум, три кровопролитных башкирских восстания. Но изменить ход истории в крае они уже никак не могли.

Однако Урал не потерялся среди прочих российских губерний. Вместе с появлением горных заводов возник и особый статус региона. «Это было настоящее государство в государстве, беспримерное существование которого требует серьёзного изучения: тут были свои законы, свой суд, своё войско и совершеннейший произвол над сотнями тысяч горнозаводского населения», – писал Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк.

Лицом этого «государства» было Уральское горное правление, а глава его приравнивался правами к губернатору и считался доверенным лицом императора. Государственные люди стояли тогда у штурвала горнозаводского Урала: Василий Никитич Татищев, Вилим Иванович Геннин, Аникита Сергеевич Ярцев, Владимир Андреевич Глинка...

Василий Иванович Немирович-Данченко, подчёркивая исключительность и могущество горнозаводского начальства, пустил в оборот фразу, приписываемую Владимиру Андреевичу Глинке: «Я – царь, я – Бог Уральского хребта». А хребет, надо сказать, был знатный, по пяти губерниям растянулся.

Подстать горным начальникам были и заводские жители. И генерал Геннин, прощаясь с Екатеринбургом, писал Татищеву: «Здешние люди, как Вы сами знаете, понуждения себе не любят. И ежели их принуждать, то могут скоро сыскать другие дороги».

После октябрьских событий 1917 года и Гражданской войны говорить об особом статусе края вряд ли приходится. «Шаг вправо, шаг влево» – уже считались преступлением. Какая уж тут самостоятельность. Казалось, так будет всегда.

Всё изменила «перестройка».

Начало 90-х – годы великих политических и экономических потрясений. 12 апреля 1993 года более 80 процентов населения Свердловской области высказались за придание региону статуса республики. Опираясь на результаты народного волеизъявления, 27 октября 1993 года сессия Свердловского областного Совета практически единогласно приняла за основу проект Конституции Уральской республики, а 31 октября Эдуард Россель объявил о создании нового субъекта в составе Российской Федерации. «Нам не нужен суверенитет, но очень нужна экономическая и законодательная самостоятельность», – заявил тогда Россель.

Как пояснил Россель в эксклюзивном интервью для «Радио Свобода», резко ускорить процесс юридического оформления нового государственно-территориального образования на территории России его заставляет не только нестабильная политическая ситуация в центре, но и представленный для обсуждения проект Конституции Российской Федерации. «В этом проекте записано, что изменить свой статус области смогут только после того, когда будет принято решение только всеми субъектами Федерации. Это значит, этим пунктом закрываются ворота полностью, стопроцентно, по изменению статуса другим областям. Я хочу, чтобы наша область, учитывая, что мы уже провели опрос, сессию, вырвалась из этой мёртвой петли...» – заявил свердловский губернатор.

В.Н.Татищев.

В.А.Глинка.

Однако вырваться не получилось. Уральская республика просуществовала всего десять дней. 10 ноября 1993 года указом президента России Ельцина решение Свердловского областного Совета было отменено, Эдуард Россель отрешён от должности, а все решения по Уральской республике были признаны не имеющими силы. Как сообщил низложенный губернатор, республика была разогнана, главным образом, из-за позиции, которую занял Сергей Шахрай, в то время председатель Госкомитета по делам федерации и национальностей. «Он напугал Ельцина, сообщив ему, что мы собираемся создавать свою армию, печатать деньги и провозгласили верховенство законов Уральской республики над законами РФ», – сказал Россель.

Э.Э.Россель.

Россель подчинился решению президента, хотя формально мог этого и не делать. Ведь, по его мнению, Уральская республика юридически существовать не перестала, и указ президента ликвидировать её не мог, так как она была создана в полном соответствии с прежней Конституцией.

2009 год стал для Свердловской области последним росселевским годом. «Дед» уходил из власти тихо и достойно. Никто даже и не заметил, что вместе с ним ушла целая эпоха – эпоха надежд и сомнений, успехов и разочарований. И вряд ли ещё кто в ближайшем будущем возьмёт на себя смелость «вступить в ту же воду».

А впрочем, поживём – увидим...

ЗАПИСКИ АРТИСТА

К 65- й годовщине Великой Победы и 70- летию ансамбля УралВО

Всегда исследуйте всечасно,
что есть велико и прекрасно.
Михайло Ломоносов.

Юрий ВТОРЫХ

Чем дольше мы живём, тем дороже прошлое! С годами человек становится добрее, так как задумывается о своей душе. С ранней молодости я вёл дневник, в котором отражал то, что видели глаза, слышали уши, и что проходило через сердце. Надо же было чем-то загружать свой мозг! Дневник – это разговор с самим собой, в нём вся моя жизнь – от романтических мечтаний юности до суровых реалий зрелости. Писал я его без всякой определённой цели и замысла. Занимался хронологией, наблюдениями за людьми и природой, пытаясь осмыслить прожитые дни, чтобы скорректировать перспективу. И вот сейчас, перечитывая записи, освежаю в памяти заштрихованные события и факты. Свои «записки» я писал не ради славы, а для разрядки внутреннего состояния. Это что-то вроде психотерапии! Дневник набит спрессованными впечатлениями, и, видимо, пришло время их рассортировать. Тогда я не задумывался о том, что с годами это станет кусочком истории. В то время казалось, что всё ещё впереди: и жизнь, полная радостей, и личное счастье! Конечно, «счастье» для каждого человека сугубо индивидуальное, как говорят философы – субъективное. Для кого-то это полное брюхо еды, для кого-то успех у женщин, для кого-то разговор с предками, а для избранных – общение... с Богом! В детстве я был счастлив не один раз: увидел улыбку мамы, почувствовал лучи солнца, ощутил вкус чистой родниковой воды, запомнил на всю жизнь тепло отчего дома. А далее: окончание средней школы, служба в армии, учёба в театральном училище, работа в драматическом театре и в ансамбле песни и пляски Уральского военного округа. Где сейчас те люди, с которыми я когда-то общался?.. С одними до сих пор встречаюсь, хоть и редко, другие уехали за пределы моей географической досягаемости, а иных и вовсе уже нет в живых... В театре, честно говоря, голова была занята работой над ролями, отнимавшей большую часть времени. И очень часто грань между воображением и реальностью сливалась так, что трудно было различить, где «я», а где «роль».

Зато в ансамбле времени было предостаточно. Начальник просил, чтобы я, будучи ведущим концертных программ, не напрягал зрителей, особенно гражданских, а наоборот, помогал им уйти от проблем и повседневных напряжений. Как актер, я хорошо исполнял драматические произведения о войне, о Родине, о долге и чести, что с успехом и делал на серьёзных концертах, но руководство ансамбля ждало от меня юмористического материала. «Хохмочки» М.Жванецкого и Г.Хазанова были у всех на слуху, к тому же их исполнение не требовало актерского профессионализма, поэтому я отыскал редкого юмориста, печатавшегося в городских газетах, Владимира Хлобка. Он подарил мне несколько своих сборников, из которых я выучил и поставил пять-семь разнообразных миниатюр, и полностью переключился на свои «записки артиста». Каждый день, когда не было концертов, артисты хора, балета и оркестра уходили на репетицию, я оставался в служебном кабинете, занимаясь написанием сценариев к красным датам календаря или подборкой чтецкого материала. Напротив меня сидел старейший артист ансамбля, со дня

его основания в 1939 году, Леонид Демьянович Огородник. Он был уже на пенсии, но продолжал работать заместителем начальника по кадрам. Много интересного рассказал мне уважаемый ветеран: о реакции народа, в том числе и военных, на смерть И.В.Сталина, о маршале Г.К.Жукове, о хоккеистах-личностях В.Атаманычеве, Н.Дуракове, А.Измоденове, В. Шеховцове, В. Хардине и многих других. С его слов я записал о первых военных гастролях осенью сорок первого года на Ленинградский фронт, где артистов ансамбля восторженно принимали защитники города на Неве. «Во время концертов всегда было тихо, словно зрители погружались в довоенное воспоминание, – рассказывал Леонид Демьянович, – но мгновения эти были мимолетными!». Война постоянно напоминала о себе: то взрывами гранат и снарядов, то тревожными газетными заголовками, то голосом Ю.Левитана из репродукторов. Вспоминая о маршале Г.К.Жукове, ветеран подчеркивал, как тот любил фронтовиков, игнорировал «тыловиков», уважал артистов и спортсменов. Впервые от Л.Д.Огородника я услышал историю о встрече Георгия Константиновича с цареубийцей, «боевиком» ВИЗа П.З.Ермаковым. Последний, похваставшись участием в расстреле Николая Романова и двенадцатилетнего цесаревича Алексея, протянул руку для пожатия.

– Палачам руки не подаю! – отвернулся Г.К.Жуков.

... Летом 1986 года, когда ансамбль гастролировал в Чебаркульских военных лагерях, из военного министерства пришел приказ – срочно вылетать в Чернобыль. В апреле восемьдесят шестого на Чернобыльской АЭС прогремел потрясший весь мир атомный взрыв! Со всех уголков страны в срочном порядке были отозваны из запаса военнообязанные и брошены на ликвидацию последствий аварии. Не стали исключением и наши земляки-уральцы. И вот, в начале июня в Чернобыль отправилась концертная бригада ансамбля песни и пляски УралВО. Вернувшись, они привезли приятную новость – осенью весь коллектив ансамбля пригласили в гастрольную поездку на Подольскую землю Украины. И мы стали готовиться!.. Л.Д.Огородник, не скрывая зависти, говорил: «На мою родину поедете, на Житомирщину!». За всю историю ансамбля это были первые гастроли на Украине.

Лето выдалось знойным и порядком измучило своей жарой. Жить в кирпичных и бетонных лабиринтах города, ежедневно «наслаждаться» давкой в общественном транспорте, из которого выходишь, как после финской бани, порядком надоело! Душа жаждет упоения. В городе мало встретишь хороших лиц, поэтому бежишь на природу, где нетронутые леса и чистые родниковые воды. Глоток живой воды, и ты снова умиротворён и одухотворён!.. Скорей бы на гастроли!!!

ПОД МАРШ «ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ»

И вот, наконец, девятого сентября 1986 года, с первой платформы свердловского вокзала под марш «Прощание славянки» отправился фирменный поезд «Урал». В одном из купейных вагонов разместились артисты ансамбля песни и пляски Уральского Краснознамённого военного округа. Слушая нестареющую «Славянку», я вспомнил старые кинокадры из военных фильмов и рассказы родителей. Под этот марш, с этого же вокзала моя семнадцатилетняя мама проводила на фронт своего отца, моего деда.

– Вот разобьем немчуру, вернусь, и заживём с вами по-прежнему, – сказал дед на прощание. – Нет, лучше будем жить!

И он уехал, уехал навсегда... В конце войны в дом моих прародителей принесли извещение о том, что Ухов Александр Александрович, 1902 года рождения, находясь на фронте, пропал без вести в феврале-марте 1944 года. В конце 1945-го наступила долгожданная тишина. Казалось, что всё теперь будет, как до войны, но... как быть с теми прямоугольными конвертами, в которых хранились написанные чёрными буквами «похоронки» и «извещения»?.. «Пропал без вести», а вдруг?.. Надежда всегда умирает последней... В 1946 году бабушка, Ухова (Тюменцева) Екатерина Васильевна, делает запрос в военкомат Октябрьского района, откуда призывался мой дед, но никаких изменений и дополнений к ранее полученному извещению не последовало, и осенью 1948 года бабушка умерла, так и не дождавшись возвращения мужа с войны. Через пятнадцать лет, в 1963-м году, мой дядя Константин Александрович снова сделал запрос о месте гибели своего отца, и опять безрезультатно. Осенью 1968 года дядя умер, и вопрос о моём деде остался открытым... В 1975-м году, по просьбе мамы, Вторых (Уховой) Нины Александровны, уже я сделал запрос, но тоже ничего не прояснил. До конца своих дней мама со скорбью вспоминала о своём отце, с внутренним волнением перечитывая пожелтевшие от времени «треугольники» – письма с фронта. Их было немного, но все они насыщены оптимизмом – верой в Победу и счастливую послевоенную жизнь! Два года назад, в октябре 1984 года, моя мама пополнила ряды жертв войны – умерла от рака желудка. Ушла она от нас мужественно, по-солдатски закусив от боли нижнюю губу, без единого крика и стона, в последний миг заботясь о покое своих детей и внуков. И теперь уже наша очередь помнить и выполнять заветы своих предков. Постоянно думая о деде, я отследил боевой путь Уральского добровольческого танкового корпуса. Боевое крещение мой дед принял под Сталинградом. Был ранен и находился в воинском госпитале за Волгой, о чём написал в письме (позднее выяснилось, что госпиталь находился в рабочем поселке Линево Жирновского района Сталинградской области). После выздоровления деда направили в прежнюю часть, где он был стрелком (вот только в танке или на зенитке, я до сих пор не знаю). В письмах он сообщал, что догнал своих земляков на западе России, и что по прибытию в воинскую часть ему было присвоено звание

– младший сержант!.. Из своих исследований я узнал о кровопролитных боях Уральского танкового корпуса в феврале-марте 1944 года за украинский город Каменец-Подольск... И вот теперь сам еду на Подольскую землю! Встречу ли я обелиск с фамилией деда? Где же его останки? Возможно, утонул при форсировании Южного Буга? Завяз в болотах Подолья? Попал в плен к немцам или украинским националистам?.. Эти вопросы до сих пор не дают мне покоя...

А за окном вагона уже мелькают пригородные посёлки, дачи, разъезды... Крутящийся в голове под ритм колёс марш «Прощание славянки» постепенно отпускает. Шумно стуча на стыках колёсными парами, поезд врезается в пасть тоннеля, и до сознания невольно доходит, что мы в гуще Уральских гор. Впереди ещё двое суток «колёсной жизни», и шахматисты ансамбля начинают очередной турнир, в соседнем купе зазвенела гитара, чуть дальше включили магнитофон. Гитарист Коля Чекалин разучивает новые партии, солист хора Сергей Быстров углубился в чтение романа В.Белова «Всё впереди», композитор-аранжировщик ансамбля Владимир Занин принялся за обработку новой песни, а я любуюсь красавцем-Уралом!.. Хороша всё-таки наша Родина! Обширна!.. Едешь, конца и края не видно. Смотришь на горные леса и равнинные поля, на белоствольные берёзы и могучие кедры, и такой былинностью отдаёт, что сам себя ощущаешь былинкой. Когда-то миллион лет назад на этих горах жили мамонты и другие богатыри. Теперь они застыли и превратились в скалы. Эти места я впервые увидел в детстве, и они настолько проникли в душу и сердце, что снятся по ночам, видятся в фантазиях и рассказах и забыть их невозможно. Разве забудешь то, что запечатлелось в памяти на всю жизнь? Все эти леса, поля, горы, реки, озёра были при наших прапрадедах, будут и после нас!.. Гляжу на переезды, мосты и станции, кажется, что такими неизменными они были всегда. Здания станций, покрашенные в зелёный, голубой или жёлтый цвета, судя по кирпичной кладке, построены ещё в конце XIX века. Почтовые отделения, киоски, туалеты тоже напоминают старину. А вот тихие и заросшие патриархальные кладбища, разрушенная церковь или часовня, проселочная дорога, тянущаяся к ним. Сама природа наталкивает на философские мысли: живи и радуйся! По бездонному небесному океану плывут, похожие на причёсанные бороды гномов, ярко-золотые облака.

– Смотри, какая красота! – обращается ко мне Занин, показывая на обрызганный солнечными бликами горизонт. – В городе такого не увидишь!..

Обычно в поезде соседи по купе любят выговариваться. Рассказывают жизненные истории, в большинстве страшные и криминальные. Про бандитов на большой дороге, про то, как один из супругов убил другого, про нечистую силу и людские соблазны. Но мы с Владимиром знали друг друга более года. Я был с ним в дружеских отношениях, поэтому на гастролях нас часто селили в одном номере. И о его творчестве я знал почти всё. Начинал он тромбонистом в коллективе Владимира Преснякова-старшего, играл в ресторанах «Малахит» и «Свердловск». В ансамбле песни и пляски УралВО около пяти лет. Здесь он начал писать современные аранжировки и песни, чем освежал репертуар коллектива, застрявший на уровне пятидесятых годов. Большой популярностью пользовались его песни о родном крае, среди которых «Уральский Краснознамённый» и «Река Чусовая». Песни, сочинённые Заниным, исполняли популярные артисты: Леонид Серебренников, ВИА «Земляне» и «Поющие сердца». Правда, в личной жизни у Владимира не всё было так просто. Жил он со старенькой матерью и о женитьбе почти не задумывался, забываясь творчеством. Но вот пожаловаться на свою судьбу любил, хотя к советам никогда не прислушивался. Мы чем-то были похожи! Я вырос на вторчерметовской заводской окраине, он – на верхисетской. Когда он рассказывал об одноклассниках, я вспоминал своих.

– Парни все спились, – говорил мой товарищ, – а девчонки – матери-одиночки. Работают ради куска хлеба себе и детям. Читать им некогда, поют лишь по праздникам, единственная радость – встреча с юностью, с одноклассниками...

– Меня это бесит! – заводился я. – Я не хочу подчиняться охлократии! (власти толпы). Я хочу действовать, даже вопреки другим мнениям, чтобы приносить пользу! Сеять добро, а не зло! Пусть я романтик, типа горьковского Данко, который, вырвав из груди сердце, повёл за собой людей. Но это моя природная суть, мой смысл жизни!..

Мой товарищ знал, что из-за борьбы за справедливость я постоянно наживал себе врагов, но именно за это ещё больше уважал меня! А я понимал его! Я понимал, что талант слаб своей ранимостью и что любое ничтожество может уколоть и посмеяться над ним. У любого Моцарта есть свой Сальери!..

... А за окном поезда уже вечереет, и на небе появились звёзды.

– Вон видишь: моё счастье! – показал Володя на самую далёкую яркую точку. – Так же далеко, как та звезда!..

– Жениться Вам надо, Владимир Юрьевич! – закончив чтение, спустился с верхней полки Быстров. Сергей был помоложе, поэтому всегда обращался к нам по имени-отчеству и на «Вы».

– Легко сказать! – поморщился Занин. – Я ведь жених не первой свежести и хорошо понимаю: в мире есть одна-единственная женщина, которая может дать счастье, но она всегда принадлежит другому.

– Неправда! – отчеканил Сергей.

– Я не рассказывал, как месяц назад познакомился с одной женщиной по телефону? – спросил Владимир.

– Расскажи, – улыбнулся я.

– Пришёл на свидание, а она оказалась на две головы выше меня, – как-то по-детски сказал Владимир.

– У Вас всё впереди! – подбодрил его Сергей.

Быстров был студентом-заочником философского факультета УрГУ и кандидатом в члены КПСС. Год назад он первым подошёл ко мне и предложил дружить. С тех пор мы обменивались книгами-новинками, хлынувшими на полки магазинов с началом «перестройки» и обсуждали их после прочтения. Впервые мы дискуссировали по поводу романа В.Распутина «Пожар»...

– Это гражданская позиция писателя, его русская душа, – доказывал я, ссылаясь на ранее прочитанные «Последний срок», «Деньги для Марии», «Прощание с Матёрой»...

– Безнравственность и бескультурье погубит любую цивилизацию! – не соглашался Быстров.

– А в России-то откуда безнравственность, вернее, бездуховность? – не унимался я. – От атеизма!.. Трудно, когда беспорядок вокруг, но ещё труднее, если беспорядок внутри тебя!..

А поезд, между тем, мчится и мчится вперёд! Перемахнули судоходную, окутанную серой паутиной Каму. Во мгле, сквозь мелкую сетку дождя, при помощи электрических фонарей с трудом различаешь на глади воды дрейфующих, похожих на перпендикуляры, рыбаков... Наконец-то, поезд идёт по удмуртской земле, куда меня с семилетнего возраста на летние каникулы возили родители. За окном знакомые с детства станции. Несмотря на моросящий дождь, выхожу из вагона. В ларьках и киосках лишь выпечка да лимонад, а частные торговки, как и много лет назад, предлагают варёную картошку, свежие овощи и фрукты. Вовсю идёт товарообмен: сахар меняют на сигареты, пиво на масло или сметану. Когда поезд, набрав ход, вновь помчался в сумрак тьмы, обаятельная девушка-проводница предложила чай. За стаканом чая снова общаемся...

– Юрий Александрович, как Вам «Всё впереди»? – обратился ко мне Сергей.

– Судя по названию – это какой-то вызов, какое-то предостережение...

– Василий Белов впервые со времён «Слова о полку Игореве» призывает народ к единению, – пояснил Сергей.

– А почему впервые? – удивился я. – Ты думаешь, Достоевский и Толстой к этому не призывали? А русские философы? Бердяев, например...

– Увы, но многое в ваших словах спорно...

– А мне кажется, что мысль здесь очень глубокая!.. Годы летят мимо нас, а нам думается, что всё впереди!.. Успеем, мол, ещё, а если нет, то те, кто после нас придут – будут сильнее...

– Прямо как в Библии, – улыбнулся Быстров. – Идущий следом сильнее меня!..

– Вот именно...

Перед Казанью дождь прекратился. Над землей нависла сказочная вуаль ночи. Пора спать, но почти весь вагон не спит! Разве можно спать, когда пересекаешь матушку-Волгу? Волны отсвечивают холодной синью растворившегося в воде звёздного неба, горят маяки и буи, светятся «здания» суден и теплоходов. Всё!.. Теперь можно и на покой...

В «СЕРДЦЕВИНЕ» РОССИИ

Утром нас встретила столица нашей Родины – город-герой Москва!.. До отправления следующего поезда оставалось более трёх часов, и, перебравшись на Киевский вокзал, все разъехались по городу: кто на Красную площадь, кто к родственникам и знакомым, кто по магазинам, а я, решив отдать дань памяти двум великим поэтам XX века – Сергею Есенину и Владимиру Высоцкому, поехал на Ваганьковское кладбище. Пройдя под аркой кладбищенских ворот, сразу же оказываюсь возле отлитого из бронзы памятника Высоцкому. Поэт рвётся из «усмирительной рубашки», а два пегаса над головой уносят от него гитару. Вся могила в живых цветах, и из-за них не очень видно выгравированных слов на каёмке «усыпальницы» из серого гранита: «Лучшему Гамлету мира». Могила Есенина находится в гуще многотысячного кладбищенского городка, но при помощи местных знатоков без труда нахожу «последний приют» русского поэта. Отрадно, что и здесь в этом году установлен новый памятник из снежно-белого мрамора. Смотрю на бюст поэта со скрещёнными на груди руками и стараюсь навсегда запечатлеть его в своей памяти. Много людей стоит возле этих могил!.. Правда, горький осадок в моей душе остался от местных спекулянтов, торгующих фотографиями... Москва всегда была столицей неработающих спекулянтов, торгующих джинсами и дубленками. Коммунисты-москвичи сумели-таки построить паразитический коммунизм! Но чтобы наживаться на именах скандальных поэтов – это уж слишком!.. Положив обоим поэтам по букетику цветов, покидаю кладбище и спешу на поезд.

Время, проведённое в Москве, пролетело, и мы снова в дороге. Впервые едущие по этим местам не отходят от окон. Ещё бы!.. Ведь эта дорога Москва – Киев – самая сердцевина России, исторически протянутая от сердца к сердцу двух русских городов! Эта дорога помнит Святослава и Дмитрия Донского, Гришку Отрепьева и Марину Мнишек, Наполеона и Кутузова. Эти места были свидетелями Великой Отечественной войны. Наш поезд идёт по возвышенности, и передо мной, как на ладони, театр военных действий. Лесное войско окружило озимое поле. Сама природа разбила их по родам войск: сначала наступали ели, чуть вдали на опушке возвышался берёзовый гарнизон. По другую сторону принимал на себя удар смешанный лес, а за оврагом возле реки залегли ивы. Отдельные группы смельчаков вырвались вперёд и застыли в середине поля, склонив свои тоненькие макушки. У многих из них, жаждущих славы, ветер сорвал буйные кудрявые головы. Так они и застыли, будто на постаменте, и даже полевые цветы в низком поклоне, с уважением обходили

этот островок. А чуть дальше, умудрённые опытом, как генералы, видны многолетние осины и вязы. А на горе, в окружении смешанных деревьев возвышается могучий дуб – полководец! А вон берёзово-осиновое войско попало в болото, и ветер легко расправился с ними, так как они, оторвавшись, лишились тылового прикрытия. Многие из них остались лишь с тоненькими стволами в перпендикулярном положении, а другие лежали на земле горизонтально. Испытание и смерть для них, видимо, пришли сверху! Удалилось солнце, налетели чёрные тучи, рванул сильный ветер, ударил гром и вспыхнули молнии! Чем не конец света?..

Из Москвы артисты ансамбля ехали в разных купе и вагонах (такие уж достались билеты). Я оказался в купе с женщиной средних лет, её сыном-старшеклассником и молодым человеком-коммерсантом (правда, тогда это ещё называлось спекуляцией и преследовалось по закону). Жил он на Украине, где-то под Киевом: в Нежине или Борисполе. В Москве продал большую партию фруктов и грецких орехов, а обратно вёз полные баулы дефицитных вещей. Молодой спекулянт, застелив на верхней полке постель и прихватив завёрнутую в газету бутылку коньяка (в стране был «сухой закон», но у спекулянтов спиртное водилось всегда), сразу же ушёл в вагон-ресторан, отмечать удачную поездку, а я с женщиной и её сыном стал пить чай. Они оказались из Полтавы.

– У нас под Полтавой стоит памятник погибшим шведам, разбитым войсками Петра Первого, – рассказывала женщина, – теперь говорят, что такой же памятник предлагают поставить немцы под Сталинградом...

– Я думаю, что русский народ этого не позволит, – сказал я.

– Сейчас, может, и нет, но лет через двести-триста, когда боль утихнет...

– Да вряд ли наши потомки пойдут на это!

– Уже сегодня нет ни во что веры, кроме денег! – констатировала моя собеседница, – а после нас... Вот парень с нами едет – фарцовщик! Зачем ему работать?..

– Мама, а кто такой Сталин? – вступил в разговор её сын.

– Читай больше! – обиделась мать.

– Так написано одно, а говорят другое...

– Я скажу лишь одно, – посмотрев на сына, сказала мать. – Когда Сталин умер, мой отец, твой дед – плакал!..

Чего только ни услышишь и ни увидишь в поездах дальнего следования. От заумного: «Железная дорога – это кровь в венах и жилах страны» до бытового: «А что нам власть? Нам бы выпить немного, да чтоб колбаса была в холодильнике»... Тут и песни, тут и слёзы, тут и смех!.. В вагоне слышится украинская мова, и я, забравшись на верхнюю полку и глядя в окно, начинаю готовить себя к встрече с Малороссией. Я был уже на Украине с театром пять лет назад, когда мы по месяцу гастролировали в Запорожье и Киеве. Позднее был на Черниговщине, где снимался в сказке «Там, на неведомых дорожках»... С этих земель начиналась РУСЬ! На острове Хортица, расположенном за порогами «чудного» и «бушующего» Днепра, так неповторимо воспетого Н.В.Гоголем и поэтом Т.Г.Шевченко, появились первые запорожские казаки. На верхней Хортице растёт ровесник князя Игоря, широко раскинувший крону могучий старожил – знаменитый дуб. Толщина его настолько большая, что обхватить его можно лишь шестью-семью человекам. Под ним в середине семнадцатого столетия запорожцы писали Послание русскому царю Алексею Михайловичу о воссоединении с Россией. А перед выступлением на битву с угнетателями гетман Богдан Хмельницкий, построив возле дуба войско, сказал: «Тяжёлые испытания выпали на нашу долю. Так будем же такими сильными и стойкими, как этот дуб-богатырь, такими же неразрывными со своей Матерью-Отчизной, как его корни с землёй!». И запорожские казаки дали клятву, что будут сражаться с врагом, не щадя живота своего, до полного освобождения! Невольно вспоминается повесть моего любимого писателя Гоголя «Тарас Бульба». Вот где сила РУССКОГО СЛОВА, настоящий ПАТРИОТИЗМ, любовь к ОТЕЧЕСТВУ! Так надо жить и так надо умирать!.. «Тарас Бульба» – ценность православной культуры. Это истинно стойкое произведение никакому разлагающему атеизму не подлежит! И чтобы понять глубину этой патриотической повести, надо родиться с православным мировоззрением!!! С началом Великой Отечественной войны русские воины вспомнили клятву запорожцев возле могучего дуба и, отступая, тоже поклялись вернуться! Через два года, геройски форсировав Днепр, Красная армия вышла на Правобережье и полностью очистила украинские земли от гитлеровцев!..

А за окном уже сгущаются сумерки. Лунное сияние заливает землю, и эта светлая ночь, вместе с горящими на станциях фонарями, заставляет опустить штору на окне купе. С гулом, рассекая воздух, проносятся встречные поезда, но это лишь минутное мгновение, а затем снова колёса отбивают такт за тактом, словно кто-то репетирует, держа один и тот же ритмический рисунок. Под эту мелодию пытаюсь заснуть, но тщетно... Вернулся подвыпивший сосед, распахнул дверь и, тряся деньгами перед офицером из соседнего купе, прокричал с украинским акцентом: «Майор, налей мне храмм двисти, за всё плачу!». И пока они за стенкой стучат стаканами, выпиваю снотворное, чтобы вызвать насильственный сон... Проснулся утром от солнечного света. Мать с сыном подняли шторку, розовые лучики солнца заглянули в купе, пробежав по полкам и лицам спящих. Смотрю в окно на малоросскую землю. В выжженных солнцем лугах аккуратно выстроились фруктовые деревья и утопающие в зелени хутора и сёла. Яркое приветливое солнце, похожее на гигантский подсолнух, висело высоко и грело земную красоту. Было ещё по-летнему жарко, но небо уже поднялось выше, и глазам не больно было смотреть в его чистую синь. Здесь

нет российских лесных полчищ, и поэтому небо кажется больше, а горизонт чище. Берёзы здесь, правда, редкость, а вместо запавших в моё сердце с детства гор только холмы.

– Вот это земли! – сказал спустившийся с полки коммерсант. – Вот где пахать и пахать...

За окном мелькали пригороды Киева, поэтому соседи стали готовиться к выходу, а я опять задумался. Да, действительно, эти земли самой природой созданы для того, чтобы давать обильные урожаи, но чего только не вынесла эта земля. Конские копыта крымских татар и польских шляхтичей, набеги кочевников-половцев и ватаг запорожцев. В нашем XX веке эту землю топтали сапоги кайзеровцев, как саранча, всё пожирающая на своём пути, господствовали Петлюра и банды беспутного батьки Махно. Здесь же хозяйничали, устанавливая власть Советов, С.М.Буденный, К.Е.Ворошилов, Г.И.Котовский, Н.В.Щорс, А.Я.Пархоменко и О.Дундич. А сорок пять лет тому назад эта земля стонала и дрожала от взрывов бомб и эрэсов (РС – реактивный снаряд.) Помнит украинская земля и своих героев – защитников Харькова и Одессы, молодогвардейцев Донбасса, партизан Фёдора Черниговского, С.А.Ковпака, С.В.Руднева, М.И.Наумова, А.Ф.Фёдорова и освободителей от германской оккупации – Советскую армию!

А поезд, между тем, медленно входит в Киев!.. Над утопающим в каштанах городом возвышается сорокаметровая белая статуя «Родины-Матери» с мечом и щитом в руках, прозванная в народе «Оксаной». Она настолько высока, что перекрывает колыбель русского Православия – Печорскую лавру! С Киевом у меня связаны приятные воспоминания... Среди которых и футбольный матч между нашим тюменским театром и театром из Днепропетровска. Проходил он на олимпийском стадионе, на тренировочном зелёном газоне киевского «Динамо», и мы победили со счётом 5:1! (Я тогда забил три мяча...) После Киева выхожу на одной из станций подышать свежим воздухом и вижу людей, несущих в руках эхо чернобыльской катастрофы – приборы, проверяющие вагоны на радиацию. Попросил, чтобы и меня проверили дозиметром. Оказалось, что больше всего радиационных отходов скопилось не в одежде, а в волосах головы, но и они меньше половины нормы. Жить можно, но увиденное на станции отвлекает от дум и воспоминаний, возвращая на грешную землю...

ХМЕЛЬНИЦКИЙ – ШЕПЕТОВКА

Первым городом, где предстояло открыть гастроли, был Хмельницкий. На привокзальной площади нас встретил памятник освободителю Украины от панской Польши.

– Вот он, БОГом ДАНный батька ХМЕЛЬ! – восхищается идущий рядом со мной комсорг ансамбля Сергей Быстров. И до гостиницы мы говорим о гетмане Запорожской Сечи, который в 1648 году начал борьбу с католическими поработителями за освобождение православного народа Малороссии. В этой борьбе был сильный союзник, 8 января 1654 года Б.Хмельницкий созвал народное собрание – Раду в Переяславле.

– Навеки с православным русским народом! – решила Рада и отправила своё решение в Москву с русским послом, бояриномБутурлиным. И кто знает, возможно, не будь того исторического письма, написанного под могучим дубом на острове Хортица, мы бы сейчас не приехали сюда...

Гостиница «Октябрьская», в которой нас поселили, далеко не лучшая в городе, но мне она понравилась. Во-первых, уютная и спокойная, а во-вторых, что самое важное, в полустах метрах от Дома офицеров, где будут проходить репетиции. После того как устроился в номере и принял душ – ощутил усталость. В ушах всё ещё стучали колеса вагонов, и донимало обманное ощущение, будто комнату покачивает из стороны в сторону. Вспоминалось, как однажды в гостинице уже попал в нелепую ситуацию. Зазвонил телефон, а я, гладя брюки, поднёс к уху горячий утюг и сказал: «Слушаю...». На щеке образовался румяный ожог, который около месяца приходилось гримировать. Чтобы отключить мозг от нахлынувших впечатлений и навязчивого головокружения, открываю окно и смотрю на улицу Октябрьской революции. Город типично украинский: каштановые деревья, стоящие вдоль дороги, образуют тенистую аллею, а их зёрна на тротуарах, вместе с опавшими красно-жёлтыми листьями, похожи на ковровую дорожку. Когда моё внимание привлекли овощные киоски, желудок охватило змеинососущее чувство голода. Замечаю знакомые лица коллег, несущих полные авоськи помидоров и яблок. По их примеру выхожу на улицу и приобретаю то же самое – дёшево и сытно...

На следующий день утром, в утопающем в коврах холле нас ждёт напутственное слово начальника ансамбля майора Ю.И.Смагина, вечером – концерт. За день успеваю ознакомиться с городом. К сожалению, музеи были закрыты на реставрацию, но этот пробел в наших знаниях восполнил заместитель начальника по воспитательной работе, майор Н.А.Торгушин. На одном из политических занятий он ознакомил весь личный состав с историей Правобережной Украины. Город омывает река Южный Буг. В неё впадает река Плоская, в честь которой до 1954 года город назывался Проскуров. А через 300 лет после воссоединения Украины с Россией, когда первый секретарь ЦК КПСС Н.С.Хрущёв подарил своим землякам Крым, Проскуров был переименован в Хмельницкий. После раскола Древней Руси монголо-татарским нашествием с юго-востока Подолье захватили крымские татары. Затем продали эти земли польской шляхте, но запорожские казаки продолжали бороться за свою независимость и Православную веру. В конце XVI столетия (1594–1595 годах) в Подолье вспыхнуло восстание во главе с атаманом Наливайко, но было подавлено поляками. Через год после воссоединения

с Россией, в 1655 году Подолье освободил Б.Хмельницкий. Но позднее оно вновь перешло во владения Польши. И лишь в 1796 году навсегда вошло в состав Российской империи. Сейчас Хмельницкий стоит на пути к городу Каменец-Подольске, соединяя Левобережную Украину с Правобережной. Подольская земля родила нашему государству полководца А.В.Суворова, главу «Южного общества» декабристов П.И.Пестеля, о городе написал в своей повести «Поединок» А.И.Куприн. Во время Великой Отечественной войны город был освобождён от гитлеровских интервентов в марте 1944 года. Среди освободителей был и Уральский добровольческий танковый корпус, в котором воевал мой дед...

На одном из первых выездных концертов нас завезли в какое-то глухое, утопающее в зелени село. Приехав, мы быстро переоделись в военную форму, а зрителей нет. Наконец, пришёл председатель колхоза и сказал, что народ придёт после вечерней дойки коров. Чтобы не терять времени даром, многие артисты прямо в форме пошли в сельский магазин за свежим хлебом и булочкам к чаю. Старушки в магазине всполошились.

– Вы откуда, хлопчики?

– С Урала!

– А это хде?

– В России!

– А Сталин живой?

– Да вы что, бабушки, он уж давно умер...

– Помер?– удивились старушки.

Видимо, военная форма напомнила им годы войны. Политика им ни к чему! Всю жизнь прожили своим хозяйством, своей землёй... Нам потом рассказали, что даже гитлеровцы в 1941 году обошли это село – стремясь быстрее на восток!

Прямо возле клуба от тяжести наливных плодов склонились к земле ветвистые яблони. Решив попробовать, сорвал несколько яблок и стал мыть из бачка при входе в здание.

– Берегите воду! – предупредила меня пожилая вахтёрша.

– А что, у вас проблемы с водой?..

– А вы разве не знаете, что вода – это жизнь? – спросила вахтерша и добавила: – Сейчас все к грошам стремятся. Когда денег станет много, воды не станет! Пойдут чоловики на криницу (родник-ключ), а там одно золото блестит, а воды нема...

Я сразу же вспомнил о чернобыльской катастрофе и произведения В.Распутина об экологической загрязнённости озера Байкал. «Мудрые здесь люди живут!» – отметил про себя я.

За неделю, проведённую в Хмельницком, мы дали три концерта для военнослужащих и семь для жителей области. На каждом почти все артисты были завалены цветами, благо Украина ими богата. Принимали нас хорошо, с большим вниманием отнеслась и местная пресса. Но самой запоминающейся для всех была поездка на родину Николая Островского, автора книги «Как закалялась сталь». От Хмельницкого до Шепетовки сто четыре километра. Несмотря на то, что выехали пораньше, чтобы до концерта успеть посетить музей Н.А.Островского, всё равно мысленно тороплю автобус. Очень уж хочется быстрее увидеть город, знакомый со школьной скамьи после прочтения о легендарном Павке Корчагине. Хороши всё-таки дороги в Европейской низменности! По гладкой, без единой кочечки дороге «Икарус» идёт быстро и плавно, словно катер по воде...

Вот и Шепетовка. Зелёный от деревьев город похож на уютную и чистую квартиру хорошей хозяйки. Недалеко от Дома офицеров, где мы остановились, стоит памятник Герою Советского Союза Вале Котику, а напротив музей Н.А.Островского. Полукруглое здание напоминает факел, символизирующий жизнь Павки Корчагина. Перед входом в музей на высоте пяти метров, на серой бетонной свае стоит паровоз времен Гражданской войны, а рядом большой плакат с изображением железнодорожной узкоколейки и комсомольской путевки – «Так закалялась сталь!». Конечно же, каждому из нас хочется сфотографироваться на фоне этих атрибутов – пионеров Советской власти.

– Возможно, что больше никогда сюда не приедем, – подсказывают старожилы ансамбля, – и эти фотографии войдут в историю коллектива, которому в 1989 году исполнится 50 лет!..

Войдя в музей, сразу же попадаем в атмосферу преобладающих двух цветов – красного и серого. Красный – знамя борьбы за Советскую власть, серый – закалённая сталь. Девушка-гид рассказала, что дом, в котором родился автор повести «Как закалялась сталь», давно снесён, а в другом, где он тоже когда-то жил, сейчас проживает сразу три семьи, и чтобы там открыть музей, эти семьи надо было обеспечить квартирами. Поэтому в 1979 году на средства комсомольцев республики был построен этот мемориальный комплекс. Залы музея решены в форме железной дороги, с которой была связана жизнь писателя. Этапы жизненного пути Н.А.Островского разбиты на отдельные уголки: макет дома в селе Вилия Ровенской области, где 29 сентября родился Николай Александрович, двор и сарай, выполненные в украинском стиле, фотографии его матери – Ольги Осиповны и жены Раисы Порфирьевны, его любимые книги: «Кобзарь» Т.Шевченко, «Овод» Э.Войнич и «Гарибальди»... Тут же комсомольский билет № 8144911, выданный ему в 1919 году (партийный билет члена ВКП(б) «ленинского призыва» 1924 года № 0285973 хранится в Московском партийном архиве, а здесь лишь копия). Далее материал о Первой конной армии, в которой служил Н.Островский, и станции Боярка на строительстве узкоколейки, с лозунгом «Даёшь дрова!». Как преемственность поколений, сооружён уголок наших современников – строителей БАМа: «Закалённая в Боярке сталь, в бой идёт Байкало-Амурская магистраль!». Далее макет квартиры, где умер ослепший и парализованный писатель. Здесь нет ничего лишнего: три кровати, два стула, стол и топчан. Вдруг ловлю себя на мысли, что Павка Корчагин – романтик своего време-

ни, искренне веривший в светлое будущее коммунизма! Всего тридцать два года прожил Н.А.Островский, но ему хватило и этой короткой жизни, чтобы навсегда стать примером мужества, стойкости и борьбы для молодёжи!.. Комок к горлу подходит, когда знакомишься с материалами о людях, повторивших подвиг П.Корчагина. Одна из них – медицинская сестра Зинаида Туснолобова-Марченко. Во время Великой Отечественной войны оказывая помощь раненым на заснеженном поле, поморозилась и после операции лишилась обеих рук и ног. Осознав происшедшее, она не захотела жить и со слезами на глазах умоляла врачей помочь ей в этом. Ей помогли – дали прочитать книгу «Как закалялась сталь». И Зинаида научилась «уметь жить тогда, когда жизнь становится невыносимой». Она вышла замуж, стала матерью и до конца семидесятых годов проработала диктором на радио. Невольно задумываешься: «Разве можно сравнить наши трудности с теми, что мы только что увидели?». Получив «корчагинскую закалку» и внутренний заряд на борьбу, оставили свой отзыв в книге для посетителей и вышли на улицу. В последний раз оглядываюсь на впечатляющее здание мемориального комплекса. Красная крыша, освещённая «прожектором солнца», – горит! И этот огонь проникает в грудь и зажигает сердце!.. Два подряд концерта прошли на одном дыхании! Уставшие, но духовно не сломленные, мы вернулись в Хмельницкий...

ГАЙСИН – ВИННИЦА

(Десять дней, которые нас не потрясли)

Двадцатого сентября, простившись с Хмельницким, поехали в Винницкую область. Из географических соображений филармония, от которой нам предстояло работать, планировала поселить наш коллектив в городе Ладыжин. Но тем летом здесь, после апрельского взрыва, разместили эвакуированных чернобыльцев. На Украине, общаясь с местными жителями, мы всё больше и больше узнавали о чернобыльской катастрофе. Узнавали о том, о чём молчали газеты и телерадиокомпании. Оказывается, все партийные чиновники растерялись и бежали из Чернобыля. Но нашлись настоящие герои, кто собой заслонил вспыхнувший отсек и ценой своей жизни спас древнерусский город Киев, восточный Донецк, западный Львов, северный Чернигов и южный Севастополь. «Разве те, кто шагнул в заражённый отсек без всякой специальной одежды от радиации, не совершили подвиг Павла Корчагина?» – думал я...

Из Хмельницкого наш ансамбль откомандировали в городок Гайсин. Путь неблизкий – двести сорок километров! Выехали ранним утром, а когда въехали на территорию Винницкой области, на выглаженном синем покрывале неба уже высоко висело солнце. Ровно посаженные вдоль дороги тополя и каштаны создают тень и защищают автостраду от палящего небесного светила, а вечером эти же деревья в освещении фар подчёркнуто выделяют створ дороги. Еду рядом всё с тем же Быстровым. Сергей интересуется не только современной литературой, но и пишет стихи. С таким собеседником, особенно когда много общих тем для полемики, дорога не кажется длинной. Вчера у него был день рождения, и начальник отпустил его на экскурсию во Львов. Он хотел ехать со мной, но не разрешили, сославшись на то, что некому будет вести концерт, хотя у меня был дублёр из солдат срочной службы.

– Эта поездка запомнится мне на всю жизнь! – говорит Сергей и рассказывает об узких улочках западно-украинского города, о старинных, охраняемых государством архитектурных памятниках, о первопечатнике Иване Фёдорове, о мемориале нашему земляку, Герою Советского Союза Н.И.Кузнецову. Я вспомнил, что одной из важнейших информаций легендарного разведчика-уральца, действовавшего в тылу врага в виде немецкого обер-лейтенанта Пауля Зиберта, была информация о секретной ставке Гитлера под Винницей.

– Скоро мы её будем проезжать, – вступила в разговор артистка балета Ольга Букина.

Это уже любопытно. Ждём! Наконец, проехали мост через известную из военных мемуаров реку Южный Буг, на которой стоит Винница, и в двенадцати километрах от города, справа по маршруту нашего следования появилась бывшая ставка фюрера. Смотрим на обнесённый каменным забором небольшой лесок.

– Это туристическая база, – поясняет Оля, побывавшая там несколько лет назад, – а за ней бывшая ставка. Сейчас там село Стрижевка...

В Гайсин прибыли около трёх часов дня. Два часа на размещение и отдых, вечером – концерт. Условия в гостинице типично провинциальные: один туалет на тридцать шесть номеров, нет радио, телевизора, холодильника, и самое ужасное – нет горячей воды. А холодная вода на строгом учёте и даётся для населения городка всего два раза в сутки – утром и вечером. Здесь многие из нас поняли цену пресной воды, об экономии которой постоянно напоминают дикторы радио и телевидения. Десять дней, прожитых в гайсиновских условиях, показались нам неимоверно долгими. К тому же, как назло, зачастили дожди, и стало прохладно, особенно ночью. Вечерние лампы горели вполнакала, поэтому ни о каком чтении не могло быть и речи. Многие артисты простудились, но питание сочными помидорами и медовыми яблоками поддерживало жизненный тонус, и все концерты прошли на высоком профессиональном уровне. Не было ни одного человека, кто бы жаловался на неблагоприятные условия. Да и разве можно было хныкать после посещения музея Николая Островского? Благо, что большая часть суток проходила на колёсах. Выступали мы в основном перед сельским зрителем. Концерты начинались в десятом часу вечера, и в гостиницу мы возвращались далеко за полночь.

Я всегда сидел на боковом сидении у первой двери и, чтобы не скучать в тёмном салоне автобуса, смотрел на освещённую фарами извилистую дорогу и был свидетелем ночной охоты зверей. То куропатка юркнет в обочину дороги, то пробежит заяц-русак, едва не угодив под колёса, то косуля махнёт хвостом. А уж если чёрная кошка, то у автобуса обязательно порвётся ремень вентилятора или перегреется двигатель. Что ж, без приключений на таких гастролях не обойтись! Но артисты – народ весёлый!.. Пока шофёр с несколькими помощниками-солдатами срочной службы возится с мотором, кто-нибудь декламирует шутливый экспромт под общий смех, кто-то командует: «Девочки налево, мальчики направо», а любитель фантастики, молодой артист хора В.Галкин, показывая на самую яркую движущуюся в небе точку, рассказывает о «летающих тарелках». Я раньше никогда не замечал, что звёзды так часто падают. Опишут дугу и исчезнут так быстро, что порой даже и желание не успеешь загадать.

Поёживаясь от холода, стою в обволакивающем землю хаосе мрака. Кругом оглушающая тишина и непроглядная тьма. Справа от автобуса, на фоне растущих неподалеку деревьев, в пяти шагах ничего не видно. Поэтому идёшь, скользя ногами, как по тонкому льду. Думаешь о том, как во время войны в такую же темноту разведчики ходили за «языком». Представляю себя на их место – жутко. Нет, не то слово, – страшно! А страх – это необъяснимое чувство.

Слева от автобуса с трудом различается мутное зеркало пруда. На обрывистых берегах, словно желая напиться после знойного дня, склонили свои макушки ивы. В десяти метрах от берега на поверхности застывшей воды белеет спящий табун качек (уток), а за ними искажается, похожий на кусок голландского сыра, полукруг луны. Посмотрев на этот «сыр», я ощущаю, что проголодался. Достаю из кармана яблоко и, хрустя им, смотрю на небесную лазурь. Кажется, что вот-вот над тёмными крышами хижин с соломенными шапками появятся гоголевские герои: Вакула верхом на чёрте или Хома на ведьме-оборотне. На высоком чёрном небе, усыпанном крупными звёздами, бледно обозначился Чумацкий шлях (так на Украине называют Млечный путь). Куда-то туда после смерти уйдёт наша душа! Где-то там и душа моего деда, пропавшего без вести в этих местах. Смерть свою он, видимо, принял не на миру, как запорожские казаки из «Тараса Бульбы», а где-то в глуши – один на один... Глядишь в вещее и вечное небо и ощущаешь себя песчинкой. Зачем я в этом мире? Я создан для мира или мир для меня? Как всё-таки важно найти свое предназначение, тогда и в жизни всё пойдёт по-другому!..

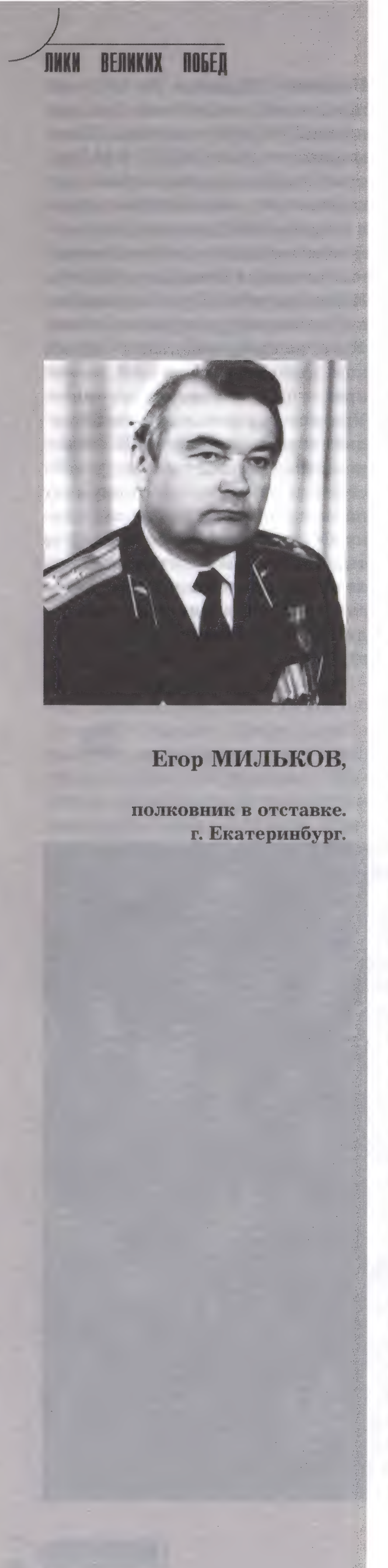
Из гайсиновских поездок запомнился выезд в село Шляховая. Когда-то, ещё со времён панской Польши, в этих местах проходил Чумацкий шлях. Сейчас Шляховая славится своим колхозом-миллионером имени XXII съезда КПСС. В 1956 году колхозники села представляли достижения сельского хозяйства СССР в столице Испании – Мадриде. До 1971 года председателем колхоза был нынешний первый секретарь Житомирского обкома КПСС В.М.Ковтун. В данное время колхоз возглавляет его младший брат. Здесь в современном Дворце культуры – лучший вокально-инструментальный ансамбль Винницкой области. Когда мы увидали их музыкальную аппаратуру, купленную колхозом за семьдесят тысяч рублей, нам стало неловко за свой родной край: ведь аппаратура огромного Уральского военного округа оставляет желать лучшего... Но самое незабываемое впечатление в этом селе произвёл на всех монумент памяти погибших в боях за Родину. Обелиск – строго белеющий во тьме, ибо нет на всей русской земле места более святого, почитаемого и многообязанного, чем площади, хранящие память о народных героях!..

(Окончание следует)

ЕСТЬ В БЕЛОМ МОРЕ ЧУДО-АРХИПЕЛАГ

Егор МИЛЬКОВ,

полковник в отставке. г. Екатеринбург.

Правда, широко распространено мнение о том, что чудес на свете не бывает. Но вот Большая Советская Энциклопедия не вполне согласна с ним. В ней говорится: «чудо – это нечто поразительное, выдающееся, удивляющее своей необычностью...». Уверен, что с таким определением этого понятия согласится каждый из тех, кто хотя бы раз побывал на далёких, как там их порой именуют, – «краесветных» островах архипелага, расположенных в Белом море при входе в Онежскую губу.

Автору этих строк повезло. В составе группы ветеранов Свердловской области, окончивших в годы Великой Отечественной войны Соловецкую школу юнг, мне посчастливилось побывать в этих далёких от Урала, сказочно удивительных местах.

Чем дальше время отдаляет от встречи с ними, тем сильнее возрастает потребность поделиться всё более крепнущими, волнующими душу и сердце впечатлениями, возникшими в дни нашего кратковременного пребывания на этой священной земле.

Хочется привести высказывание на эту тему Валентина Ковалёва, составителя карты-схемы «Соловецкие острова».

– Прохлада Севера, – отмечает он, – ощутимая даже и летом, сдержанные нежные краски окружающей природы, высокое небо, опрокинутое в зеркала озёр и в морской простор, стихия ветров и удивительная стойкость хрупкого, легкоранимого живого мира среди диких камней – это лишь часть того, чем встречает человека Соловецкий край. Острова всегда манят людей своей загадочностью, уединённостью. Ещё бы, ведь они расположены среди арктического моря в Приполярье с белыми ночами и северными сияниями...

В Соловецком архипелаге насчитывается более двухсот островов. Среди них несколько крупных: Большой Соловецкий, Анзерский, Большая Муксалма, Малая Муксалма, Большой Заяцкий и Малый Заяцкий острова. Общая площадь архипелага составляет около 300 кв. км. На островах более 600 пресноводных озёр, часть из которых соединена между собой искусственными каналами.

Рельеф островов – ледникового происхождения. Для него характерны многочисленные холмы («горы»), в понижениях – озёра, болота. Высшая точка архипелага – гора Голгофа (высота чуть более 100 м). Климат здесь отличается от климата других районов Беломорья. Несмотря на близость Полярного круга, средняя температура самого холодного на Соловках месяца – февраля – всего минус 11 градусов. Впрочем, по свидетельству экскурсовода, в летние месяцы она тоже 11 градусов, только, разумеется, плюсовая.

Леса занимают большую часть архипелага. Преобладают хвойные породы – ель, сосна, лиственница. В озёрах водятся щука, налим, окунь, плотва, ёрш, в море – сельдь, треска, камбала и другая рыба. На Соловках можно наблюдать чаек, глухарей, куропаток, рябчиков и других птиц. Из животных встречаются лиса, белка, заяц, северный олень, ондатра.

На протяжении столетий упорным трудом и талантом русских людей была преобразована природа Соловецких островов, построены оригинальные гидротехнические и хозяйственные сооружения,

создан уникальный комплекс историко-архитектурных памятников.

На Большом Соловецком острове, длина которого 24 км, а ширина не более 17, самым грандиозным сооружением является так называемый Кремль, официальное наименование – Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь. Датой основания монастыря считается 1436 год. Первыми его устроителями явились преподобные Саватий, Зосима и Герман, а также святитель Филипп, позднее митрополит Московский и всея Руси. Он 18 лет был настоятелем монастыря и многое сделал для его укрепления и процветания.

В 1582–96 гг. монастырь был превращён в настоящую крепость. Он был обнесён пятиугольной стеной с восемью башнями и десятью воротами. Периметр стены составлял 1084 метра, толщина у основания – 7,5 метра, высота башен – до 17 метров. Её строительство стало необходимым, так как уже в те времена Поморье стало объектом постоянной агрессии воинственных соседей, и на крепость-монастырь были возложены обязанности по защите северных рубежей России.

Обязанности эти со времён правления государством Петром I и до закрытия монастыря в начале 20-х годов прошлого столетия с честью исполнялись служителями священной Соловецкой обители.

Об истории возникновения и развития, падении и возрождении соловецкого подвижничества в течение более пяти веков появилось множество исторических, научных и литературных изданий. Назову лишь одно из них, увидевшее свет в 2008 году. Книга паломника Соловецкой обители под названием «Во отоце океана моря» подготовлена и издана по благословению святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II Спасо-Преображенским Соловецким монастырем и Обществом сохранения литературного наследия (автор-составитель М.В.Осипенко). В предисловии книги «Слово к читателю», в частности, отмечено, что «в настоящем путеводителе можно найти краткую историю Соловецкого монастыря, описание нынешнего уклада жизни в обители и удобнейшие пути ознакомления со святынями и достопримечательностями острова...».

О наиболее важных исторических событиях и личностях, которые так или иначе имеют непосредственное отношение к судьбе овеянного легендами и ещё во многом непознанного беломорского архипелага, хочется рассказать хотя бы вкратце.

Один из выдающихся памятников древнерусского зодчества – Спасо-Преображенский собор был построен при игумене Филиппе в 1558-1566 гг. На него внесли пожертвования три русских царя. Иван Грозный выделил тысячу рублей на строительство. Петр I после своего первого посещения Соловков в 1694 году дал 600 рублей на создание нового пятиярусного иконостаса. Александр II посетил монастырь в 1858 году и подарил 2 тысячи рублей на роспись храма. При следующем своем посещении архипелага в 1702 году Петр I издал указ соорудить на острове Большой Заяцкий деревянную церковь в честь апостола Андрея Первозванного.

На богомолье в Соловецкий храм приезжал Степан Разин. В архивах монастыря несколько лет работал известный русский историк В.О.Ключевский. Красотами островов восхищался Максим Горький. Поэт Сергей Есенин венчался в храме с Зинаидой Райх.

Особо хочется привести мнение об этом северном архипелаге России академика Д.С.Лихачёва, который несколько раз бывал на Соловках. В 1928 году он был арестован по немецкому «делу» «Космической академии наук» и стал узником Соловецкого лагеря особого назначения. Об этом периоде жизни он подробно рассказал в книге «Воспоминания». Однажды он чудом избежал гибели во время одного из массовых расстрелов заключённых. В книге есть такие слова: «С этой страшной ночи во мне произошёл переворот. Не скажу, что всё наступило сразу. Переворот совершался в течение ближайших суток и укреплялся всё больше. Ночь была только толчком. Я понял следующее: каждый день – подарок Бога. Мне нужно жить насущным днём, быть довольным тем, что я живу ещё лишний день. Поэтому не надо бояться ничего на свете...».

Возможно, своеобразным итогом размышлений Дмитрия Сергеевича Лихачёва о нравственности стали слова, написанные через много десятилетий после того страшного случая: «Совесть не только ангел-хранитель человеческой чести – это рулевой его сво-

боды, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни, особенно современной».

После одной из последних своих поездок на Север Д.С.Лихачёв подчеркнул: «Пребывание на Соловках было для меня самым значительным периодом жизни. Я мечтаю когда-нибудь снова туда поехать и предаться воспоминаниям».

В августе 2001 года Соловки одновременно посетили два высокопоставленных деятеля современной истории – Президент Российской Федерации В.Путин и Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Безусловно, это стало важнейшим событием как для дальнейшего возрождения Соловецкого храма, так и для улучшения условий деятельности Соловецкого государственного музея-заповедника, рассказ о котором чуть ниже.

На пресс-конференции, состоявшейся на Соловках, В.Путин отметил: «...Испокон веков нашу страну называли «Святая Русь», и это имело свои географические и исторические границы. Но, прежде всего, в это название вкладывался большой нравственный смысл.

В самом названии подчеркивалась та особая роль, которую Россия взяла на себя. Причём взяла на себя добровольно как хранительница истинного христианства, истинных христианских ценностей. Трудно не согласиться с теми, кто утверждает, что без христианства, без православной веры, без возникшей на их базе культуры вряд ли бы состоялась Россия. Поэтому сегодня, когда мы обретаем себя, ищем нравственные основы нашей жизни, вернуться к этим первоисточникам очень важно, очень полезно и своевременно».

На Соловках в Свято-Преображенском храме Патриарх Московский и всея Руси вручил В.Путину деревянный резной крест, произведение соловецких мастеров, с вкраплениями местных святынь. При этом он сказал: «Монашество – это крестоношение. Но, я думаю, крестоношение – это служение Отечеству. И пусть сей крест напоминает Вам, какой крест выпал на Вашу долю. И пусть Господь облегчит Вашу ношу...».

Недавно на Большом Соловецком острове побывал и нынешний Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл. Он посетил Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь, храм на Секирной горе и другие памятные места исторического значения. Святейший Патриарх Кирилл выразил глубокое сострадание по поводу погибших на Соловках узников и уверенность, что таких тяжёлых событий в России никогда больше не произойдёт.

Почти 500-летняя история монастыря богата событиями как местного, так и общероссийского значения. Многие из них отмечены плитами с историческими надписями или памятниками, сохранившимися до наших дней. О славной военной истории монастыря напоминают древние пушки в башнях крепости, колокол начала XV века, колокол «Благовестник» 1855 года, «переговорный» камень, который находится на берегу моря. Все часовни вокруг монастыря также сооружены в память различных исторических событий. Вне стен Кремля привлекают внимание крепостной ров (нач. XVII в.) – один из немногих сохранившихся в России средневекового периода, первый на Севере России сухой дононаливной док (1801 г.), культовые, жилые и хозяйственные постройки бывшего монастырского посёлка (XIX в.).

Из истории Соловецкого монастыря важно отметить ещё несколько памятных дат, которые в прошлом столетии изменили облик, дальнейшее развитие и само существование фортпоста православия на Севере России от основания обители до наших дней.

Известно, что в 1920 году правительство молодой Советской республики приняло решение о закрытии Соловецкого Спасо-Преображенского ставропигиального мужского монастыря. С этого времени в течение почти 20-ти лет в его стенах, а также во многих других местах архипелага размещался Соловецкий лагерь особого назначения. Это для Соловков был, пожалуй, самый тяжкий период своего существования. Через застенки тюрем лагеря, по некоторым сведениям, прошло около сорока тысяч человек. Многие из них навечно остались в соловецкой земле. По воспоминаниям соловецкого узника, генерала русской армии И.М.Зайцева, СЛОН – это «оргия обезумевших людей для осквернения святого места».

Более подробно об этом мы узнали во время посещения одного из тюремных мест лагеря на Секирной горе, где в здании Вознесенской церкви было устроено четвёртое отделение – мужской штрафной изолятор с чрезвычайно суровым режимом. Здесь же приводились в исполнение расстрельные приговоры. Без содрогания в сердце и трепета души невозможно было слушать проводника (гида музея-заповедника) о мучениях, которые испытывали в те годы узники лагеря. Светлана Минаева, побывавшая на Соловках в составе нашей уральской группы, так выразила в стихотворных строках своё настроение и самочувствие после посещения Секирной горы:

Здесь птицы не поют – наверное, не могут.
И лес стоит немой, хранящий тишину.
И здесь моя душа должна быть ближе к Богу...
Но нет полёта, нет! Земля прижата к небу.
Из узкой щели свет бьёт больно по глазам.
Мне б чайкой пролететь
за белой крошкой хлеба
И волю дать солёным вековым слезам.
Но всё молчит опять, поджаты скорбно губы.
Здесь неуместен смех, здесь неуместен крик.
Здесь можно сжать кулак и крепко
стиснуть зубы,
С недоуменьем глядя в святой надвратный лик.
...На Соловках дожди. Туристы снова мокнут.
Им в спешке не сыскать примету лишь одну:
Здесь птицы не поют – наверное, не могут,
И лес стоит немой, хранящий тишину.

Думается, что каждый из нас, как и Светлана Болеславовна, испытал такие же чувства, узнавая о страданиях безвинных людей в годы репрессий и бесправия не только при сталинском режиме, но и до него. Ведь известно, что в Соловецком монастыре ещё задолго до революции отбывали наказание немало достойных людей нашей многострадальной России. Назовём имена лишь некоторых из них.

Первый русский посол в Дании, сенатор, член Верховного Тайного Совета, князь Василий Лукич Долгорукий был приговорён императрицей Анной к лишению чинов и наград и права переписки с родными и общения с посторонними лицами. В августе 1730 года он был доставлен на Соловки и помещён в Антоновскую тюрьму. Позднее казнён в Новгороде.

Лейб-гвардии капитан, управляющий Тайной канцелярией, кавалер высшей награды империи – ордена Андрея Первозванного, граф Петр Андреевич Толстой, с подачи Меншикова, был приговорён к смертной казни, заменённой ссылкой на Большой Соловецкий остров, и вместе с сыном Иваном был доставлен туда 1 июня 1727 года. Через два года в возрасте 83 лет скончался.

В Соловецком Кремле отбывали ссылку прадед А.С.Пушкина капитан Сергей Пушкин, родной внук арапа Петра Первого Павел Ганнибал, последний кошевой атаман Запорожской Сечи Пётр Кальнишевский. Он пребывал на Соловках в качестве заключённого 20 лет, в возрасте 100 лет был освобождён указом Александра II, но монастырь не покинул до конца своих дней. Ушёл из жизни в возрасте 112 лет.

Можно бы ещё перечислять имена знатных людей Российского государства, пострадавших от опалы самодержавия, но речь идёт о том, ещё раз подчёркиваем, что край этот – Соловецкий архипелаг – необычен, загадочен, священен.

Однако вернёмся к краткому рассказу о нём, к тому, что мы сумели узнать, увидеть и услышать за несколько дней пребывания на этой удивительной и малоизученной «планете».

С 1939 по 1957 гг. на Большом Соловецком острове находился учебный отряд Северного флота и Соловецкая школа юнг ВМФ СССР (1942–1945 гг.).

В 1967 году в целях сохранения недвижимых объектов наследия и природных ландшафтов островов здесь создан Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник. Это один из крупнейших музеев-заповедников России. В его оперативном управлении находится более тысячи объектов культурного наследия в хронологических границах от V тыс. до н.э. до XX века. Ныне музей-заповедник является федеральным государственным учреждением Министерства культуры Российской Федерации.

Вновь Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь открылся в 1990 году определением Священного Синода Русской православной церкви. А через два года в монастырь были возвращены святые мощи соловецких первоначальников преподобных Зосимы, Савватия и Германа. В настоящее время в соборах монастыря ведутся большие реставрационные работы.

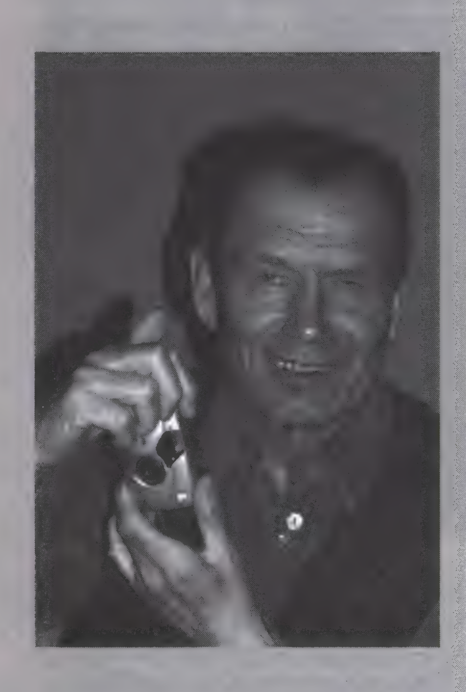
Решением Генеральной ассамблеи ЮНЕСКО от 14 декабря 1992 года историко-культурный ансамбль Соловецких островов, составляющий ценностное ядро музея-заповедника, включен в список памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО. А с 1995 года он указом Президента РФ включен в Перечень объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения и в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

Наиболее ценную часть музейных фондов составляют тематические коллекции, а также экспозиции и выставки, свидетельствующие об истории Соловецких островов с древнейших времён до наших дней. К примеру, экспозиция «Соловецкая школа юнг» расположена в специальном выставочном павильоне на берегу гавани Благополучия, где представлены личные вещи и предметы военного быта юнг, оружие, корабельные приборы, различные корабельные технические устройства, документы и фотографии военной поры и нынешнего поколения летней школы юнг, воссозданной по решению руководства музея-заповедника во главе с его директором Михаилом Васильевичем Лопаткиным.

(Окончание следует)

ФОТОГРАФ ПО ВОЕННОМУ ВЕДОМСТВУ

Евгений БИРЮКОВ,

г. Екатеринбург.

Начало XX века. Фотоаппараты ещё относительно громоздкие, но уже есть портативные, на плёнку, удобные в путешествиях.

1914 год, Первая мировая война, её перипетии – в объективах известных корреспондентов популярных иллюстрированных журналов. Но были и безвестные фотолетописцы, сугубо служебного Военного Ведомства.

Андрей Фёдорович Узких (1889–1951). Сын учителя пения, окончил Екатеринбургскую художественно-промышленную школу (1912 г.), работал учителем рисования в женской гимназии, в 1916 году мобилизован в действующую армию, на Румынский фронт (Галиция). Полковой писарь и фотограф 244-го пехотного полка. Помимо сугубо служебных снимков, вёл и свой фотоальбом. Он сохранился. «Колонна солдат едет на передовую», «На второй линии окопов», «Проволочные заграждения», «Вход в офицерскую землянку», «Разрушения», «Кресты на могилах солдат»... Сохранился снимок, где сам Андрей Узких с фотоаппаратом на треноге (камера 13х18 см, считалась дорожной). Конечно, приходилось воевать и с винтовкой в руках. Попал под германскую газовую атаку (иприт), осложнения – на всю жизнь.

1917 год: Февральская и Октябрьская революции – «Да здрав-

ствует Свободная Россия!». Демобилизация.

В 1920–30 годы в Свердловске Андрей Узких участвует в художественных выставках.

Позже работает в Институте травматологии и ортопедии: сугубо медицинские иллюстрации.

В семейном архиве встречаются и другие снимки той поры: фронтовой госпиталь и врач К.А.Белобородова, полевой лазарет и хирург Г.С.Мышкин. Потом эти три фамилии породнились. Все сведения – от нынешней хранительницы домашнего очага Зеры Германовны Мышкиной.

Александр ЛОБОК,

г. Екатеринбург

РУССКОЕ ПАРИ

Это детство, которое по сути своей не имеет возраста и одинаково может быть присуще тебе как в пять, так и в сто пять лет.

Когда мир абсолютно открыт и абсолютно самодостаточен в этой своей открытости.

Когда каждый (даже самый незначительный по внешним параметрам) фрагмент мира – это, по сути дела, целая Вселенная, и каждое мгновение жизни неисчерпаемо, как вечность.

Когда бытовое наполнено Бытийным, и ты не гонишься за какими-то внешними целями, а просто счастливо живёшь, с наслаждением проживая каждое отпущенное тебе мгновение.

Философия Леонида Баранова – это абсолютное и непоколебимое соединение точки детства и точки старости – некая зримая метафора того, что не только «смерти нет», но и жизни – как какого-то мучительного и неодолимого страдания, как обреченности на смерть, как движения к смерти – нет тоже. Потому что всё, что есть, – это неисчерпаемое состояние детства с его абсолютной и безоглядной радостью бытия. И сколько бы ты ни прожил на свете, ты жив исключительно тем, что в каких-то твоих глубинах по-прежнему живёт ребёнок с его наивной и абсолютной открытостью миру, когда всё – впереди, и когда всё – возможно. Потому что детство – это и есть состояние абсолютной целостности, абсолютной принадлежности себе, когда ты сам – точка отсчёта для мира, и оттого ты просто живёшь и радуешься жизни – той, которая тебе дана. И впереди тебя, ну конечно же, жизнь вечная.

И оттого мир Леонида Баранова – это мир, населённый ангелами.

А у этих ангелов добрые глаза, лучащиеся детской радостью проживания жизни.

Прекрасный, дивный мир, наполненный детством и счастьем, – словно заклинание, которое произносишь вопреки нескончаемой и безысходной тоске, которой наполнена реальная жизнь.

А ещё, конечно, в Леониде Баранове – абсолютно брейгелевское начало.

Когда каждая отдельная картинка – это словно взятый с сильным фотоувеличением фрагмент огромного многофигурного полотна. А если сложить все эти счастливые микросюжеты со стариками и старушками в единую мозаику, получится целая Вселенная некоей волшебной человеческой повседневности – рассказ о чудесной стране, которой, конечно же, нет на карте, но которая странным образом существует в сердце каждого из нас как надежда на вечную и вечно счастливую жизнь, удивительно простую и одновременно удивительно высокую.

Если угодно – российский вариант рая.

Мир, в котором живут герои Леонида Баранова, – это, конечно же, рай.

Странный, но такой настоящий, такой удивительно искренний и трепетный снежный рай, населённый детьми, которые прикидываются дедушками и бабушками.

И оттого, наверное, так сладко и горько сжимается сердце при взгляде на этот волшебный мир.

Потому что знаем, что рай этот – внутри нас, но готовы ли мы безоглядно открыться этому раю навстречу?

...Вот он – герой русского пари: одна нога разута, сам – на четвереньках, поллитровка отчаянно балансирует на спине, но взгляд, взгляд! Взгляд – туда, в мир горнего, который, конечно же, есть – ну не может не быть!

И оттого этот взгляд до самозабвения счастлив, пронзителен и высок, как пронзительно и высОко всё, что происходит в этой бескрайней российской брейгелиане Леонида Баранова.

Портрет интеллекта

Ирина Борисовна Ившина.

Специалист в области общей микробиологии и биотехнологии. Автор первой на Урале коллекции микробных ресурсов. В 1972 г. окончила с отличием биологический факультет Пермского государственного университета (ПГУ). В 1972 г. – мл. научный сотрудник естественнонаучного института при ПГУ. С 1975 г. работает в Институте экологии и генетики микроорганизмов УрО РАН (до 1987 г. – УНЦ АН СССР) – мл. научный сотрудник, ст. научный сотрудник (1986), зав. лабораторией алканотрофных микроорганизмов (1988). В 1996 г. – доцент, 1998 г. – профессор кафедры микробиологии и иммунологии ПГУ. Кандидат (1982), доктор (1998) биологических наук, член-корреспондент РАН (2003). Руководитель грантов ФЦНТП РФ, РФФИ, Британского Королевского научного общества (The Royal Society, UK), Международных научных программ ИНТАС, НАТО. Награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II ст. Автор более 150 научных работ, в т. ч. 4 монографий, 6 патентов на изобретение РФ. Среди ее учеников лауреат Демидовской премии для молодых ученых.

Ведущий рубрики фотохудожник Сергей Новиков

Автопортрет. *2006 г.*

Нина Костина: живая душа искусства

Весеннее утро. *1964 г.*

Кургановские чайки. *1993 г.*

Первый снег в Волынах. *1990 г.*

«Большому заводу быть!» (В.Н.Татищев, 2 января 1721 г.). *2006 г.*

Уралмашевцы. *1971 г.*

ЖИВАЯ ДУША ИСКУССТВА

Рина МИХАЙЛОВА,

г. Екатеринбург.

Одной из самых замечательных выставок в Екатеринбурге стала юбилейная выставка Заслуженного художника России, профессора Уральской архитектурно-художественной академии Нины Васильевны Костиной.

Нину Костину знают и любят в нашем городе, а потому на открытие выставки пришли её друзья, коллеги, студенты и просто поклонники её таланта. Было много цветов и на стенах в живописи, но еще больше в руках посетителей, столько цветов дарят только очень хорошему человеку. Большой зал музея был заполнен посетителями, а люди всё шли и шли.

В этом зале Нина Костина проводит вторую выставку. Первая состоялась 25 лет тому назад, когда зал только что пристроили к старой галерее. Выставка была посвящена тридцатилетию творческой деятельности художницы. Чтобы она могла открыться в срок, строители закончили отделочные работы на месяц раньше. Строители были с Уралмаша, где художницу хорошо знали и любили. Она родилась здесь, здесь жили и работали её родители, сюда она вернулась после окончания художественного института в Москве. И первые её значимые работы были о людях Уралмаша. Не все работы этой очень важной для творчества художницы темы представлены на этой выставке, а те, что есть, точно передают уровень мастерства тогда ещё совсем молодой художницы. Это – «Уралмашевцы», «В обеденный перерыв», «Бригада – золотые руки», «Люба выходит замуж». У каждого времени свои герои. Тогда, в 60–70-е годы, это были люди труда. И в каждой композиции художница вела столь тщательную проработку образа, что его можно и сегодня воспринимать как портрет конкретного человека со своей собственной судьбой, своим видением мира, своим состоянием души. Это результат не только большого труда художника, но и результат личностного отношения её к своим героям. Кто посещал художественные выставки тех лет, помнят, что о людях Уралмаша создавали свои произведения такие известные тогда художника, как Г.Мосин, И.Симонов, Б.Семёнов. Даже в этой блестящей когорте мастеров её работы не терялись.

Костину как творца и человека всегда больше всего интересовали события, происходившие здесь и сейчас, она никогда не гналась за громкими темами, писала людей, её окружающих, простые истории их жизни. Однако так случилось, что, повествуя, казалось бы, о самых обыденных вещах, Нина Васильевна создала правдивый облик целой исторической эпохи. С её полотен веет ощущением огромного энергетического подъёма 60–70-х годов прошлого века, когда в экономике, науке и искусстве было сделано так много, что и сегодня составляет предмет нашей национальной гордости. Героини прекрасной композиции «Весеннее утро» (1964 год) так светлы и чисты, что их легко представить современницами Юрия Гагарина. Замечательные портреты современников художницы воссоздают как бы в лицах творцов истории нашей страны середины и второй половины XX века. Любимый жанр художницы – портреты. Причем писала она портреты людей ярких, талантливых, значительных. Они у неё получались просто незабываемыми: так и видишь на концерте

Народную артистку СССР Веру Баеву – она само вдохновение. Незабываемо и тревожно лицо главного конструктора Уралмаша Б.Сатовского. Портрет написан в 1985 году, портретируемый как будто предвидит трагическую судьбу родного завода 90-х годов. Это поистине портреты-судьбы. Говоря о портретах художницы, нельзя не сказать о её графических работах – это целый мир удивительных образов и по манере исполнения, и по характеристике образов. Очарователен автопортрет художницы 1954 года. Впечатляет портрет пожилой женщины «Баба Аня» 1960 года. Классически красив портрет молодого мужчины из индийской серии «Сикх» 1972 года. И эти графические работы можно перечислять и перечислять, жаль, что они так редко бывают на выставках.

Становление таланта Н.Костиной произошло в 50-е годы прошлого века в стенах нашего училища имени Шадра. Его директор П.П.Хожателев собирал вокруг себя прекрасных художников-педагогов, с ним было интересно работать, поэтому и шли сюда самые талантливые художники Свердловска. Кроме того, старшие классы училища располагались тогда на втором этаже филармонии, и классическая музыка сопровождала художников постоянно, способствуя становлению души и ума. Неудивительно, что из стен училища вышли многие известные сегодня художники. Здесь умели «ставить на ноги» таланты.

Имея такую школу за плечами, юная Костина легко выдержала творческий конкурс в 20 человек, став студенткой самого престижного советского вуза – Художественного института имени В.Сурикова. Время учёбы в Москве совпало со значительным переломом в художественной жизни страны, периодом «хрущёвской оттепели». В столице проходило много замечательных выставок, в том числе экспонировались отреставрированные нашими мастерами шедевры Дрезденской галереи. Советские художники тогда впервые увидели в подлинниках испанскую живопись эпохи Возрождения, слабо представленную в отечественных музейных собраниях, французскую живопись конца XIX – начала XX веков, в том числе и импрессионистов. Известно, что живопись импрессионистов была широко представлена в наших музеях, но экспонировать её запрещали. Для зрителей того времени эти выставки были настоящим открытием, и, наверное, поэтому поколение Костиной дало самое большое количество творцов, чьи произведения стали уже давно классикой искусства XX века.

Талант – это всегда испытание, а если он принадлежит женщине – это испытание вдвойне. Если кого Бог любит, то и одаривает сверх меры: и талантом, и удачей, и бедой не обделит, а как же – испытания душу закаляют. Испытаний на долю Костиной досталась немало: военное детство, суровая юность в тяжелейшие послевоенные годы, учёба вне дома. Как она сама свидетельствует: впервые досыта наелась и зимнее пальто себе купила, когда, будучи еще дипломницей, за свои успехи на выставке дипломных работ получила свой первый государственный заказ. Зато она везде была первой: первой девушкой на Урале, получившей высшее художественное образование в Москве, первой девушкой, получившей замечательную мастерскую сразу же после окончания института, первой женщиной, получившей звание Заслуженного художника России. И, наверное, она была первой художницей, сумевшей на своей юбилейной выставке представить более четырёхсот первоклассных работ. Это действительно подвиг, подвиг великого трудолюбия, таланта и любви к искусству, что и отметили посетители выставки в первые дни её работы.

Первой она была, когда со своими подругами по мастерской А.Сосновской и Е.Савицкой приобрела полуразрушенный дом в деревне Волыны, замечательном уголке уральской природы, совершенно нетронутом благами цивилизации. Сегодня здесь живут более тридцати семей художников. И сегодня это – уральский Барбизон (знаменитая французская деревня, где жили и работали художники-пейзажисты второй половины XIX века). Здесь она проводила каждое лето, здесь практически вырос её сын и стал замечательным художником, сюда она долгое время привозила своих студентов на этюды. Именно здесь её посетило вдохновение, и она стала поэтом красоты родной земли. Это о пейзажах Костиной с восторгом пишут коллеги по искусству: «Её картины всегда наполнены внутренним светом, солнечность от них исходит, даже когда на холсте мы видим плотные облака... Она умеет донести до зрителя даже звуки и запахи... Это волшебство – редкий дар живописца, он даётся Богом лишь избранным» – слова Заслуженного архитектора России Василия Жердина. Пейзажи и натюрморты, написанные художницей здесь, наполнились таким теплом и такой любовью к родной земле, а краски её работ стали так лучезарны, что на них хочется смотреть и смотреть, заряжаясь энергией и радостью.

Тот, кто ходил дивными тропами уральской земли, любовался поросшими лесами склонами наших гор, дивными изгибами наших рек и ручьёв, знает, как хороша уральская природа. Кроме того, наша земля обладает удивительной магией: тем, кто любит её, она даёт силы. И Костина в полной мере испытала эту магию на себе. Объяснить это сложно. Может быть, причина её во многих тайнах, что хранит древний Урал. Недаром историки считают его прародиной ариев, а современные археологи совершают фантастические открытия, раскапывая поселения, что старше египетских пирамид. Для Нины Костиной красота родной земли стала спасением, любовью, здесь она обрела как бы второе дыхание.

Жизнь шла своим чередом, и не видеть её катаклизмов было невозможно. После так называемой перестройки пришли жестокие девяностые годы, когда менялся общественный строй, перекраивалась политическая карта страны, когда рухнула вся социальная система и

люди были в страхе за своё будущее. Именно в это время у Нины Костиной рождается замысел серии картин с символическим названием « Преодоление». Замысел был великолепно воплощён в четырёх картинах о подвиге полярников. Эти полотна совершенно точно передают то физическое, эмоциональное и духовное напряжение, которое пережили тогда все мы – современники крушения СССР. Нина Костина всегда ощущала себя частичкой народа, поэтому столь адекватно откликнулась на народную беду. Её геологи-полярники, прошедшие тяжелейшим Северным путём именно в это время, преодолевая огромные трудности, как бы воплотили в себе силу великого народа, которая всегда проявляется в такие времена. Неслучайно, что в тяжелейшие для России XVI–XVII века, когда казалось, что страна переживает последние времена, она «приросла» замечательными землями Урала, Сибири и Дальнего Востока, которые подарили стране великие первопроходцы – Ермак, Дежнев и многие, многие другие.

Нина Васильевна всегда знала, что любую, даже самую экстремальную ситуацию её народ преодолеет, поэтому и вступила в XXI век с уверенностью, что и она с любой бедой справится. Свидетельством тому являются её замечательные натюрморты и пейзажи последних лет, а главное, вновь появились в её творчестве широкомасштабные произведения, но теперь уже исторического плана. К ним она шла всю свою сознательную жизнь. Она создала полотна об истории освоения Урала: о закладке здесь заводов и поселений, об основании Екатеринбурга и о его истинном отце Василии Никитиче Татищеве. Нину Васильевну всегда удивляло умаление роли Татищева в освоении богатств Урала, а ведь он был человеком великого ума, непреклонной воли, человеком, до конца жизни радеющим о благе государства. Костина, по-настоящему увлечённая эпохой начала восемнадцатого века на Урале, отработала огромный исторический материал об этом периоде в библиотеках города и в краеведческом музее, собрала большой материал о деятельности Татищева. Она написала две большие исторические композиции о начале деятельности Татищева на Урале, и думается, что вслед за первыми работами последуют и другие. Создание исторической картины – огромный труд, требующий не только большого профессионального мастерства и осмысления событий далекого прошлого, но и осмысления его сопричастности с сегодняшним днем.

Бабушка Анна. *1953 г.*

Говоря о своей первой большой картине «Большому заводу быть», Костина особенно подчёркивает то обстоятельство, что у истоков любого большого дела должны стоять добрые люди, вдохновлённые светлыми мыслями, тогда и дело будет удачным. Вот уже почти 300 лет живёт и здравствует основанный Татищевым Екатеринбург, всё потому, что с мечтами о величии России воздвигались Татищевым первые заводы. И эта мысль прекрасно проведена художницей в светлом колорите полотна, сочетающем чистоту белого снега, синего неба и красного цвета великолепных камзолов главных действующих лиц, это звонкоголосие палитры красиво уравновешено сложным серо-коричневым цветом в одежде казаков и рабочих. Отдельно хочется сказать о дивно написанных крупах коней. Чувствуется школа института имени Сурикова и, конечно, огромная работа самой художницы. Отрадно, что впервые за многие десятилетия вновь появилась на Урале историческая композиция в классическом её понимании.

Наверное, повествование о творчестве Н.В.Костиной будет неполным, если не сказать о её преподавательской деятельности. Педагогом, как и художником, надо родиться. Бог дал Нине Костиной и этот талант: из её живописного класса в архитектурном институте вышло много замечательных художников. Они работают сегодня и в нашем городе, и в других городах, и далеко за пределами нашей страны. Ученики с благодарностью вспоминают своего наставника, так как она относилась к ним с любовью, как и ко всему, чем пришлось ей заниматься в этой жизни. Так научили её в училище и в художественном институте, где пеклись не только о становлении профессионального мастерства, но и о формировании души заботились. Художнику, как и любому другому творцу, нужно жить долго, чтобы увидеть и душою постичь за сиюминутным изменением жизни непреходящую ценность красоты и отразить её в своих творениях. Нине Васильевне это удалось, поэтому и пользовалась её выставка таким успехом.

ПОПУТЧИК

(из путевых записок)

Ян КУНТУР,

г. Пермь.

На этот раз мне не повезло. Оказалось, что автобус, на который были все мои надежды, ходит на Ушму только по понедельникам, средам и пятницам. Хотя раньше, как мне сказали на вокзале, до закрытия исправительных зон в Ушме, Вижае и Тохте, он следовал туда каждодневно. Сегодня же у нас всего лишь суббота...

Мной уже замечено, когда отправляешься в путешествие, самым неприятным временем являются все эти пересадки между населенными пунктами, пока не выберешься на лесную тропу. Лишние волнения. Выматывающее ожидание. Только в тайге, в степи или горах – за пределами цивилизации – можешь вздохнуть спокойно, разбить без суеты бивак, вскипятить котелок, настроиться на ритм солнца, следовать туда, куда желаешь.

Да уж, торчать здесь, в Ивделе, где напротив автостоянки над высоким белёным забором маячат спирально намотанные густые соцветия колючей проволоки и тюремные вышки, это не самое большое удовольствие. Хотя где-то в городе должен быть краеведческий музей, и в нем, как я читал, неплохая мансийская этнографическая коллекция. Но это займет у меня от силы час-два, а что потом? Да и не известно, работает ли музей по выходным. Уж лучше любым возможным способом двигаться дальше. Может быть, попутка какая-нибудь подвернется. К тому же, я здесь не единственный, ждущий оказии: ещё набралось человек десять – стоят, молчат и щелкают кедровые орехи.

Теперь всё стало ясно: в том же направлении следует автобус до Бурмантово (большого мансийского села), на нём я смогу добраться до вижайской развилки, ну а там всего километров пятнадцать. То есть, можно будет разом проскочить три четверти пути до Ушмы. Это, конечно, не совсем то, что планировалось, но время, по крайней мере, сэкономит. А там, может быть, опять повезёт с какой-нибудь попуткой. И тогда заночую я не на сомнительной городской окраине под шум машин и мат недобравших гопников, а где-нибудь в лесном укроме, над прозрачною речушкой, под журчание и под шелест, под пение птиц. Главное сейчас для меня – прорваться как можно дальше. Такое ощущение, словно цивилизация специально цепляется за мой рюкзак, как будто не хочет выпускать из-под своей власти, словно между нами идёт тайное противоборство, из которого необходимо выйти победителем.

* * *

Автобус на Бурмантово перетасовывал своей тряской тела и души пассажиров, как колоду гадальных карт. Он выстукивал бравые ритмы на зубах своих хмурых подопечных, как мексиканский метис – на кихаде, сделанной из челюсти осла. За окном – мрачные (словно враждебные к чужакам аборигены) бойцы-ельники. Однообразные серые поселки. Отработанные карьеры. На остановках в салон сонно влезают люди, плоть от плоти своих селений. Исключением из общего были только две пыхтящие под традиционными бело-полосатыми необъятными сумками торговки.

Рядом со мной на сидении оказался высокий поджарый мужчи-

на. Моложавый, поэтому можно дать ему от пятидесяти до шестидесяти. Седеющий. В загорелых руках – рваный ватник. Лицо неожиданное для этих мест – умное, и даже какая-то своеобычная интеллигентность в нём, благородство. Черты несколько островаты, в них – стремительность и жёсткость, но при этом одновременно и что-то арийско-дворянское, аристократическое. Одно неприятно: постоянно насторожённо следит за всеми краем глаза, боковым зрением, словно ожидая подвоха; и еще: он периодически дергает головой, словно судорогой сводит нижнюю челюсть. Нервный тик.

А за окном между лесов – всё те же горные разработки, бараки, карьеры... Он заговорил первым. И речь его на удивление оказалась тоже не такой, как обычно здесь (редуцированный полужаргон-полумат большинства), а правильная, спокойная, чистая: «Вы не до Бурмантово ли добираетесь?» Я без особой охоты поделился частью своих планов, зная, что из местных мало кто понимает людей с большими рюкзаками. Но его это сразу пробрало: глаза, казавшиеся запылёнными, вдруг ожили.

Попутчику были действительно интересны и понятны мои желания. Видимо, и он мечтал когда-то дойти до реки Ауспии, подняться у горы Мертвецов (Солат-Сяхль) на Поясовый камень, добраться по нему до Мань-Пупы-Нёра, к истокам Печоры. Да что там мечты, он и сейчас не прочь собрать компанию и двинуть туда, где тайга более девственна. А здесь-то разве ж тайга... так себе – лески-перелески... В этих краях над лесами хорошо поиздевались всевозможные временщики, да впрочем как и везде по Уралу. Тайга просто превращена в сплошную помойку, и прямо, и переносно. Понаехало со всего Союза проходимцев: кто за длинным рублём, кто за «лучшей» (это здесь-то!) жизнью. Много осело бывших заключенных, которым просто некуда деваться: нигде не ждут, а может быть, и ждут, да возвращаться стыдно. А настоящих местных-то, у которых корни здесь, маловато осталось. Сам-то он из последних могикан, уроженец, можно сказать, абориген. Нет, не манси, конечно. Но и манси-то настоящих, природных, в крае тоже почти уже, за малым исключением, не осталось... Попутчик грустно улыбнулся, словно был одним из вогулов, и, глубоко неловко вдохнув, закашлялся.

А с детства он помнил, что манси жили вокруг сильными добрыми родами-семьями. Кто мог подумать, что к концу века из крепкой поросли останется от силы тридцать человек в Трескольe, да одиночки – в разных таёжных тупичках. В Трескольe-то они еще и Медвежий праздник смогут изобразить, особенно за выпивку, не забыли пока. Одеваются они теперь все как обычно, как и русские. Большинство спивается, деградирует. Другие наоборот потянулись было к цивилизации, увидев в Вижае, Ивделе другую жизнь, захотели жить также как русские, но в городах не прижились, оказались на самом дне. Не все, конечно, многие обрусели. Народ таёжный всё больше редеет, как и леса.

Раньше, по молодости, одно время занимался он снабжением вогулов, за это манси уважали его и даже почитали. А что им нужно-то было, всего ничего – одежду прочную для охоты, посуду, вещички разные хозяйственные. Вообще, в этих краях исконно проживают три мансийских фамилии-рода: Аняновы, Бахтияровы и Пеликовы. Вот с последними-то он в основном и контактировал. А манси всегда ему нравились – открытые, добродушные, миролюбивые, простоватые. Но потом как начали спиваться... Раньше ведь их семья-род сдерживала, старики, а как всё начало разваливаться, так и поехало вкривь и вкось. Манси просто перестреляли друг друга. Ведь трезвый вогул – тихий, спокойный, но только выпьет – как вожжа под хвост – сразу начинаются разборки, причем каждый – охотник, стрелок, у каждого свое ружье.

Да, спились почти все. Вот смотрите, например: зимой мужчина-манси уходит в тайгу на промысел, как и раньше, в охотничью избушку, оставляя жену и детей в посёлке. Но сейчас он, вместо того, что бы заготовлять пушнину и мясо для семьи, бьёт лося (им как местной достопримечательности можно без лицензий), свежует, разделывает, и груженый мясом – шасть на трассу. Продаст, накупит себе водки и опять в тайгу. Там он днями и ночами глушит, заедая «горькую» оставшейся лосятиной, пока запасы не закончатся; после этого процесс повторяется... И так всю зиму. И плевать ему на всех, и на семью в том числе. Не-е-ет, теперь чистокровных манси в Ивделе уже не сыскать. Понаехало русских, украинцев, кавказцев... Ну какой же это, к примеру, вогул: идет высокий, плечистый, полноватый, блондинистый... По-моему, манси это – метр с кепкой, сухой, жилистый, косолапый, выносливый... (Здесь я выразил несогласие с попутчиком, потому что в древности, до прихода русских, угры, особенно в Предуралье, действительно были высокие, светловолосые, крепкие, как финны, но жизнь в глуши, постоянное недоедание, борьба за выживание наложили за четыреста лет свой жестокий отпечаток). Попутчик пожал плечами и опять грустно улыбнувшись закончил: «Лет через 20-25 манси в этом крае совсем не останется».

Автобус нёс нас дальше, и леса становились глуше. Просто так, из любопытства, я спросил его о работе. Попутчик ответил, что уже на пенсии, а до этого был... (здесь он сделал паузу, выдыхая) начальником исправительно-трудовой колонии в Шепичном. Вот только что мы отворот на него проехали, где лесник сошел. Сначала одной зоной руководил, потом тремя.

– И тяжело было? (это мой сочувственный вопрос).

– Да не очень. Я ведь местный, с самого низа этой системы шёл. Понимаете, в здешних краях людям просто нечего было делать, работы нормальной просто не найти. Гражданские и при советской власти-то денег не видели; а нам всё-таки выплачивали стабильно, из срока в срок, без задержек. К тому же и неплохие шли деньги. Сначала ходил я в простых охранниках, сто-

ял в караулах, потом направили в училище, ну, и так дальше, по-обычному.

– Нет, я имею в виду моральную тяжесть, душевную (поправился я).

– Всякое, конечно, бывало. Но, в общем, жалеть не о чем... Нет, не жалею ни о чем. Учреждение у меня было известное, считалось образцовым. И такой народ порой сидел, что мне самому у него поучиться можно было. Вот, к примеру, один профессор из Харькова, светило медицины (он назвал фамилию). Или одно время даже близкий друг Брежнева (снова фамилия). А после известного «узбекского дела» тоже кое-кто у нас оказался (он сыпал фамилиями, но мне было не особо интересно запоминать их). Кстати, все были очень приятные люди. А вот один еврей, как сейчас помню (опять фамилия), экономист, светлая голова, мне вообще всё, что сейчас с нами произошло, предсказывал... и про деньги, и про политику, и про людей. А я-то не верил ему тогда – у меня ведь партбилет в кармане... Да, умные были. Из-за ума, видимо, и сидели... А от партии однажды и мне пришлось пострадать. Вы можете себе представить – из-за плана заготовки леса. Сверху приказывают: должен заготовить столько-то. И хоть ты тресни. А как мне это выполнять, если ни техники, ни людей не хватает. Народ гробить? Были у меня за это и выговоры, и взыскания разного уровня. Но вообще-то, моё учреждение было особое – для смертников, которым приговор был заменен на пожизненное заключение. Человек такого просто не выдерживает, ломается. Вот представьте, просидел он 38 лет и другой-то жизни уже не представляет. Мир вокруг изменился, чужой. Он ни в магазине самообслуживания не знает, как себя вести, ни что такое телевизор. Сядет такой бедолага в первый попавшийся поезд и едет в никуда. Лишь бы ехать. Там пересадка, и снова, пока деньги есть. Нигде его не ждут, никому-то он не нужен. Все связи разорваны. Кто не умер – тот постарался его забыть. Чаще всего снова попадает к нам... Да, много было светлых голов, много известных побывало...

– За что же обычно эти «светлые головы» сидели?

– В основном за взятки в особо крупных размерах, денежные махинации...

– И что, у них были какие-то особые, льготные условия?

– Нет, сидели как все.

– А с уголовниками как дело было?

– Нормально. Зона у меня была небольшая... Но уголовники, они ведь народ такой, со своими законами. Случались и убийства, и другая грязь. Никуда от этого не деться. Это ведь уже типы такие, и законы у них такие, свои...

– Ну, а сейчас, на пенсии чем занимаетесь, – решил сменить я эту не очень приятную тему.

– Сейчас? Да по лесам брожу... Это там, на севере – тайга, а здесь я это так, просто лесом зову. Вот как вышел на пенсию – устраиваться больше никуда не стал, для того чтобы именно в это дело углубиться. Вспомнить юность. А сейчас у меня на Талице палатка стоит. Туда и добираюсь. А вы знаете какие там места – красота! Будем мимо проезжать, увидите. Скалы такие, просто необыкновенные. Живу я там чаще всего один. Охочусь. Рыбачу. В этом году на кедрач очень хороший урожай, вот и медведей развелось много по округе.

– А не опасно так?

– Да вы знаете, медведи сами от нас бегают (усмехнулся). Мы с ребятами одного давно уже следим. Он все хитрит, петляет, петляет, всё уворачивается... Но всё равно я его... выслежу (последнее слово он произнес неожиданно жестко, сквозь зубы, четко проговаривая согласные).

Автобус скатился в глубокое ущелье, к очередной речке (петляющей среди высоких серых скал с рыжеватыми подпалинами и крутых увалов, заросших глухим темным лесом), уркнул, затормозил и замер, трясясь, словно в агонии. Мой попутчик, не прощаясь, не оборачиваясь, быстро и легко устремился на выход, подёргивая головой. Но выбравшись из автобуса он, словно спохватившись, улыбнулся мне в окно, дружески помахал и устремился вниз по течению, перехватывая из руки в руку дырявый ватник и поправляя кепку.

ПРОЩАНИЕ С ЕНИСЕЕМ

Совершенно справедливо сказано: «Каждый человек – это целая вселенная». Но не каждый человек владеет пером, и счастлив тот, кто может рассказать о себе и своей жизни интересно и литературно. К таким людям как раз и относится Сергей Георгиевич Коркодинов…

Родился Сергей Георгиевич на Урале, в деревушке Точильный Ключ, в 1918 году. Родители занимались хлебопашеством. Когда Сергею исполнилось 11 лет, семья переехала в Берёзовский завод – ныне город Берёзовский. Отец устроился работать ветеринарным фельдшером, он получил эту специальность в молодости. Не один год мыкались по чужим углам. Трудновато было – в семье шесть человек.

У мальчика рано проявились артистические способности. После десятого класса успешно сдал экзамены в Свердловское театральное училище, но по совету родителей поехал в Москву и стал студентом МИФЛИ. Через год серьёзно заболел отец, и пришлось вернуться в Свердловск. Продолжил учёбу на литературном факультете Учительского института, после окончания которого преподавал в школе.

Но страстное желание стать актёром не покидало его. И в 1939 году снова сдал экзамены в театральное училище, однако вскоре был призван в армию: пришёл срок. А тут на тебе – известные финские события. И красноармеец Сергей Коркодинов – в самом пекле этих событий. Сопротивление отчаянное, морозы до шестидесяти... Но молодой боец всё перетерпел, сказывалась уральская закалка.

Не успела страна придти в себя, как грянула Великая Отечественная. Снова фронт. Военная специальность – музыкант духового оркестра. Но это когда дивизия, в которой служил Сергей Коркодинов, находилась вне фронта. А во время боевых действий он – санитар переднего края. Прямо скажу, как фронтовик, работа – не приведи Господь. Под Киевом был ранен и контужен. Потом госпиталь, служба в запасной стрелковой дивизии. В конце сорок пятого демобилизован в звании гвардии сержанта.

Вернулся домой. И, конечно же, сразу за беспокойные актёрские дела. Работал в государственных драматических театрах Полевского и Красноуральска. Затем руководил самодеятельными коллективами в рабочем клубе Берёзовского, в Уральском политехникуме и в Горно-металлургическом техникуме. В разные годы трижды выступал со своими цирковыми номерами в правительственных концертах в Большом театре.

Более двадцати лет Сергей Георгиевич был режиссёром на Свердловском телевидении. Подготовил и выдал в эфир около двух тысяч программ. Был диктором «Новостей», сыграл десятки ролей в телевизионных спектаклях, а для малышей в течение двадцати пяти лет вёл популярную тогда программу «Тишкины тарелочки». На первом Всесоюзном детском телефестивале в 1990 году как автор и ведущий передачи награждён дипломом. На радио около десяти лет радовал слушателей передачей об уральских частушках «Ты играй – я подпою».

Не раз снимался в художественных фильмах, в том числе: «Во власти золота», «Угрюм-река», «Святая ложь», «Отряд специального назначения», «На весёлой волне», «Группа риска», «Домовик и кружевница». Многим делам и пристрастиям автора, вплоть до гавайской гитары и фокусов, Свердловская киностудия посвятила документальный фильм «Тишкины тарелочки», его название сохранилось от детских телепередач. Фильм с успехом был показан на Российском фестивале неигрового кино и по каналам телевидения.

В 1987 году автор издал музыкальный сборник уральских песен и частушек – «Берёзовские напевы». А в 1996 – вышла его сказка для малышей «На лесной поляне». Сергей Георгиевич выступал с рассказами в местных и столичных газетах и журналах – «Правда», «Литературная Россия», «Ветеран», «Очаг», «Нева», «Урал», «Голос» и других.

Венедикт СТАНЦЕВ,
член Союза писателей России.

Сергей КОРКОДИНОВ

В этом летнем театре я выступал уже не первый раз, всегда с удовольствием. Я любил и широкую деревянную сцену, и множество скамеек под открытым небом. Они стояли на высоком берегу знаменитого Енисея, в нескольких километрах от Красноярска. Здесь, на опушке леса, в брезентовых лагерных палатках жила моя родная 119-я стрелковая дивизия. Шел июнь 1941 года.

Служил я в музыкантском взводе и вместе с друзьями частенько появлялся на подмостках нашего любительского красноармейского театра. Во время концертов играл на любимой балалайке в оркестре народных инструментов. Иногда показывал забавные манипуляции и весёлые фокусы. Брал, скажем, куриное яйцо, зажимал его в руке, потом как бы бросал зрителям – яичко

исчезало. А доставал его из-за голенища.

Не забывал порой и свои цирковые номера. Например, высоко подбрасывал детский обруч, в который ставил полный стакан воды. Правда, однажды перепугался не на шутку. Когда стал размахивать обручем в стороны, крутить его вокруг себя, стакан вдруг сорвался и полетел туда, где сидели люди. Ну, думаю, сейчас влепится кому-нибудь прямо в лоб.

– Берегитесь! – кричу.

Все переполошились. Девчонка из санбата просто завизжала:

– О-о-й!..

Спасибо высокому лейтенанту, который сидел не так далеко. Он быстро вскочил, вытянул обе руки и схватил стакан. Улыбается, а сам весь в воде.

– Извините – говорю, – бывает, что поделаешь...

А в тот тёплый день – это было воскресенье, 22 июня – я решил показать свой новый оригинальный номер. Он назывался кратко и довольно загадочно: «Феноменальная память». Перед началом на сцену вынесли стол, около него поставили три табуретки; я пригласил желающих занять эти места.

– Сейчас, – обращаюсь к зрителям, – я запомню ровно сто слов, которые вы назовёте, а наша контрольная комиссия их запишет – каждое слово под своим номером. Затем повторю ваши слова от первого до сотого и даже в обратном порядке – от сотого до первого. С завязанными глазами, на память! А вы запомните, пожалуйста, свои номера.

Мне платком завязали глаза, я тут же услышал первое слово.

– Пулемёт! – выкрикнул кто-то.

– Хорошо, – говорю, – запишите. Первое слово – «пулемёт».

– Фляга, – слышу негромкий басок.

– Второе слово – «фляга», – повторяю. – Запишите.

– Дура-ак! – вдруг донеслось с задних скамеек. И откровенный хохот пробежал по рядам.

– Записывайте, записывайте, – говорю комиссии, – третье слово – «дурак»...

Так вот ровно сотню слов и записали. С шутками, вперемежку со смехом. Я попросил одного из комиссии встать позади меня, второго – слева, рядом со мной, третьего, с записанными словами, – справа. Чтобы проверять, не будет ли кто подсказывать мне.

– Внимание! – объявляю. – Я буду повторять эти слова по порядку. Слушайте! Первое слово – пулемёт! Второе – фляга! Третье, – я сделал небольшую паузу, – дурак!

Слышу – опять раздался хохот. Когда дошёл до конца, загремели аплодисменты, а я стал перечислять слова в обратном порядке. И опять без единой ошибки!

– Теперь, – снимаю повязку, – называйте любой номер, я сразу назову слово. Прошу!

Поднялся такой галдёж – ни черта не разобрать.

– Спокойно, – говорю, – не торопитесь!

И опять басок слышу, он, оказывается, в первом ряду сидит.

– Второе – как? – спрашивает.

– Фляга! – отвечаю.

– Двадцать первое! – кричат.

– Самовар!

– Третье!

Тут я погромче ответил:

– Дурак! – сам посмеиваюсь.

Весело хохотали и сотни ребят в солдатских гимнастёрках...

Это моё выступление не забывается десятки лет. Потому что оно завершилось самым страшным словом. Не затих ещё дружный смех на высоком берегу Енисея, – на сцену вышел начальник штаба.

– Товарищи! – сказал он. – Началась война.

На другой день под вечер дивизия тронулась навстречу своей неизвестной судьбе, прощаясь с Енисеем навсегда. Колонна двигалась в полном боевом снаряжении, ей не видно было конца.

Мы, музыканты, шли впереди и по команде капельмейстера играли походные марши, играли наизусть. Ноты держали перед собой только один трубач да ещё валторнист – их неделю назад призвали. Я играл на второй трубе, шёл крайним в первом ряду.

Скажу честно, в перерывах не очень хотелось разговаривать, больше вспоминалось. Домик с огородом, откуда уходил служить, родные. Вспоминались и жестокие холода, когда мы, окровавленные, замерзали на финских болотах год тому назад и чудом остались живы. Нынешнюю осень ждали с надеждой – скоро будем дома. А тут ещё одна война!

Недалеко от меня шёл Валька Кондратов, мой земляк. Подходим к Красноярску, он неожиданно спрашивает:

– Серёга, ты письмо домой написал?

– Может, – говорю, – пока не надо, беспокоиться будут...

Он лишь кивнул в ответ. И снова молчим.

Было ещё светло, когда мы входили в город. Сыграли марш и не поверили своим глазам – толпы людей высыпали из домов, стоят около ворот, у подъездов, на тротуарах. И все смотрят, смотрят пристально, долго – они провожают нас на войну. Я заметил, как одна старушка перекрестилась несколько раз и поклонилась нам. Многие печально махали рукой и плакали. С тяжёлым сердцем глядел я в эти добрые лица сибиряков. Может быть, их сыновья где-то вот так же уходят воевать.

А вокруг тишина. Только сапоги стучат по булыжнику. Но вот капельмейстер взмахнул рукой, и снова запели медные трубы, загремело эхо по сторонам.

Недалеко от железнодорожного вокзала колонна остановилась, объявили перекур. Только достал я кисет с махоркой, вдруг вижу – мальчишка к нам бежит, босиком, в коротеньких штанишках с лямкой через плечо. Крохотный совсем, лет пяти, наверно. И что-то в руке тащит. Подбежал он почему-то прямо ко мне и лепечет:

– Дяденька, мой папа на границе, передай ему, пожалуйста, кусочек мыла.

Я даже оторопел, знаете. Мальчуган подал мне мыло в голубой обертке, а я не знаю, что и сказать ему.

– Это... мама тебе дала? – спрашиваю.

– Нет, бабушка. Мама на работе.

Я наклонился к малышу.

– Тебя как зовут?

– Ваня.

– А папу?

– Папа Гриша.

– Как же я его найду?

– Он высокий такой, с усами. А фамилия Кузнецов.

– Молодец, – говорю, – всё знаешь.

Сунул я кисет в карман, трубу к ремню прицепил, а мыло в руке держу. Что же, думаю, делать с ним? Вернуть Ванюшке, сказать, что папу его не найти, – обидится мальчик, не поверит. Ладно, решаю, пусть останется у него надежда.

– Хорошо, – говорю, – Ваня, я найду твоего папу Гришу.

Взял Ванюшку на руки, прижал к себе. Каким он показался мне тёплым, близким, родным. Подошёл Валя Кондратов, другие музыканты. Все улыбаются, всем хотелось потрогать маленького человека, погладить, за руку подержать. А Сашка Басов, баритонист, достал из кармана карамельку и положил малышу прямо в руку.

– Это, – говорит, – хорошему мальчику Ване.

– Спасибо, – ответил Ваня.

Я опустил его.

– Теперь, – говорю, – беги к бабушке. А то она потеряет тебя.

– Не-ет, – смеется, – не потеряет. Она в окошко смотрит. Вон оно!

Разглядеть бабушку было трудно, но мы приветливо помахали тому окошку. Колонна двинулась, Ванюша убежал к своему дому, остановился. Смотрит нам вслед, ручонки поднял вверх и всё ладошками пошевеливает.

Кусочек мыла я долго-долго хранил на фронте, папу Гришу так и не нашёл. А Ванюшку не могу забыть...

ЭШЕЛОН УХОДИЛ НА ЗАПАД

Был полон радости и печали тот незабываемый день. Он помогал мне под пулями смотреть смерти прямо в глаза, с ним я выполнил, как мог, самую страшную и неизбежную работу.

Стояла жара над Свердловском. Шёл я по старинному Сибирскому тракту, да какое там шёл – бежал! И всё смотрел вперёд. Вон они, знаменитые столбы, остатки Екатеринбургской заставы. Значит уже скоро.

Стучат кирзовые сапоги по булыжнику, а я думаю: может быть, дома кто, может, застану кого-нибудь... На мне новая гимнастёрка, пилотка с красной звёздочкой.

Уже полстраны проехали мы в теплушках, и вот здесь, на окраине города, остановился эшелон.

– Стоять будем сорок минут, – сказал нам старшина.

Боже ты мой! Сорок минут! Да я же успею к родной тёте Фусе сбегать, это совсем рядышком. Прямо по Сибирскому тракту до Мичурина, а тут, на углу, и знакомый деревянный домик.

Тётя работает в библиотеке имени Некрасова, выдаёт книжки тем, кто любит читать. И фамилия у неё – Некрасова. А дядя Федя – шофёр, красивый голубоглазый человек. Всегда весёлый и добрый. Я любил прокатиться с ним в кабине грузовика.

Их молодость пролетела в деревне, на русской тройке промчалась. Так и видится мне – сидят они рядом за шумным праздничным столом в деревенской избе. Народу полным-полно, веселью – ни конца, ни края. Дядя Федя в белой косоворотке, шутит, улыбается, только русый чуб подрагивает над бровями.

А тётя Фуся – в красивом свадебном наряде. Она всё смотрит и смотрит на своего дорогого Феденьку. Сколько на её лице преданности, счастья, надежды! Но счастье будет коротким, оно уйдёт, не оглядываясь, навсегда. Загремит война, и прилетит последняя, печальная весточка о родном Феде. Тётя будет долго плакать, будет ждать его.

Погибнет и второй мой дядя, у которого я жил в единственной комнатушке, когда учился в десятом классе 148-й свердловской школы.

А я всё бегу. Вот сейчас, думаю, увижу тётю – и пусть она расскажет маме моей и папе, как я бежал сюда, как на войну уезжал, как со Свердловском прощался. Сколько будет радости! И сколько печали... А родные живут в Берёзовском, туда не забежишь. Топаю прямо по мостовой, машин мало. И до того мне легко, до того близким и дорогим показался Свердловск, что слёзы навернулись на глаза. Я уже целых два года здесь не был. Вот-вот собирался вернуться домой после финского фронта, очень ждал этой встречи, а пришлось вновь расставаться.

... Первый раз я увидел Свердловск, когда было мне десять лет. Жили мы тогда недалеко от Режа, в той самой деревеньке Точильный Ключ.

Не забыть, как вечером папа пришёл с поля, снял мягкие обутки, повесил около печки портянки и говорит:

– Завтра, Серьга, поедем в Свердловск.

Что тут было! Я ведь ещё ни разу не бывал в городе. На другой день я увидел настоящий паровоз. Он был громадный, тяжело отпыхивался, пускал пары. Когда подкатил к Свердловску, меня удивили провода. По нашей деревне всего три проводка тянулись на стеклянных стаканчиках. А тут их считай, не меньше сотни. Целыми пучками, как струны, натянуты они между телеграфными столбами. И по каждому проводу, думал я, кто-то разговаривает, передаёт команды, спрашивает кого-то, а потом слушает, что ему отвечают. А по другим толстым проводам, видимо, электричество бежит. Стало быть, отсюда, из Свердловска, так оно и до Точильного Ключа добирается.

Всё было огромным в городе – и улицы, и дома, и площади. Зашли мы с папой в один каменный дом. Поднялись по лестнице и очутились в большой комнате. Папа сказал мне:

– Ты посиди здесь, я скоро приду.

И ушёл в другую дверь по своим делам. За столиком в комнате сидела женщина. Симпатичная такая. Перед ней стояла какая-то машина. Женщина быстро нажимала пальцами на круглые кнопки, а из машины выходил бумажный

листок со словами. Вдруг женщина посмотрела на меня и улыбнулась. А я сижу на стуле, в руках серенькую кепочку держу. Что, думаю, она улыбается? Может, догадалась, что я из деревни, – сижу, помалкиваю? Потом спрашивает:

– Как тебя зовут, мальчик?

Я ответил. Она вставила в машину новый листок.

– А сколько тебе лет?

– Десять, – я почему-то смутился, покраснел. И опять машина заработала.

– Где ты живёшь?

– В деревне Точильный Ключ, – говорю, – Режевского района Уральской области.

Снова пробарабанила машина. Женщина достала листок и подаёт его мне.

– Вот здесь, – говорит, – вся твоя биография. Возьми на память. – И опять улыбается.

Смотрю я на листок и глазам не верю – моя фамилия напечатана! И название деревни тут же! Я до сих пор храню его, этот листок с фиолетовыми печатными буквами. Храню как память о своём детстве, как память о большом городе, который стал моей судьбой, моей надеждой. Давно уже нет симпатичной женщины-машинистки, но мне не забыть её. Это была первая свердловчанка, у которой я увидел необыкновенно добрые глаза.

...Всё ближе домик на углу, всё чаще стучит сердце. А солнце жарит и жарит. И опять ясно вижу, как в тот день мы купались с папой в Исети, вон там, недалеко от нынешнего цирка.

– Ну как, переплывёшь? – спрашивает папа.

Я растерялся было, плавал ещё неважно, но переплыл речку.

– Вот видишь, – сказал папа, – глубина не страшна, если её не бояться.

А я говорю:

– Эх, такую бы речку через нашу деревню пропустить, да?

Тополя по берегам тогда ещё были маленькие, тонкие. Это теперь, через полвека, они образовали здесь высокую тенистую аллею над водой. Живы ли те свердловчане, которые оставили для нас эту зелёную красоту?

Из того далёкого дня слышатся мне и весёлые звонки свердловских трамваев. Я их услышал тогда впервые, как и все свердловчане, – это был двадцать девятый год. Мы ночевали с папой у его друга Луки Евстафьевича, нашего земляка и однофамильца. Он уже не первый год живёт здесь в одноэтажном деревянном домике на улице 8 Марта. И как же мне радостно и уютно было засыпать под трамвайные звонки! Только услышу теперь, как зазвонит водитель неосторожному пешеходу, – опять передо мной чистенькая городская комнатка, кровать с мягкой подушкой, позванивают трамваи за окнами.

А на другой стене в тот вечер я сразу заметил фотографию родного брата дяди Луки – Андрея Евстафьевича. Я всегда с гордостью и печалью вспоминаю этого человека. И чувствую, что не смогу сейчас удержаться, чтобы хоть самую малость не рассказать о нём.

Так вот, его фотокарточка на стене была небольшая, под стеклом, в коричневой деревянной рамке с петелькой. Висела на гвоздике. Дядя Лука снял её осторожно, протёр носовым платком стекло с трещинкой, присел к столу – под широким шёлковым абажуром было посветлее. Дома у нас карточка Андрея тоже была, только не такая. Здесь он был в солдатской форме, на груди – Георгиевский крест. В конце семнадцатого года он прямо с фронта вернулся в нашу родную Точилку.

Все мы молча смотрели на фотографию в рамке. Мы знали, что через год колчаковцы жестоко убьют Андрея. А ему не было и тридцати. Потом Лука Евстафьевич достал из сундука старенький листок бумаги, сел рядом с папой и спросил:

– Помнишь, Георгий Андреевич?

– А как же... – ответил папа.

Это было предсмертное письмо Андрея, которое брат его со слезами на глазах читал в день похорон 16 октября 1918 года. Читал во дворе своего деревенского дома, недалеко от нашей избушки. Мне было тогда всего-навсего девятнадцать дней отроду. Как рассказывала мама, на похороны собралась вся деревня. Многие забирались на тополя и заплоты, чтобы в последний раз увидеть его – доброго человека, гармониста и плясуна.

Дядя Лука всё ещё смотрит на фотографию.

– Мы, – говорит, – с ним двойняшки, не различишь. Росли вместе, вместе и сиротами стали. А маленькие ещё были. И вот... Привезли его на телеге. Я подбежал – не могу узнать!... Изуродовали, штыками всего искололи...

И тут я впервые услышал вот эти скорбные строчки.

«Всем родным, знакомым... – читает дядя Лука. – Меня уже нет в живых. Я жалею, что не пришлось с вами пожить... Не забывайте меня...».

Дядя Лука читал негромко, иногда останавливался. У него даже голос перехватывало. Я слушал, не спуская с него глаз.

– А как его на допрос везли, слыхал? – спросил папа. – Нашего дядю Якова заставили, он сам рассказывал. Ехали, ехали, Андрей и говорит: «Дядя Яша, а что если я убегу? Лес рядом...». Яков смотрит на Андрея, испугался. «Расстреляют, – говорит, – меня, Андрюша. Ребятишек жалко...». Андрей подумал, потом сказал: «Не бойся, не убегу. Зачем тебе из-за меня погибать... И ребятишек я люблю...». Вот как. А?

Жена Луки Евстафьевича, тётя Прасковья, поставила на стол самовар, принесла пироги с красной рыбой, самодельные пряники, варенье. Дядя Лука перевернул листочек, читает:

«Мне тяжело прощаться с вами – про это знаю только я. Любовь свою к вам уношу с собой в землю сырую навсегда. Ваш А.Коркодинов».

Как мне было жаль нашего Андрюшу! Земляки рассказывали, что на похоронах Андрея его закадычный друг – мой дедушка Алексей Евдокимович Бурков – говорил: «Память об Андрюше будем беречь». Далёкие годы, а будто всё рядом.

...До знакомого дома уже рукой подать. Тороплюсь. А вдруг, думаю, нет никого? Да не может этого быть! Не зря же я бегу сюда со всех ног. Да разве можно уехать на войну и никого из родных не увидеть?

А память работает, переворачивает новую живую страницу. Вот он – просторный зал нашей Свердловской филармонии. В несколько рядов стоят праздничные столы по всему залу. Много цветов, улыбок, много радости и надежд, Это Свердловск провожает нас в люди, в большую жизнь. Провожает и напутствует тех, кто с отличием закончил десять школьных классов. Вместе с нами наши учителя, которых никогда не забыть.

И вдруг мы увидели Ивана Дмитриевича Кабакова. Первый секретарь Свердловского обкома партии. Фигура! Сперва он показался мне человеком суровым, не очень приветливым. Широкое, грубоватое лицо, волосы ёжиком. Встал он у стола, чуть наклонился вперёд, опёрся на вытянутые руки. Посмотрел на нас. И улыбнулся. Голос хрипловатый, негромкий, а слышат все. И говорил он о том, какие великолепные и удивительные дали открываются перед нами.

– Я верю в ваше будущее, друзья, – сказал Кабаков. – Желаю вам счастья. А счастье невозможно без любви к Родине.

Судьба Ивана Дмитриевича полоснула меня по сердцу, когда я учился на литфаке Свердловского пединститута. Прихожу однажды на занятия, день солнечный, тёплый. Смотрю, у главного входа студенты толпятся. А шума никакого, все разговаривают чуть ли не шёпотом и глядят на нашего завхоза. Стоит он на табуретке, в руках огромные клещи, молоток. Рядом военный в зелёной фуражке – два кубаря, наган на ремне. Наблюдает, как завхоз снимает чугунную вывеску со стены. По выпуклым буквам на вывеске каждому было видно, что институт носит имя Кабакова.

Спрашиваю знакомого студента:

– Что случилось?

– Кабаков – враг народа...

У меня прямо сердце ёкнуло. Как же, думаю, так? Он революцию делал, Ленина знал... Один мой сокурсник подошёл к завхозу.

– Неужели, – говорит, – враг народа?

Тот пожимает плечами.

– Наше дело маленькое...

А лейтенант быстро взглянул на студента и кратко добавил:

– Понял?

Скажу откровенно, в то время нам не всё полагалось понимать.

...Я подбежал к стареньким деревянным воротам; ручка большая, железная. Ещё как знакомая! Повернул ручку, ворота распахнулись, и я замер от радости – дома! На крыльце, на самой верхней ступеньке, сидели две тётины дочурки. Куклу наряжали.

– Маленькие мои! – говорю. – Что же вы тут делаете? Играете, да?

Поднялся к девочкам, смотрю на них – не узнают! Они были совсем крохотные два года назад. Сел рядом, обнял одной рукой сразу ту и другую, прижал к себе.

– Какие, – говорю, – вы уже большие стали!

А Лида, старшая, улыбается.

– Мне четыре года, а Гале только три.

Галя посмотрела на меня, подняла ручку и показала три пальчика.

– Вот молодцы-то какие! – смеюсь. – А мама дома?

– Мама на работе, – сказала Лидочка.

– А папа?

– Он уехал на машине...

Какая это была тяжёлая минута! Глажу я маленькую Галочку по головке, у самого комок в горле. А она вдруг спрашивает:

– Ты солдат?

– Настоящий солдат, – отвечаю. – А вы забыли меня?

Обе смотрят мне в глаза, вроде бы стараются припомнить. А я то на них погляжу, то на калитку – может, думаю, тётя придёт...

Нет, не пришла тётя. Спустился я с крыльца, смотрю на малышек.

– Скажите, – говорю, – девочки, маме, что заходил Серёжа. Он поехал на фронт. Не забудете?

А Галя щурится, закрывается от солнца ладошкой и опять спрашивает:

– Фронт – это что?

– Фронт – это война, дружок.

– А что ты на войне будешь делать?

Девчушки смотрят на меня весело, с интересом.

– Буду воевать.

– На войне ещё стреляют, – добавляет старшая.

– Стреляют, Лидочка...

А времени, чувствую, остаётся только на обратную дорогу. Взял я младшую на руки, подбросил осторожно – смеётся, ручонки в стороны, глаза блестят. А у меня сердце сжимается. Милые вы мои девочки! Да ведь я, может быть, не увижу вас больше никогда. А вы не запомните меня, как не запомните и своего папу Федю...

Иду к стареньким воротам, трудно иду, с тоской. Когда открыл их, не выдержал – повернулся к малышкам, постоял. Потом говорю:

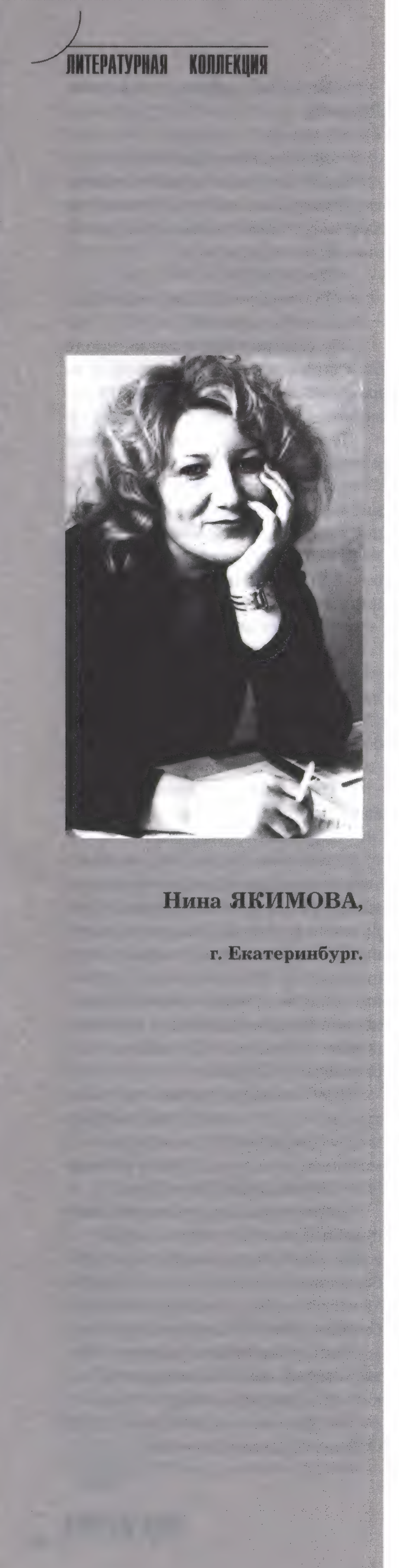
– До свиданья, сестрёнки...

Много страниц в человеческой судьбе. Но эти постоянно со мной – и в дни опалённой юности, и в конце беспокойной долгой дороги. На фронте мне было бы труднее и тоскливее без них. Они и теперь живут, напоминают, тревожат и радуют. Промелькнули они в том самом порядке, как их разворошил ветер памяти.

...А эшелон уходил на запад. До победы оставалась война.

АНТОНИНА

Нина ЯКИМОВА,

г. Екатеринбург.

– Зи-ну-леч-ка! – раздался в трубке радостный голос подруги. – Здравствуй, дорогая!

– Здравствуй, Антонина!

Зина всегда называла ее только полным именем. Не Тоня, и уж тем более – не Тонька, а именно: Антонина. Она так решила, и все родные и знакомые беспрекословно следовали этому требованию. На работе обращаться к ней позволялось исключительно по имени-отчеству – Антонина Павловна, и никак иначе.

– Мы с Мишей приглашаем тебя в ближайший выходной на кусочек рыбки.

– По какому поводу банкет? Мишкин день рождения? – уточнила Зина. – Так он неделю назад был, и я ему, между прочим, звонила.

– Звонок – это звонок, а застолье – это застолье. Приезжай обязательно!

Уговаривать Зину не было необходимости. Она любила встречаться с Козыревыми. От общения с ними всегда оставалось приятное ощущение радости и добра. Вот и в этот раз, несмотря на трескучий мороз, она не раздумывая поехала в Ревду, где прожила четверть века и лишь пару лет назад переехала в областной центр. Тосковала очень и по городу, и по друзьям, главными из которых считала Антонину с Михаилом.

В предвкушении встречи дорога показалась короче обычного. Решёты, Алексеевка, и вон уже замаячила на горизонте гора Волчиха, откуда до Ревды рукой подать.

На въезде в город ждала машина старшего сына Козыревых.

– Тётя Зин, наши сегодня на Барановке гуляют, в доме у деда, – виновато сообщил Толик. (С легкой руки Антонины все его тоже звали только так – Толик, без вариантов.)

– Как здорово, что не в квартире! – обрадовалась гостья.

Толик повеселел.

– А мама переживала, что вам не понравится!

– Почему? Да я же всё детство в частном доме провела! И потом, разве ты забыл? 50-летие Антонины мы ведь тоже там отмечали.

– Точно! – вспомнил Толик. И пока ехали до поселка, наперебой делились воспоминаниями о том необыкновенном юбилее.

...Всё было, как в сказке.

У ворот старого дома ждал настоящий Дед Мороз, в красном кафтане, с бородой и посохом, в котором Зина с трудом узнала Михаила.

– Проходи, Зиночка, во двор, все уже там, – пригласил Миша. – Сейчас Антонина приедет, хочу сделать сюрприз.

Ему это удалось. Антонина и предположить не могла, какие чудеса приготовили для неё близкие.

– Здравствуй, девица! Здравствуй, красавица! – приветствовал Дед Мороз юбиляршу. – Проходи в мои владения, гостьей будешь.

Он по-джентльменски проводил Антонину через двор в огород, который буквально утопал в искрящемся на солнце снегу.

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? – не унимался заботливый Дед.

– Тепло, дедушка, тепло, – покорно отвечала Антонина, едва сдерживая смех.

– Признайся, куда путь держишь?

– На юбилей приехала, гостей жду.

– Сядь на пенёк, испей чаю моего волшебного, – предложил властитель заснеженного царства.

И тут, откуда ни возьмись, набежали «разбойники» – с топорами и кольями. Это друзья Козыревых, переодетые в настоящих бандитов с большой дороги, повыскакивали из теплиц.

– Дед Мороз, возьми нас с собой на праздник! – взмолились разбойники.

– А зачем вы мне нужны? Что вы умеете делать?

– Петь умеем.

– Ну, пойте!

И ребята весело исполнили песню, посвящённую Антонине.

– А ещё что умеете?

– Танцевать.

Тут же последовал искромётный танец на снегу.

– Этак каждый может, – не унимался Дед Мороз. – Вот если бы вы диво дивное показали...

– Есть у нас и такое! – выкрикнул главарь банды. Разбойники побежали к самому большому сугробу и из-под снега сначала отрыли красивые мохнатые еловые ветви, а под ними – невозможно поверить! – букет живых цветов в плетёной корзине.

– Вот это диво так уж диво! – обрадовался Дед Мороз и торжественно, с поклоном вручил цветы расплакавшейся от счастья Антонине.

– Ну, что ж, так и быть, возьму я вас на праздник! – согласился Дед Мороз. – Но при условии, что будете веселиться от души!

Шумная компания прошла в дом, где уже был накрыт праздничный стол.

Весь вечер в адрес именинницы звучали тосты и здравицы в прозе и стихах. Кто-то инсценировал сказку про Федота-Стрельца, кто-то изображал иностранную делегацию, даже цыгане были.

Когда уже, казалось, всё сказали и за всё выпили, слово вновь попросили сыновья. Они пригласили гостей на улицу, где устроили грандиозный фейерверк из 50 залпов. Антонина громче всех кричала при каждом выстреле «Ура!», подпрыгивала, как девчонка, всех обнимала, не скрывая слёз радости...

– Вам, правда, тогда понравилось? – уточнил Толик, заранее зная, каким будет ответ.

– Да молодцы вы! Просто молодцы! Такой праздник маме устроили, – похвалила Зина. – А сегодня что приготовили?

– Се-кре-ет! – хитро протянул Толик. – Сами всё увидите. Потерпите немного.

Помимо обещанного «кусочка рыбы» на столе чего только не было: и фирменный Антонинин холодец, и изысканные салаты, и, конечно, домашние разносолы с румяными пирогами из русской печи.

Компания собралась примерно та же. Как выяснилось, отмечали не только день рождения Михаила, но и 30-летие совместной жизни Тони и Миши.

– Зинулечка, как я тебе рада! Молодец, что приехала! Проходи, – гостеприимно пригласила к столу Тоня. – Посмотри, что мне мои мальчики подарили!

И она кокетливо приоткрыла ушко с изящной жемчужной серёжкой.

– А вот ещё, – Антонина протянула руку, на которой достойное место занял перстень с такой же, как в серёжке, перламутровой бусинкой.

– И колье, – продолжала демонстрировать подарки счастливая Антонина. –Годовщина-то жемчужная!

Потом вдруг расплакалась.

– Представляешь, опять получается – праздник устроили мне, а не Мише. Я совсем не ожидала! – и кинулась к подруге с объятиями.

– Хватит воду лить! – пожурила Зина. – Принимай как должное. Ты заслуживаешь!

И это было правдой. Всю жизнь семья для Антонины была на первом месте. Любимый муж всегда на пьедестале, никогда никаких претензий, недовольств или обид. «Миша, Миша, Миша» не сходит с уст. И любимые сыночки – самые-самые лучшие на свете. Дом – полная чаша. Даже когда в общежитии жили, в одной комнатке, разделённой занавеской на кухню и гостиную, и то всегда было уютно, сытно, тепло.

Зина приехала в этот маленький рабочий городок по распределению после окончания университета. Поселили в заводское общежитие. И первой, с кем познакомилась, была Тоня. Она работала тогда организатором по воспитательной работе – «воспитателкой», как говорили работяги. Коменданта на месте не оказалось, и Тоне пришлось самой принимать решение: поселить приезжую или нет.

Антонина любила рассказывать об этой первой встрече. Заходят, говорит, представительный седой мужчина с бородой (это был Зинин начальник, редактор местной газеты) и яркая рыжеволосая девушка с маленьким чемоданом в руке. Такая растерянная, скромная, что сразу захотелось помочь.

Свободное место было только в изоляторе, где в пустой комнате стояли пять кроватей с голыми сетками. Тоня принесла матрас и постельное белье.

– Имейте в виду, вы здесь только до утра. А завтра пусть руководство решает.

Сама при этом мысленно взмолилась: «Хоть бы оставили! Хоть бы оставили!». Уж очень ей понравилась новенькая.

Временное жилье стало постоянным, как это нередко бывает. Правда, вскоре из изолятора Зину перевели в нормальную комнату, на двоих с еще одной молодой специалисткой.

Как выяснилось, Антонина с мужем и маленьким сыном жила в этом же общежитии, только в семейной половине здания. Навещая в очередной раз свою подопечную, Тоня посетовала, что не знает, чем занять жильцов.

– Давайте съездим на природу! – предложила Зина.

– Да кто поедет? – засомневалась «воспитателка».

– Кто захочет, тот и поедет, – успокоила Зина. – Вот мы с соседкой поедем, ваша семья – уже пятеро.

Желающих набралось человек двенадцать. До леса – рукой подать. Выбрали поляну, расположились. Кто в волейбол стал играть, кто костер разводить. Ребятишки прыгали от восторга, наслаждаясь свободой и чистым воздухом. Зина

выступила в роли фотографа и всё происходящее запечатлела своим «ФЭДом». Через пару дней на вахте общежития появилась стенгазета-фотоотчет о поездке, которая вызвала такой неподдельный интерес жильцов, что в следующий выходной желающих отдохнуть на природе записалось в три раза больше.

– Какая ты, Зинулечка, молодец, что всё так придумала! – нахваливала свою новую приятельницу Антонина.

Потом с лёгкой подачи Зины они организовали новогодний вечер, который очевидцы вспоминают до сих пор. Общежитие весь декабрь гудело, как улей. Мужчины впервые привезли и установили огромную, под потолок, настоящую живую ёлку, женщины с детьми нарядили её игрушками, сделанными собственными руками. Электрики смастерили оригинальную гирлянду. Заводской ансамбль согласился выступить бесплатно – всё-таки для своих. Даже Витя Бураков неделю не пил и превратил окна актового зала в роскошные витражи. Вечер удался на славу. Из Антонины получился отличный тамада. Все хвалили её, а она – Зину.

Да, много общих воспоминаний накопилось за тридцать с лишним лет дружбы...

Собираясь на «рыбку», Зинаида, как чувствовала, сочинила песню, посвящённую не только имениннику, а обоим супругам. Собственно, они всегда и всеми воспринимались как единое целое.

«У тебя не жена, а находка,
Безупречен её завиток.
С Антониной всю жизнь в одной лодке,
Ты как муж, нету слов,
молоток!».

Многокуплетная песня была воспринята с одобрением, выпили чуть не за каждую строчку. И вообще гуляли, как на свадьбе, – с песнями, плясками, частушками. Антонина – истинно русская душа – была азартной плясуньей, такую дробь каблучками выбивала – глаз не оторвать.

Расходились далеко за полночь.

– Зиночка, Миша останется в доме, за печкой проследить, а ты будешь ночевать у меня, – распорядилась Антонина и на ушко шепнула: – Хоть наговоримся вдоволь.

Долго сидели на кухне, болтали о том, о сём.

– Антонина, я вас встретила уже женатыми, когда Толику было лет пять, – напомнила Зина. – А как вы с Мишей познакомились?

– Разве я тебе никогда не рассказывала? На горке. Я еще школьницей была, а Миша в ПТУ учился, – с радостью окунулась в воспоминания Антонина. – Он приходил каждый день и зеркальцем пускал в окно солнечного зайчика, чтобы меня позвать на улицу. У нас даже условный знак был, как в кино у разведчиков, – маленький глобус. Если он стоял на подоконнике, значит я дома. До сих пор храним его как талисман. Потом Мишу призвали в армию. А по возвращении сыграли свадьбу. Ой, такая веселая свадьба была!

Тоня достала альбомы с фотографиями и ещё долго рассказывала о первых годах семейной жизни.

– Ну, да хватит воспоминаний! Давай лучше я тебе покажу, что купила на новогодний корпоративный вечер.

Она открыла шкаф, где две полки были набиты всякой всячиной.

– На каждом столике хочу поставить вот такую маленькую ёлочку. Красиво? – спросила Антонина.

– Очень, – одобрила подруга. – Здорово!

– Представляешь, у них до меня никогда не было коллективных семейных вечеров, – поделилась своим удивлением Тоня. – Я говорю: «А как это, без мужа Новый год встречать? Я без Миши не пойду». И все меня поддержали. Шеф разрешил снять ресторан, но велел обязательно подготовить культурную программу. Вот я и напридумывала всякие конкурсы, беспроигрышную лотерею, договорилась с концертными номерами. Столько, оказывается, талантливых людей! Должно быть интересно.

– Не сомневаюсь! – поддержала Зина. – Разве у тебя когда-нибудь плохо получалось?

– Ты научила, – призналась Антонина. – Помнишь?

– Помню.

– Хорошее было время...

– Хорошее, – подтвердила Зина. – А сейчас еще лучше!

Обе обнялись и засмеялись, как в молодости, – громко, заливисто, беззаботно.

Утром Антонина пошла в парикмахерскую, заодно проводила Зинаиду до автовокзала. Яркое, совсем не январское солнце слепило глаза. Было тепло, и Зина несла взятые в прихожей перчатки в руке, ощущая ладонями слабые зимние лучи. И только в понедельник, собираясь на работу, поняла, что по ошибке взяла чужую вещь.

– Из-за перчаток звонишь? – догадалась Тоня. – Как ты сразу-то не заметила?

– Заметила, что, вроде, как бы великоваты. Потом смотрю: чёрные, да не мои.

– Тебе легче: велики – не малы, а я-то в твои вообще не влезла. Кое-как сообразила, чья потеря.

– Когда обменяемся перчатками? – спросила Зинаида. – Я у вас только что была. Может, теперь вы – ко мне?

– Мы завтра, Зинулечка, едем в Среднеуральск, к внучке на годовщину. Может быть, на обратном пути и к тебе заедем. Не знаю, как получится. Не обещаю. Но если Мише сказать, он, конечно, согласится.

– Ну, смотрите сами, как вам удобнее. Я буду дома.

Зина прождала весь вечер, но ребята не появились. «Ладно, завтра позвоню, узнаю, как погуляли», – решила она и легла спать.

Утром раздался звонок.

– Ты только не падай, – сказала общая знакомая. – Козыревы разбились!

– Как разбились?

– Насмерть.

– Оба?

– Нет, Миша в реанимации.

Больше Зина ничего не помнила и только со слов сослуживцев потом узнала, что кричала на весь коридор: «Ты врёшь! Это неправда! Этого не может быть!».

В ту ночь, когда Козыревы возвращались с первого дня рождения внучки, на выезде на Московский тракт в них въехала фура. Антони-

на умерла мгновенно. Миша получил тяжелые травмы, но остался жив.

Убитый горем, на похоронах он рассказывал каждому, кто приходил проститься с Тоней: «Держу её за руку, а она холодеет и холодеет, а я не могу ничего сделать. Ничего не могу!» – и резко замолкал, захлёбываясь слезами...

Зинаида никак не могла поверить, что Антонины больше нет. Ведь только вчера говорили по телефону.

В памяти один за другим всплывали разные, казалось, незначительные эпизоды из прошлого. Например, как Тоня научила делать безе – чудное лакомство, которое можно испечь за полчаса, взбив яичные белки с сахаром. Сколько раз этот незатейливый рецепт выручал Зину при неожиданном визите гостей! «Только, пожалуйста, подавай в хрустальной вазочке», – напутствовала мастер кулинарии.

Антонина обожала красивую посуду, а уж хрусталь вообще был её слабостью. Когда Зина получила первую зарплату, Тоня уговорила её купить хрустальные фужеры.

– Зачем они мне? – пробовала возразить Зина.

– Как – зачем? Для красоты! Ты только посмотри, какое чудо: ножка тоненькая, объём идеальный, да ещё в горошек. Где ты потом такое купишь? – не отступала Антонина.

– Да мне даже поставить некуда!

– Это сейчас некуда, а потом потихоньку всё приобретёшь.

– Когда это будет...

– Неважно. Бери, не пожалеешь!

Первый раз Зина достала свой хрусталь в майские праздники, когда в гости к ней в рабочее общежитие неожиданно нагрянули однокурсники. Ребята быстро накрыли стол по-студенчески: газета вместо скатерти, банка с килькой, банка с солёными огурчиками, колбаска и хлеб горкой. И вот тут-то появились... хрустальные фужеры – те самые, в белый горошек, расхваленные Антониной.

– Ну, ты богачка! – ахнули гости.

– Первая покупка на свои, честно заработанные! – не без гордости отрапортовала Зина.

От сочетания газеты и хрусталя всем стало смешно. Сфотографировались на память.

– Зинок, не забудь подписать снимок: «Хорошо живётся нам, советским людям!».

Ещё вспомнилось, как Тоня выручила при переезде в новую квартиру. Зина, получив ордер, была в полной растерянности: «Как переезжать, если ни кровати нет, ни стула, ни посуды? Одни фужеры».

– Нашла о чём горевать! – рассмеялась Тоня и тут же нашла выход из положения. – Вот тебе общежитские раскладушка и матрас, на первое время сойдёт.

– У меня и белья постельного нет, – расплакалась озадаченная новосёлка.

– И это не беда, – успокоила подруга. – Даю новый комплект. Разбогатеешь – вернёшь, а пока – извини – должна дать тебе автограф. – И поставила на белые простыню, пододеяльник и наволочку штампик «ДОЗ», что означало: «Деревообрабатывающий завод».

...После аварии Мише сделали несколько операций на плечевом суставе. Зина, несмотря на занятость, всё же выбралась навестить друга в больнице. Вроде бы, всё было, как всегда: разговаривали, что-то обсуждали, перескакивая с одной темы на другую. С той лишь разницей, что оба ни разу не упомянули любимое имя.

Компания, где главной заводилой была Антонина, потеряла прежний блеск, лёгкость, кураж и потихоньку распалась. Собирались в основном по печальным поводам: на сороковой день, на полугодие, на годовщину со дня трагической гибели Антонины. Звонки общих знакомых сначала раздавались лишь по большим праздникам, потом всё реже и реже, а вскоре и вовсе прекратились. Ниточка оборвалась.

Боль потери со временем немного утихла. Но на глаза всё чаще стали попадаться вещи, предметы, так или иначе связанные с погибшей подругой. Брошка на пиджаке – маленькая, с жёлтыми камешками, – оказывается, Тоня подарила просто так, без повода, только лишь потому, что «уж очень, Зинулечка, она к твоим рыжим волосам подходит». А это что за колокольчики? Тоже Тоня повесила на двери, «чтобы всё плохое отвести, а хорошее притянуть». Самый роскошный цветок в горшке – опять Тониных рук дело. Зина и не предполагала, какое огромное место занимала в её жизни Антонина. А ведь иногда месяцами не виделись.

Прошёл ещё год. Однажды Зине вдруг захотелось пройтись по местному «Арбату». Рабочий день был в самом разгаре, но желание попасть на пешеходную улицу Вайнера, где они совсем недавно гуляли с Антониной, было так велико, что она отпросилась с работы, сославшись на срочные дела. Как будто неведомая сила тянула её к этому месту.

В потоке людей Зинаида сразу увидела эту пару. Он в голубой, под цвет глаз, рубашке, с перекинутым на плечо пиджаком, она в цветном лёгком платье. Держась за руки, как влюблённые школьники, они не шли, а как будто плыли над землёй. И в том мире, где они сейчас находились, не было вокруг никого.

Это были Миша и Аня, соседка Козыревых. Зина отскочила в сторону, чтобы её не заметили. Но даже если бы она прошла рядом, они всё равно её не увидели бы.

Зина присела на скамейку, дрожа от смятения. «Сбылось пророчество Антонины!», – с ужасом подумала она...

Примерно за год до гибели Антонина позвонила и напросилась в гости.

– О чём речь! – обрадовалась Зина. – Конечно, приезжай!

– Мне очень надо с тобой посоветоваться.

– Польщена, – скокетничала Зина. – Чем смогу, помогу.

У Антонины тогда была пауза в работе, а тут как раз пригласили в городское управление жилищно-коммунального хозяйства специалистом по связям с общественностью. Немножко не её профиль, но предложение заманчивое.

– Представляешь, шеф утонул в жалобах. К нему на приём – очереди, и все с претензиями, – сетовала Антонина.

– А ты сделай так, чтобы люди узнавали обо всём заранее и не задавали лишних вопросов. Работай на опережение, – посоветовала Зинаида.

– Подожди, я запишу! – остановила Тоня, чем немало насмешила подругу.

– Что тут записывать? Всё просто. Сделай так, чтобы не оправдываться, а загодя сообщать, где будет ремонт, сколько он продлится, какую трубу будут менять, почему перероют ту или иную улицу, и что это даст людям. Познакомься со всеми редакциями, установи с ними нормальные отношения, сделай единомышленниками, и журналисты сами обо всём расскажут.

За пару месяцев из Антонины получился неплохой пиарщик. С подсказки подруги она регулярно проводила пресс-конференции, брифинги, и поток жалоб к руководству заметно уменьшился. Настояла на ремонте здания управления. «Как это – ЖКХ, и всё в подтёках и трещинах? – рассудила хозяйственная от природы Антонина. – Наведение порядка надо начинать с себя». Запретила матерщину на рабочем месте, и все сантехники и слесари прикусили язык. Ввела в коллективе традицию поздравления именинников на утренней оперативке. И много чего другого, доброго и светлого, появилось с приходом Антонины в жизни неизбалованных вниманием коммунальщиков.

В тот приезд Зина уговорила Тоню остаться с ночёвкой.

– Да как-то неудобно тебя стеснять, отнимать драгоценное время, – стала отнекиваться Антонина. Но потом с радостью согласилась, честно признавшись: «Я вообще-то Мише намекнула, что могу у тебя задержаться. Он даже не сомневался, что ты меня не отпустишь, только просил предупредить».

После звонка мужу Антонина громогласно объявила:

– Раз уж осталась, идем гулять!

– Куда?

– В центр, на проспект Ленина!

И подруги поехали на любимую Плотинку – одну из главных достопримечательностей Екатеринбурга. Погуляли, поговорили, зашли в театральное кафе, полакомились мороженым.

Возвращались пешком по улице Вайнера, где только-только установили забавные памятники в виде фигур коробейника, банкира, купца.

Домой вернулись в первом часу ночи, уставшие и довольные.

– Один вечер, а ощущение, будто в отпуске побывала, – призналась счастливая Антонина.

Им обеим было легко и комфортно, как всегда. Опять чаёвничали, промывали косточки общим знакомым. Нет, неправильно, не промывали – обменивались новостями. Антонина за свою короткую жизнь ни о ком слова худого не сказала. Лучше промолчит, но осуждать не будет. С теми, кто ей был неприятен, бесповоротно прекращала всякие отношения. Такой уж у неё был характер.

– Как у Ани дела? – спросила Зина.

Аня – соседка Козыревых по площадке и давняя подруга семьи. Дружили смолоду. Анин муж работал с Мишей в одном цехе, но несколько лет назад ушёл из жизни, и всю заботу о вдове взяли на себя Козыревы.

– Миша у меня молодец! – в который раз за вечер похвалила мужа Антонина. – Свой огород вскопаем, потом сразу в Анечкин идём. Баню истопим – Аню обязательно зовём. Ремонт помогли сделать. На все праздники приглашаем. А как иначе?

– Она, наверное, хороший человек, но уж очень какая-то всегда угрюмая, – заметила Зина.

– Нет, что ты! – опровергла Антонина. – Ты её плохо знаешь! Аня – замечательная, очень надёжная, добрая и порядочная.

И вдруг добавила:

– Ей бы Мишу моего, она бы совсем другая стала.

Зина прямо обомлела.

– Ты что такое говоришь? Что значит: «Ей бы Мишу моего»? Ещё чего!

Антонина засмеялась.

– Да нет! Я имела в виду – ей бы такого мужа, как мой Миша!

– Ну, это совсем другое дело. Так и говори. А то – ляпнула.

Антонина опять засмеялась.

– Зинулечка, Аня, правда, очень хороший человек. Я её уважаю и люблю.

...Сидя на скамейке, Зина отчётливо вспомнила тот ночной разговор. Получается, Бог услышал неосторожное пожелание Антонины...

Клубок мыслей и смешанных чувств охватил Зинаиду.

Конечно, жизнь берёт своё, рассуждала она, пытаясь оправдать Михаила. Но в голове всё равно не умещалось, как он мог так быстро забыть Антонину?

Потом опять вставала на сторону Миши: мол, мужчина не может всю жизнь быть один. Так пусть это будет Аня, а не какая-то другая женщина. В конце концов, так хотела сама Антонина.

А внутренний голос с укором заявлял: «Разве она этого хотела? Она просто желала счастья своей подруге».

Измученная поиском правильного ответа, Зина пришла домой разбитая и опустошённая. От безысходности позвонила сестре, которая с детства была её спасательным кругом, и, несмотря на то, что жили в разных городах, далеко друг от друга, с полуслова понимала, умудряясь за короткий телефонный разговор здраво оценить любую ситуацию и подсказать выход из неё. Так было и в этот раз.

– Не горячись! – посоветовала любимая сестрёнка. – Пойми: к ребятам после тяжёлых утрат пришла любовь, как спасение. Не осуждай их. Совсем другое дело – потеря друга. Она невосполнима, и я представляю, как тебе сейчас больно. Сходи в церковь, помолись за Антонину и отпусти её. Поверь, станет легче.

Сестра оказалась права.

Глядя на ровное яркое пламя поминальной свечи, Зина вдруг поняла: Антонина жила в любви и с любовью и даже после смерти позаботилась о том, чтобы дорогие ей люди не страдали от одиночества; и раз она благословила Мишу с Аней, пусть они будут счастливы. Да, пусть будут счастливы.

– Мне не хватает тебя, Антонина! – сквозь слёзы призналась Зина. И шёпотом добавила: – Знай: меня всегда будет греть свет нашей дружбы.

ВЕШНЯЯ НОЧЬ

Николай КЛЁПОВ,

член Союза писателей России.
г. Екатеринбург.

В конце первого месяца весны, когда все признаки тепла были уже налицо, я отправился на свой садовый участок, проведать деревья, огрести от снега домишко и по возможности, где это удастся, подремонтировать забор.

Страшно подумать, что я отсутствовал на своём любимом клочке земли площадью в шесть соток целую зиму. За это время в домик могли забраться воришки. Хотя поживиться в моих «хоромах» им было нечем, само присутствие чужих непрошеных людей всегда вызывает чувство брезгливости. Всякий раз, когда такое случалось (а такие случаи бывали нередко), моя жена брала ведро, тряпку и вымывала, по её словам, всю нечисть, прежде чем мы в очередной раз обживали родные стены.

В эту зиму всё обошлось. Ещё издали я увидел целые оконные рамы и невредимый на входных дверях замок. На душе полегчало.

Не без труда по глубокому подтаявшему снегу добрался до крылечка, открыл входные двери и через веранду вошёл в комнату.

На своих местах лежали нетронутые чужой рукой вещи, оставленные ещё с осени и хранящие обо мне память. Вот полочка с книгами. В выцветших переплётах стоят: Дюма, рядышком Пикуль и Рубцов, на второй полке среди прочих изданий выделяется подаренная мне на день рождения писателем Сашей Чумановым его знаменитая «Житуха» – книга, написанная выразительно и ярко, как и все его остальные вещи.

Мы с ним дружили. С его «лёгкой руки» я был принят в Союз писателей. Он же порекомендовал мне заняться написанием прозы. Жаль, что его уже нет в живых. Ушёл он рано, не дожив до шестидесятилетия всего несколько лет.

Недалеко от книжной полки – печка-буржуйка, нетопленная почти полгода. На неё-то вся надежда: если она сумеет нагреть моё жилище, то я поработаю допоздна и останусь ночевать. Если по каким-то причинам этого не случится, придётся по бездорожью снова плестись до посёлка, при этом успеть на последний автобус до города.

Подгоняемый обстоятельствами, быстро достаю с чердака лопату и разгребаю тропинку к дровянику.

Печка, словно обрадовавшись своему оживлению, на лету подхватывает пламя спички, и вскоре раздаётся её довольное и ровное гудение.

Пока она нагревает домик и на улице светло, можно ещё поработать. Я так и поступаю. Расчищаю снег возле крыльца. Подтаявшая за день корочка наста легко разрезается фанерной лопатой. Работа спорится быстро. Но ещё быстрее кончается мартовский день. Вот уже и солнце скатилось за ближайший лесок, потянулись от деревьев вдоль участка холодные длинные тени, запахло сырым подмерзающим снегом.

«Всё, – подумалось мне, – пора заканчивать работу. Остальное доделаю завтра с утра».

На ночь дополнительно запасаюсь дровами. Не исключено, что к утру в домике выстынет, и «лишнее» беремя берёзовых поленьев окажется кстати.

А пока в моём жилище ещё недостаточно тепло. Не раздеваясь, сажусь к столу. Достаю из вещмешка небогатый ужин и термос с

чаем. Но есть почему-то не хочется. Взгляд снова падает на полочку с книгами. И только теперь я понимаю, с каким нетерпением ждали они моего прихода, ждали желанного прикосновения человеческих рук. Действительно, каждая строка, каждая страничка пропитаны зимним холодом. Кажется, даже книгам, для того чтобы они подарили радость общенья, нужно непременно согреться.

А буржуйка, загруженная дровами, пыхтит, потрескивая поленьями, и никак не может напитать зимний, застойный воздух до комфортной температуры. Если находиться от неё неподалёку, то можно и раздеться. Шагнёшь подальше, снова прохладно.

Вскоре становится совсем темно, и ничего не видно, кроме окон, закрашенных густой синевой. Пора зажигать керосиновую лампу. Она загорается как-то нехотя, освещая постепенно знакомые очертания предметов. Теперь, наоборот, за окнами опускается занавес непроглядной тьмы. Зато в домике становится уютнее и, кажется, ещё теплее.

Вот теперь нужно разобрать постель: снять одеяло, простыни, чтобы они пропитались теплом, перевернуть для прогрева матрац.

Процедура недолгая. За это время разгорается керосиновая лампа так, что можно без труда читать.

Я убеждён: восприятие от прочитанного всегда глубже и ярче, если оно происходит при таком освещении и в полном одиночестве. Появляется даже некое чувство романтизма, обостряется фантазия, связывая настоящее время с прошлым.

Взгляд падает на книжечку стихов Николая Рубцова. Как она писалась, можно только догадываться. Возможно, вот так же вечерами в крестьянской избе, при свете керосиновой лампы. Хотя в ту пору страна уже была залита электрическим светом.

Открываю наугад сборник. Читаю:

Какая глушь! Я был один живой.
Один живой
в бескрайнем мёртвом поле!
Вдруг тихий свет,
пригрезившийся, что ли?
мелькнул в пустыне,
как сторожевой...

В мыслях сразу предстаёт картинка: ночь, небольшая крестьянская избушка с единственным оконцем, в котором слабо мерцает огонёк старой коптилки. Напрягаю мысли и всматриваюсь: где-то здесь должен быть обязательно Рубцов.

Где же он? Где? Силою своего воображения я вижу его часто, но всякий раз почему-то пьяным и плачущим. Но сегодня такого видения нет. На фотографии в книжке он совсем иной. Здесь он картинный, и снят явно для сборника стихов.

В те времена, да и в наши тоже, фотографы делали почти для всех писателей и поэтов однотипные снимки. Голова наклонена чуть вперёд или набок, но обязательно должна опираться подбородком или щекой на руку или, точнее, на ладонь или пальцы, сжатые в кулак.

Не избежал такого стереотипа и Рубцов. Вот он сидит, как все, положив острый подбородок на согнутую кисть левой руки. Мало в этом снимке настоящего поэта. Разве только невесёлые глаза да оттопыренные уши.

Чтение книг захватывает, затягивает надолго.

Незаметно приходит полночь. Начинает клонить ко сну. Раздеваюсь. Аккуратной стопкой складываю разложенные на столе книги. Подкидываю в печку дров. Застилаю постель. Задуваю керосиновую лампу. Ложусь в кровать.

И тут пропадает сон. В мягкой бархатистой темноте исчезает ощущение пространства и окружающей действительности.

И всё же, как здесь хорошо. Каким покоем и умиротворением наполнена тёплая тишина. Здесь, только здесь можно услышать свой внутренний голос.

К сожалению, в городской толчее и шуме я лишён такой возможности. Порой в бессмысленной суете, в мелочах и склоках, делах обыденных и тленных и никому не нужных, он изредка доходит до сознания, пытаясь остановить, образумить от мирской суеты, но табаком и алкоголем я вновь и вновь загоняю его в самый дальний угол организма и бегу дальше. В постоянной спешке из дому на работу, с работы домой так же быстро мчится рядом со мной и моя жизнь. И кажется, что всё идёт правильно, так жили и живут почти все: влюбляются, женятся, растят детей, покупают машины и квартиры, умирают, возможно, так и не испытав истинной любви к миру, не найдя в нём себя, довольствуясь кратким и лживым обликом счастья.

Нет, я поспешил сделать вывод. Так живут не все. Существуют совсем иные примеры. Есть люди, которые часто строят свою жизнь не по законам существующего общественного строя, а на основе своего мировоззрения, пытаясь доказать обществу его ущербность и заблуждение.

Таким самоанализом чаще всего обладают творческие личности. Многие из них с ужасом обнаруживают, что весь тот дар, которым наделила их природа, неугоден властям и не нужен людям, больным чревоугодием.

Тогда вся жизнь человека одарённого становится невыносимым кошмаром. Он понимает катастрофичность своей судьбы, что его в любой момент могут сломать, растоптать, сделать изгоем. И в то же время он не в силах изменить своё кредо, без которого жизнь его становится ничтожной, жалкой, бессмысленной.

Чувствуя свою безысходность, индивидуум не может жить иначе и, к великому сожалению, довольно часто кончает жизнь самоубийством или попадает в психушку. Иногда такой развязке часто сопутствуют нелепые обстоятельства или простой житейский случай.

Таких примеров на Руси немало.

А случись всё по-иному, сколько бы прекрасного мы увидели в жизни глазами этих людей, сколько услышали музыки, открыли бы для себя новые страницы в позна-

нии добра и любви к окружающей нас природе и людям.

Так было. Но на рубежах двадцатого и двадцать первого столетий картина снова поменялась, и опять не в лучшую сторону для людей, творчески одарённых.

Казалось бы, вот она – свобода. Твори, насколько позволяет фантазия: нет цензуры, нет власти, подавляющей свободомыслие, и радуйся. Но эйфория у людей пишущих вскоре сменилась глубоким разочарованием: государство, доселе помогавшее литераторам, ответило им отказом в издании книг и выплате гонораров. Весь писательский корпус, живший литературным трудом, оказался в бесправном нищенском положении.

Правда, один выход из этого тупика у них всё же остался: выпрашивать деньги на издание своих книг и жалкое существование у богатых людей. В такой ситуации люди, одарённые литературным талантом, оказались в большинстве своём беспомощными, не способными ходить с протянутой рукой по кабинетам спонсоров, зачастую напрасно обивая высокие пороги.

Да и само по себе унизительное чувство зависимости от чьих-то кошельков, настроений и капризов очень больно ударило по писательскому самолюбию.

Этим положением воспользовались люди бездарные, окололитературные, заражённые вирусом графоманской болезни, но обладающие удивительной пробивной силой. Они, как ни странно, сразу же нашли нужные суммы. Их «произведения», перелицованные на скорую руку из чужого материала или придуманные своей больной головой, не оказались в мусорной корзине, как в былые времена, а благодаря фантастической изворотливости сразу же в виде книг появились на прилавках магазинов.

На смену произведениям талантливым хлынул мутный поток беллетристики, не имеющий ничего общего с настоящей прозой. Вместо поэзии, чарующей душу, рынок заполнили дешёвой стихотворной бижутерией. В этих бумажных отвалах сегодня буквально тонут голоса истинных художников, и никаких надежд на их спасение в ближайшее время, к сожалению, не предвидится.

С этими невесёлыми мыслями я чувствую, как погружаюсь в таинственную бездну сна. Вместе со мной, кажется, засыпает и моё жилище, ещё глубже оседая в глубокий снег.

Ещё какое-то время слышится, как вспыхивает и гаснет в печке пламя, видится, как на полированной поверхности шкафа отражаются огоньки через дырочки в дверце печки. Всё это успокаивает и убаюкивает.

Однако сон оказался недолгим. Проснулся я от резких порывов ветра, от раскатистых ударов снежной крупы по железной крыше. За окнами начиналась самая настоящая весенняя пурга. Глухо зашумели в саду недовольные непогодью деревья. Жалобно заскребла промёрзлой веткой в оконное стекло разбуженная яблоня.

Встаю с постели. Зажигаю керосиновую лампу. Вглядываюсь в окно. И хотя порывы ветра не затихли, снежная крупа прекратилась. Вместо неё стекла рамы густо залеплены мокрым снегом. Наверняка вся моя вечерняя работа по расчистке дорожек пошла насмарку.

Обессилев от борьбы с холодом, угасла железная печка. Вот теперь мне пригодились те несколько берёзовых поленьев, которыми я предусмотрительно запасся с вечера.

На часах шесть часов утра. Уходить ещё рано: нужно подождать рассвет, иначе не найти засыпанную снегом дорогу из сада до посёлка.

А пока есть время, снова сажусь за книги. Раскрываю сборник стихов Саши Чуманова «До востребования» и погружаюсь в мир его поэзии. Не передать словами те чувства, что я испытываю от прочитанного. Снова моя душа говорит с его душой.

Уже слышу, как недовольно фыркает закипевший чайник, но оторваться не могу.

Уже вяло и сонно занимается на востоке рассвет, пробиваясь сквозь мутную пелену летящего снега. Мне пора уходить. Наспех пью чай. Ставлю обратно на полку книги. До свиданья, Рубцов и Чуманов. До свиданья, достойные сыны русской поэзии. Как мне было легко и приятно с вами общаться.

Мы, жители двадцатого века, сохранили вас и ваше творчество для потомков.

Окажутся ли прозорливыми люди нового столетия, помогут ли они встать на ноги новым талантам, сберегут ли их творчество для грядущих поколений? Вопрос пока остаётся открытым.

РАЗГОВОР С БЕЛОЙ БЕРЁЗОЙ

Пахом Иванович Ковалёв после того, как у него умерла жена, нигде не находил себе места. Поначалу выходил посидеть на завалинку со старухами, такими же старыми, как он, но вскоре и они надоели ему бестолковыми разговорами.

От нахлынувшей тоски и одиночества он почувствовал недомогание. Полежал пару деньков на кровати и, не чувствуя облегчения, направился в поселковую больницу на приём к врачу.

Терапевт, молодая женщина, попросила его раздеться до пояса. Долго прослушивала фонендоскопом вначале со стороны груди, затем под лопатками, при этом он сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, трижды присел и встал.

– Одевайтесь, – так же обыденно сказала врач и села за стол писать бумаги.

Пахом Иванович хотел было поинтересоваться результатами осмотра, но промолчал и, одевшись, сел на стульчик напротив терапевта в ожидании результата.

– Ничего серьёзного я у вас не обнаружила, – отложив в сторону писанину и улыбнувшись, заключила та. – Изменения в организме есть, но, к счастью, всё это возрастное. Походите к нам на процедуры, поколем Вас витаминами, и я полагаю – всё пройдёт. И постарайтесь побольше отдыхать, чтобы избавиться от накопившейся усталости.

Ковалёв поблагодарил врача и вышел из кабинета.

На улице стояла ранняя осень. Было солнечно и тепло. Домой идти не хотелось.

Поэтому и шёл он, как говорят в народе, куда глаза глядят и ноги несут. Шёл, поглядывая на встречных людей, здоровался со знакомыми и не заметил, как очутился в парке возле поселкового пруда.

В годы советской власти это место было зоной отдыха и занятий спортом. Здесь играли в волейбол и настольный теннис. Здесь же была летняя танцевальная площадка. Пахом Иванович помнил, как он, ещё будучи молодым комсомольцем, со своими друзьями благоустраивал эти места: асфальтировали дорожки, устанавливали вдоль аллей скамейки, ставили урны для мусора.

Особенно любил он самую дальнюю, тянущуюся вдоль пруда аллею. Там, в её самом дальнем конце росла набирающая силу берёзка.

Сколько сладких летних ночей просидели они с Анной под ней на скамеечке, прежде чем поженились. А какие это были ночи: как дивно светили звёзды, от малейшего движения ветерка качалась на волнах лунная дорожка, и шелестела листвой их любимица. «Жива ли она теперь? – подумал Ковалёв. – Пойду-ка проведаю, а то теперь времена лихие, неровен час, поди уж на дрова спилили».

С этими мыслями он прошёл возле разрушенной танцевальной площадки, где валялись перевёрнутые и сломанные скамейки, пустые полиэтиленовые бутылки и горы бумажного хлама.

Неподалёку в кустах, на сломанных овощных ящиках сидели рядом и пировали двое молодых мужиков. Один из них, с подбитым глазом, махнул рукой, приглашая к себе.

– Дедок, выпить хошь – подруливай, третьим будешь.

Пахом Иванович отрицательно мотнул головой в разные стороны и ускорил шаги.

– Горе-то, горе какое, – произнёс он шёпотом, – вконец спилась матушка-Россия. Раньше, при советской власти с этим хоть боролись, пусть не всегда успешно, но всё же боролись...

Сразу же за танцплощадкой он свернул налево и вскоре вышел на знакомую аллею возле пруда. Не спеша, прошагал вдоль берега, безрадостно оглядывая кромку прибоя, окаймлённую прибитым к берегу мусором и желтоватой пеной.

Давно, давно он здесь не был. Как всё вокруг изменилось, не узнать. Вот здесь, где они сидели с Анной на скамейке, теперь растут лопухи в человеческий рост вперемежку с другой травяной порослью и крапивой. А берёза ещё жива. Но состарилась заметно.

– Вона, как тебя жизнь-то потрепала, – удивился Ковалёв, поглаживая застарелую морщинистую кору, – живого места нигде нет. Вот тут тебя ножом резали: кто-то пытался своё имя «увековечить», и не единожды, а пониже и того хуже, алчный человек ради глотка сока вырубил в твоём теле несколько глубоких ран, саданув по боку топором. На раны теперь смотреть страшно: почернели они от времени, загнили. То ли по этой причине, то ли по какой другой, но одна огромная ветвь в рассохе отмерла окончательно. Отчего повело твой ствол ближе к воде, и стала ты похожа на искособоченную старуху. Будь живой, пожаловалась бы непременно мне. Но знаю, не скажешь, не поделишься своими бедами. А у меня вот старуха умерла. Ты же должна Анну помнить? Славная женщина была, Богом посланная – царство ей небесное. Да и я на тот свет собираюсь. Давеча врачиха сказала, что здоров, но чую всем нутром: эту зиму не пережить. А ты-то что дальше думаешь делать?

Ковалёв замолчал, постоял ещё с минуту, погладил на прощанье шершавый ствол берёзы и, сгорбившись, побрёл к себе домой.

Возле танцплощадки двое собутыльников, положив друг другу на плечи руки, горланили песни.

То ли от их веселого настроения, то ли от разговора с берёзой на душе Пахома Ивановича на какое-то время полегчало.

ЛЮБОВЬ К «РОДНОМУ» ПЕПЕЛИЩУ

«Это было недавно,
Это было давно»

Нина ГАРЕЛЫШЕВА,

г. Екатеринбург.

Пепелище, о котором пойдёт речь, назвать родным для меня в полном смысле слова нельзя. Оно родное мне в такой же степени, в какой многим сотням свердловчан-екатеринбуржцев. Здесь лечились (и вылечивались) несколько поколений жителей нашего города. И думаю, у многих остались добрые воспоминания о Центральной городской больнице № 1, о замечательных врачах, которые работали в этой больнице по адресу ул. 8 Марта, 78.

Случилось мне недавно проходить мимо некогда уникального здания. Теперь оно представляет удручающее зрелище заброшенного пепелища. Сердце сжалось от увиденного: выбитых стекол, задымленных стен, видимо, внутри жгли костры, обуглившихся рам, скверных надписей... Создалось такое впечатление, что здание отдано на публичное поругание, глумление воинствующим хулиганам. Но стоило закрыть глаза, и в памяти воскресло иное видение: красивое здание, напоминающее по своим очертаниям птицу с распахнутыми крыльями, готовую к полету.

Здание больницы на 650 мест было построено в 1940 году его проектировал архитектор И.А.Югов – талантливый человек, хорошо понимающий, для кого и для чего предназначается его детище. С точки зрения пациента, большим благом была изоляция палат от постороннего шума. Двери в палату были двойными, образуя тамбур. В тамбуре обычно оставляли верхние теплые халаты, которые сестра-хозяйка выдавала тем, кто принимал ванны или грязи. Водо- и грязелечебницы располагались на первом этаже, где было прохладно.

На каждом этаже – просторный вестибюль, здесь же отдельное помещение, где размещались кабинеты заведующих кафедрами, профессоров: А.М.Лидского, основоположника хирургической научной школы на Урале, Б.П.Кушелевского, знаменитого терапевта, Заслуженного деятеля науки.

В больнице была уникальная вентиляционная система, поэтому в помещении никогда не было душно.

На первом этаже, напротив водолечебницы находилась комната отдыха, где в три ряда стояли топчаны, заправленные белоснежным бельём. Рядом располагался большой зал для занятий лечебной физкультурой.

Командовала в зале инструктор по ЛФК Людочка, изящная черноглазая девушка, которая позже стала врачом-неврологом и вела приём в поликлинике.

В первое моё пребывание в ЦГКБ № 1 я познакомилась с дву-

мя замечательными девочками – Лидой Поповой и Валей Глазыриной. Мы так подружились, что много лет поддерживали связь, а Лидочка стала моей любимой подругой, и с ней мы дружили полвека, до самой её кончины в 2002 году.

Будучи в больнице, мы любили ходить втроём. И даже на лечение старались ходить вместе, за что и получили прозвище – неразлучная троица. Придём в водолечебницу, где всегда был стойкий запах сероводорода, возмущаемся: фу-фу-фу, какой неприятный запах! А медсестра, Роза Яковлевна, крупная блондинка с добрым лицом, увещевала нас: «Зато водичка полезная, вас же лечить надо».

Медицинскими сёстрами были и взрослые женщины, были и молодые. С молодыми мы легко находили общий язык, они делились с нами своими секретами, общаться с ними нам очень нравилось. В неврологическом отделении, где мы лечились, работала очень красивая медсестра Ирочка. Она, как и Люда, окончила медицинский институт и много лет работала врачом-неврологом в поликлинике Верх-Исетского района.

Отделением заведовал Роман Евгеньевич Лури. Невысокого, можно сказать, даже низкого роста, лёгкий, но не худой, а просто тонкий, халаты на нём всегда были свободны. Крупный нос, карие выпуклые глаза, усы, бородка-эспаньолка – таков его портрет. Походка стремительная, летящая, спускаясь по лестнице, он прыгал, как мальчишка, – через ступеньку. Роман Евгеньевич был высокопрофессиональным специалистом, но учёных степеней почему-то не имел. Подчинённые – врачи, медсёстры, нянечки – его обожали, он был человеком добрым.

Моим первым лечащим врачом в больнице была Софья Яковлевна Винерова. Больные боготворили её. Каждый день, ожидая обхода, готовились: прибирали постель, причёсывались аккуратно, чтобы своим неопрятным видом не огорчать врача. Ближе к 11 часам разговоры в палате затихали, все прислушивались к шагам в коридоре. Тук-тук-тук – это идёт Софья Яковлевна (она ходила в коричневых туфельках на высоком каблучке). И вот открываются двери... в палату входит само Светило: яркие блестящие глаза излучают свет, чёрные волнистые волосы обрамляют красивое лицо с приветливой улыбкой. В руках у доктора неизменный молоточек с блестящей ручкой, в лацкане халата – несколько иголок.

– Здравствуйте, девоньки! Доброе вам утро! (Софья Яковлевна именно так и говорила: девоньки).

– Здравствуйте, – хором отвечали больные, шесть-восемь голосов.

И начиналось священнодействие. Обычно Софья Яковлевна проверяла пульс и, поглаживая руку больного, задавала вопросы, хорошо ли спалось, как аппетит, всё ли лечение приняли. Осматривала больного, как говорится, с головы до ног, давала наставления, объясняла, что даёт то или иное лечение.

После обхода врача между больными непременно возникал обмен мнениями. Иногда кто-то высказывал маленькую обиду: что-то сегодня Софья Яковлевна мало со мной поговорила... Тут же старались восстановить справедливость: зато вчера она долго с тобой беседовала. Иногда более наблюдательный замечал:

– Сегодня Софья Яковлевна чем-то расстроена.

– Говорят, ночью привезли тяжелобольного, вот и расстроилась. Она же за каждого из нас переживает.

– А я заметила, у неё седые волосы появились.

И все умолкают, думают, каждый о своём. Тишину нарушает громкий щелчок выключателя. На световой сигнал входит нянечка, тётя Клава. Невысокого роста, крепенькая, в белом платочке поверх перманентных кудряшек.

– Клавочка, подайте, пожалуйста, судно, – просит женщина с угловой койки. Она после инсульта ещё не может ходить.

– Так я же вам недавно подавала!

– Ну что поделаешь, видимо, я много чаю выпила.

– Ох ты, горе мое луковое! – любимая присказка тёти Клавы. За это её так и прозвали: «Горе луковое».

Старшая медсестра Серафима Ивановна Уланова иногда разорялась: «Ну где опять это горе луковое? Надо сестре-хозяйке помочь бельё перенести».

Нянечка любила поворчать: «Вот уйду на пенсию, что без меня делать станете?». Но все знали её доброту, трудолюбие, никто на неё не обижался. Тогда ещё не было такого замечательного изобретения, как памперсы, и нянечкам доставалась очень тяжелая работа – менять бельё под лежачими больными. Тётя Клава, несмотря на свой невысокий рост, одна могла сменить простыни, такая была у неё сноровка.

Лида, Валя и я (справа).

Врачей наших мы узнавали по походке, знали, кто в какой обуви ходит. Вжик-вжик-вжик...Это идёт Светлана Михайловна Гайворонская. На ней новые супербосоножки на пробковой подошве, которые только входили в моду. Но купить их было невозможно. Она божественно красива: натуральная блондинка с ангельскими голубыми глазами и яркими губами. Светлана Михайловна – самая молодая среди врачей. Говорили, что её муж – военный, имеет высокий чин, поэтому она так красиво и модно одевается.

Каким-то образом больные очень много знали о врачах, медсёстрах. Откуда появлялись эти сведения – оставалось загадкой.

Однажды меня по какому-то поводу пригласили в ординаторскую. Когда я вошла, Гайворонская сидела на диване и нараспев читала:

«Многим ты садилась на колени,
А теперь сидишь и у меня...».

Мне эти строки врезались в память, но кому они принадлежат, я не знала, поэт Сергей Есенин тогда был запрещён. Позже Светлана Михайловна уехала из нашего города по назначению мужа на новое место службы. Ещё один раз я увидела её совершенно случайно в залах Русского музея. И не одну, а в обществе профессора Д.Г.Шефера и его великолепной супруги. Очевидно, в Ленинграде проходила какая-то масштабная конференция медиков. Подойти я не посмела, только издали полюбовалась этой женщиной.

Знаменитого нейрохирурга, профессора Д.Г.Шефера я знала не понаслышке: в центральной городской больнице он постоянно консультировал больных и часто бывал на обходах. Несколько раз заведующий отделением доктор Лури водил меня к профессору на консультацию, так как мой диагноз оставался спорным.

Прошло несколько лет. Я работала ретушёром в известном фотоателье с шанхайскими мастерами по ул. Жданова, 3, в этом же доме жила семья профессора. Его красавица дочь приходила к нам фотографироваться.

Одно время моим лечащим врачом была Рива Зиновьевна Белкина, милая, обаятельная женщина. Мы с девчонками любовались ею, глядя на неё, хотелось почему-то улыбаться. Наверное, в ответ на её улыбчивое лицо. Помню ещё врачей Б.Я.Шиф, Р.А.Фердман, Г.С.Кислицыну. Все они были добры к больным, старались поддержать, утешить. Культура поведения врачей, их милосердие оказывали благотворное влияние на пациентов. Немецкий врач, ученый Парацельс считал, что «сила врача – в его сердце». Эту истину я бы полностью отнесла к врачам, которые работали в те годы в ЦГКБ № 1.

В разные годы в этой больнице лечились мои родственники, друзья, знакомые.

В больнице была очень хорошая библиотека. Я помню, как много было там книг, красивых цветов, как было уютно и тихо. А заведовала библиотекой Анна Николаевна Бычкова. Человек в нашем городе известный, но в то время почему-то преданный забвению. Это позже о ней вспомнили и стали опять приглашать на массовые мероприятия. Впоследствии ей присвоили звание Почетного гражданина города. На Широкореченском кладбище, где она похоронена, поставлено надгробие-барельеф из белого мрамора с изображением её в полный рост с книгой в руках.

Примерно через четверть века (Анна Николаевна прожила долгую жизнь) мне пришлось встретиться с ней в её квартире. Дело в том, что в семидесятые годы я работала редактором студенческой газеты «Горняк» в Свердловском горном институте. К 60-летию вуза мне хотелось найти людей, которые могли бы поделиться воспоминаниями о том далёком времени, когда институт только что открывался. Это могли сделать лишь долгожители. Вот тогда-то и обратилась я к Анне Николаевне. В 1917 году, когда был открыт горный институт, Бычкова работала, как говорят сегодня, во властных структурах. А членом партии большевиков она состояла с 1906 года. Горный институт был первым вузом, открывшимся в Екатеринбурге, и не случайно. Нужны были образованные специалисты для разработки и добычи полезных ископаемых, коими так богат был Урал.

Но я сильно отвлеклась, а хочется вспомнить ещё рентгенолога, молодую особу с замечательной внешностью. Её звали Ася. Вьющиеся каштановые волосы, глаза под цвет волос и всегда приветливая улыбка. Ася любила шутить, и нам, молодым девчонкам, так нравились её остроумные шутки, что мы повторяли их и от души смеялись.

Однажды Ася пригласила меня на рентген и пошутила: «Сейчас узнаем, кто покорил твоё сердечко. Наверное, военный, молодой и красивый». В то время военных обожали и завидовали девушкам, которые выходили замуж за военных. Почему-то все верили, что их ожидает счастливая жизнь.

От таких слов Аси я немножко даже оробела, потому что я в то время была влюблена, но не в военного, а в молодого человека из ЛОР-отделения. У него было красивое имя Валентин, и вообще он был хорош собой. Но это уже совсем другая история. Трогательная, целомудренная и с очень, очень грустным концом.

Однако пора вернуться к действительности. К тем тяжёлым, можно сказать, драматическим дням, когда Центральная городская клиническая больница № 1 прекратила своё существование. Я помню, как отчаянно сопротивлялся её коллектив, предвидя именно такой конец, каковым он оказался. Как не хотели люди расставаться с теми, кто много лет работал рядом. Но, как говорят, плетью обуха не перешибёшь ...

Все происходившие тогда дебаты не вселяли надежды на возвращение коллектива в родную больницу. Так оно и вышло. Теперь остались одни воспоминания.

Ещё раз прохожу мимо главного входа бывшей больницы. Решилась подойти поближе, чтобы заглянуть в пустоту окна, увидеть, что же там творится. Но впереди стоявшая милицейская машина с мигалками, развёрнутая ко мне кабиной, дала резкий угрожающий сиг-

нал, предупреждая: «К нам не подходи, к нам не подходи, а то...». С милицией шутки плохи, я отступила. Боевые ребята в машине посмеялись, наверно.

Направилась к автобусной остановке. За студенческим общежитием, недалеко от мусорки в снегу увидела лежащую плашмя бетонную конструкцию в виде полой четырёхгранной колонны. Опускались ранние сумерки, но всё-таки на просвет было видно, что внутри какое-то живое существо. Приблизившись, я увидела большую собаку. Она лежала, не подавая никаких звуков. Было морозно, мне показалось, что собака дрожала.

Заброшенная больница, эта бездомная собака, может быть, выброшенная безжалостными хозяевами, и грозная сирена – прилепились в сознании одно к другому, хотя фактически между ними не было никакой связи. Но почему же в душе такая тревога?

ДРУГАЯ ИСТОРИЯ

Да, так вот случилось, что впервые в жизни я влюбилась, когда находилась на лечении в ЦГКБ № 1. Вот уж воистину, «любовь нечаянно нагрянет».

Имя его я уже назвала – Валентин. Стройный шатен с серо-голубыми глазами, правильными чертами лица и волнистыми волосами. Раза два мы встречались в коридоре. У него была сильно забинтована голова, особенно с левой стороны. Позже я узнала, что он перенес операцию на ухе. Не помню, кто из девочек сказал тогда: «Какой красивый мальчик!».

Однажды после ужина мы втроем, Валя, я и Лида, гуляли в вестибюле. Было общепринятым по вечерам некоторое время проводить вне отделения. В вестибюле стоял большой чёрный кожаный диван, в углу – стол, где упражнялись шахматисты. Этажом выше было даже пианино, и больным разрешали играть на нём.

Так вот, гуляем мы потихонечку, беседуем и видим, направляются к нам два молодых человека, один из них говорит: «Вчера я видел красивого мальчика в синей пижаме, вы не знаете, где он сегодня?». Сказал и смотрит на меня в упор. Я ужасно смутилась, потому что накануне только я была в пижаме, так как не было чистых халатов. Лидочка быстро отвечает: «Мальчик был вчера, а сегодня девочка».

«О, это даже лучше!».

Так и состоялось наше знакомство. Позже Валентин рассказал, что с забинтованной головой стеснялся подходить к нам. Женщины в нашей палате стали замечать, что мимо проходящий юноша постоянно смотрит с любопытством в нашу палату, словно выискивает кого-то. А моя кровать стояла в углу, и увидеть меня было можно, только если подойти вплотную к нашей двери. Валентин считал это неприличным.

Валентин.

За несколько дней нашего общения я узнала, что живет он на Эльмаше, в общежитии, работает помощником машиниста на внутризаводском транспорте. Мне в ту пору было восемнадцать лет, а ему двадцать два.

До выписки Валентина из больницы оставалось несколько дней, а мне, как назло, сделали пункцию, очень тяжёлую процедуру, после которой нужно было вылёживаться целую неделю, и всё равно голова болела. Связь осуществлялась через девочек. Я попросила дверь палаты не закрывать и краем глаза видела, как часто Валентин проходил мимо.

На второй день после пункции я не вытерпела и вышла в вестибюль. Валентин искренне был рад встрече и признался, как не хочется ему расставаться. Медсестра, молодая, но очень недоброжелательная, буквально загнала меня в палату, обвинив в нарушении режима, не дала и пяти минут поговорить. А дежурить она пришла на сутки.

Кому приходилось лежать долго в больнице и не единожды, знают, что и в лечебных заведениях возникают знакомства, особенно среди молодых людей. Медсёстры рассказывали нам, какие, бывает, бушуют страсти и возникает ревность. Нечто подобное испытывала я со стороны этой медсестры, когда уже всему отделению стало известно, что «красивый мальчик из ЛОР-отделения ухаживает за девочкой с косами из палаты № 503».

Валентина выписали через три дня, он обещал меня навестить. Пришёл он через неделю. Эта неделя показалась мне вечностью: я поняла, что окончательно влюбилась. Но вот опять невезение: в больнице объявили карантин. Весь медперсонал ходил в масках, свидание с больными запрещено. Разрешались только передачи. Рассыльная принесла мне записку от Валентина и передачу. Он писал: «Ниночка, спустись на лестницу первого этажа, чтобы я мог увидеть тебя хотя бы издали».

Я чуть не плакала от обиды. В это время в палату зашла медсестра Ирочка и, увидев в моих руках записку, мой расстроенный вид, поняла, в чём дело. Подошла и тихо сказала: «Идём со мной». Она указала мне укромное местечко, куда через несколько минут принесла белый халат и маску. «Иди так, как будто спешишь куда-то, не обращая ни на кого внимания. Пройдёшь мимо водолечебницы к входу,

куда разрешено заходить амбулаторным больным на консультацию». Спускаясь по лестнице с пятого этажа, я увидела вдруг: о боже, навстречу поднимался заведующий нашим отделением. У меня задрожали колени, от страха я боялась упасть. И тут... шумная толпа студентов, появившаяся за моей спиной, спасла меня. С ними я и проскользнула мимо Романа Евгеньевича.

Валентин был неотразим: белая форменная фуражка особенно шла к его лицу. Мы вышли на улицу, совершенно не помню, о чём мы говорили. По просьбе девочек мы прошли с той стороны здания, где были балконы. Я глянула вверх, девчонки чуть не попадали, стараясь разглядеть нас. Валентин поприветствовал девочек, помахал рукой, там были и две медсестры.

Валентин попросил мой домашний адрес, телефонов у нас не было. После моей выписки из больницы он приезжал ко мне на улицу Ткачей, что у ЦПКиО им. Маяковского, где я жила у тёти. Но вскоре я уехала к маме в село Щелкун, и мы надолго расстались.

Ещё в больнице однажды к нам в отделение пришёл фотограф. Фотографировал всех желающих. Тогда Валентин подарил мне своё фото. Оно хранится у меня до сих пор. Что было дальше? В Щелкуне я прожила полгода, устроилась на временную работу, телефонисткой на почту. В городе я не могла жить, не было средств, с работой были проблемы.

Время от времени Валентин приходил на улицу Ткачей. Старшая мамина сестра, тётя Нюра, всегда была дома (она водилась с внуками). Тётя Нюра обожала Валентина и всякий раз говорила ему: «Приходи, Валечка, Нина, наверное, скоро приедет». Он приходил, а я всё не приезжала. Письма писать тогда почему-то было не принято. Да и что я могла дать ему, имея за плечами всего семь классов, не имея профессии, обуреваемая кучей комплексов, одетая так себе, бедновато, а главное, въевшееся в душу чувство отвергнутого изгоя – я была дочь врага народа. До реабилитации моего отца было ещё далеко.

С Валентином мы встретились только через год. Мне показалось, он очень изменился. В разговоре появились жаргонные словечки, он взахлёб рассказывал о своём новом друге Николае, о том, где бывал, что видел. А моя жизнь была серой, малорадостной. Расставаясь, он дал мне свой домашний адрес. И я опять уехала в Щелкун. И опять прошло много времени. Когда я приехала в Свердловск, пошла по данному адресу. Это было где-то в конце улицы 8 Марта, в одноэтажном бараке. Я отыскала нужную комнату, постучала. Дверь отворила женщина средних лет, молодящаяся, сильно накрашенная. На мой вопрос она ответила, что Валентин – муж её дочери, и что оба они на работе, спросила, кто я. Я назвалась сестрой мальчика, который был с Валентином в больнице.

Обратно я шла пешком до дома и всю дорогу уливалась слезами, не знаю, от чего больше: от жалости к себе или от того, что безумно жали ноги мои новенькие коричневые чешские туфельки на высоком каблуке с бантиками, в которых мне так хотелось предстать перед Валентином.

С течением времени моя жизнь резко изменилась. Я приобрела хорошую профессию. После реабилитации отца постепенно избавлялась от ненавистного комплекса изгоя. По улице Ткачей я давно уже не жила. А Валентин каждый год приходил, надеясь встретить меня. Но адрес мой ему не давали. Как-то раз до меня дошли слухи, что женился он на буфетчице, сестре Николая, его друга.

Прошло много-много лет. У меня уже не было мужа. Сын служил в армии, в ГДР. Тоскуя по нему, однажды вечером я перебирала старые фотографии и наткнулась на фото Валентина. Ах, Валя, Валя... Где же ты? Жив ли? Как сложилась твоя жизнь? Я пошла в адресное бюро, узнала адрес, написала письмо и сообщила номер служебного телефона. Через несколько дней я услышала в трубке голос Валентина, радостный и возбуждённый. Мы договорились о встрече на трамвайной остановке «Южная».

Из трамвая я увидела полноватого мужчину со слегка одутловатым лицом. Я, конечно, сразу узнала в нём Валентина. Он жадно искал глазами среди выходящих из трамвая женщин, видимо, тот образ, какой остался у него в памяти. Его внимание было сосредоточено на средней и задней дверях вагона, а я вышла из передней двери. Я обошла Валентина за его спиной, а потом пошла ему навстречу. Он скользнул взглядом по моему лицу, и я прошла мимо. Народ рассеялся, я отошла в сторонку, дождалась следующего трамвая и опять прошлась мимо Валентина, не вглядываясь в его лицо. Он не узнал меня! Зачем же я буду подходить, если настолько изменилась, что совсем не сохранила прежние черты. Я уехала домой с тяжёлым чувством.

На другой день Валентин позвонил. В голосе его была обида, я бы сказала, даже боль.

– Ниночка, почему ты не пришла? Я так ждал тебя!

– Валя, я была, я прошла мимо тебя два раза, но ты меня не узнал.

– Неужели?!

Мне кажется, он заплакал.

На другой день была суббота, с понедельника я ушла на бюллетень. Он звонил ещё, ему отвечали, что я не работаю. Вполне возможно, что он принял это сообщение как моё нежелание разговаривать с ним. Моему чувству влюбленности не суждено было вырасти в настоящую любовь; ведь мы даже не целовались, только ходили, держась за руки. Это чувство влюбленности так и осталось в моей душе сладостно-горьким, ничем не запятнанным.

«Никогда, никогда ни о чём не жалейте...» – учит нас поэт Андрей Дементьев. Но я почему-то жалею, что я не подошла тогда к Валентину.

С тех пор прошло примерно двадцать лет. Жив ли он? Вряд ли. Мужчины умирают раньше. Прости меня, Валя, за мою глупость. Может быть, ты нуждался в помощи, а я не смогла преодолеть неуверенность в себе.

Прости.

СТРЕЛОК ПО ИМЕНИ ЛИДОЧКА

Из деревни Чупино Талицкого района её привез брат Дмитрий и через хороших знакомых устроил на оборонный завод стрелком-охранником. Лидочке Поповой только-только исполнилось шестнадцать лет, она получила паспорт, значит пора самой зарабатывать на жизнь. Росточку была она невысокого. Аккуратный носик и большие голубые глаза в пушистых ресницах создавали очень привлекательный образ. В деревне остались младшая сестра Валя и родители: отец Егор Максимович, мама Акулина Григорьевна. Старшая сестра Екатерина жила уже отдельно от родителей, брат обосновался в Бисерти.

Егор Максимович сложения был небогатырского, но обладал очень властным характером. К жене, женщине и без того кроткой, покладистой, мог и руки приложить в минуты гнева. От отца Лидочка унаследовала весёлый нрав, от матери врожденную интеллигентность: она не любила ссориться и к окружающим относилась с уважением.

С большим трудом на заводе для нового стрелка подобрали шинель, которую всё равно пришлось подшивать, надели шапку-ушанку, научили держать винтовку и поставили на охрану. Барьер в проходной, за которым стоит стрелок, для Лидочки оказался очень высоким, из-за него видны были только большая шапка да ствол винтовки. Пришлось подставить ящик повыше, и росту добавилось.

В первые дни рабочие, увидев на посту такую пигалицу, подшучивали: где такого стрелка откопали? А кой-кто из молодых ребят стал относиться фамильярно, оказывать знаки внимания. Лидочка тушевалась, краснела, но была непреклонна, и роль стрелка исполняла исправно, даже очень строго.

Начальство в лицо с первых дней она не знала, все были для нее равны, но одного человека она выделяла: он был очень вежлив и всегда приветливо здоровался с ней. При её юном возрасте он казался ей очень пожилым, и это вызывало чувство уважения. Позже она узнала, что это главный конструктор Лев Вениаминович Люльев*. С этим замечательным человеком Лидочке посчастливилось работать несколько лет.

Случилось так. В секретный отдел, где работал Люльев, требовался курьер. Кому попало документы не доверяли. Видимо, Лев Вениаминович заприметил молодую девчушку, её строгость, аккуратность, арьяное исполнение своих обязанностей. Лиду пригласили в отдел кадров и настоятельно предложили место курьера.

По огромной территории завода Лидочка летала, как мотылек! Лёгкая, весёлая, жизнерадостная, она подкупала всех своим доброжелательством. Документы относились и возвращались вовремя. Через три месяца Лев Вениаминович попросил перевести Л.Попову секретарём в его отдел. Несмотря лишь на семилетнее образование, Лидочка оказалась смекалистой, расторопной, предельно аккуратной. Главный конструктор не мог нарадоваться на такую работницу. А подчинённые безмерно обожали этого замечательного человека.

Через три с половиной года Лидочка заболела. Вот тогда-то мы и познакомились с ней в больнице № 1. Ей в то время было двадцать лет. Ещё три года проработала Лидия с Л.В.Люльевым и была счастлива, что так ей повезло: она удостоена высокой чести – работать в прямом подчинении человека такой величины.

Но случилось непредвиденное. К её подруге по общежитию приехал только что демобилизованный брат – Анатолий. Он так влюбился в Лидию, что ехать к своей матери в Сочи отказался до тех пор, пока Лидочка не согласится выйти за него замуж.

Лида не была горячо влюблена, но уговоры подруги, привлекательность тёплого курортного города, настойчивость Анатолия – всё вместе определило её решение. Да и возраст уже был подходящий.

Всё было обставлено честь честью. Вдвоём они съездили к родителям в деревню, получили благословение и укатили в Сочи. Но расставание было тяжёлым. Лидия теряла работу, оставляла родителей, друзей. Я теряла подругу. Л.В.Люльев, словно предвидя недолговечность брака и с сожалением отпуская такую надёжную работницу, сказал на прощание: «Если не сложится жизнь, всякое бывает, приезжай, найдём для тебя работу».

А в Сочи Анатолия ждала другая невеста, подобранная его матерью. Лиду сразу невзлюбили. Первые месяцы жизнь с Анатолием была нормальной, Лида устроилась на работу в типографию. Но свекровь, что называется, поедом ела невестку. При сыне не позволяла разных выпадов, а без него постоянно подкалывала Лиду, оскорбляла, высказывала недовольство. И за глаза наговаривала на невестку. Однажды Лида решилась пожаловаться на свекровь, но Анатолий категорично заявил, что с матерью из-за неё он ссориться не намерен. Лида поняла, что защиты ждать ей неоткуда. Пришлось терпеть измывательства свекрови, тем более что Лида была беременна. В этот период, когда женщине нужна поддержка, Анатолий стал придирчив, раздражителен. Только на работе, в типографии Лида отходила душой, отвлекаясь от семейных неприятностей. Домой возвращаться не хотелось.

Преждевременные роды обернулись катастрофой. Родился мальчик, крохотный родной человечек. Лида выхаживала его с нежностью и надеждой. Дело пошло уже на поправку, сыночек стал прибавлять в весе. И только один раз, совсем ненадолго пришлось по необходимости отлучиться Лиде, надо было оформить какие-то документы на работе. Она бежала домой, а сердце щемило предчувствие. Кинулась к кроватке... мальчик был мёртв. Белый свет померк. Потерю сына пережила в каком-то беспамятстве, словно всё происхо-

* Люльев Лев Вениаминович (1908–1985), выдающийся советский конструктор в создании зенитных управляемых ракет. Лауреат Сталинской, Ленинской и Государственной премий. Награждён орденами «Ленина», «Красной Звезды», «Трудового Красного Знамени» (дважды), «Знак Почёта». ОКБ «Новатор» носит его имя.

дящее было не с ней, а она была лишь наблюдателем.

После длительного перерыва я получила от неё письмо, полное отчаянья. Каждый день, писала она, я хожу к морю и лишь там нахожу успокоение. Но когда-нибудь уйду и не вернусь. Перепуганная, я немедленно дала телеграмму: «Возвращайся, бросай всё».

Она вернулась опустошённая, непохожая на себя. Не осталось и следа от прежней Лидочки, весёлой хохотушки с яркими сверкающими глазами. (Глазами, имеющими уникальное свойство: они могли вращаться вокруг своей оси влево и вправо, а ещё Лидочка умела глазами «рисовать цветочки».) Теперь жизнь надо было начинать сызнова. С тех пор я стала её негласным опекуном.

После её непродолжительного отдыха надо было искать работу. С трудом преодолев чувство неловкости, стыда, Лидия позвонила Люльеву. Лев Вениаминович обещал помочь, но в этот момент вакансий не было. Ждать Лида не могла, средств на проживание не было. Остро стоял вопрос и о прописке. Дальние родственники приютили её, некоторое время она жила по ул. Карла Либкнехта, 45, в коммуналке.

Мне удалось устроить Лиду на фабрику «Фотообъединение» кассиром-приёмщиком, где она и работала в разных фотоателье города до выхода на пенсию. Некоторое время Лидии пришлось работать в главном фотоателье № 1 по ул. Малышева, 56 с замечательным мастером Михаилом Васильевичем Власовым. Это был Человечище! Колоритная личность. Высокий, с гордо поставленной головой, с манерами аристократа, он обладал острым умом и неповторимым чувством юмора. В юные годы Власов учился фотографии у самого Наппельбаума, признанного фотохудожника.

Мне приходилось слушать Михаила Василевича на занятиях по техучёбе, которую проводили на фабрике с целью повышения квалификации. Я работала тогда ретушёром, посещать техучебу ретушёрам было не обязательно, но я ходила, чтобы послушать самобытную речь этого уникального человека и фотографа. И для своей профессии получила много полезного. Не знаю, почему мне запомнилась такая фраза Михаила Васильевича: «Вчера фотографировал молодую женщину, о, какая шея, какой красивый изгиб! Можно только за это влюбиться».

В ателье № 1, его еще называли «ателье с высоким крыльцом», фотографировались все знаменитости нашего города, все артисты и даже заезжие гастролёры, все преподаватели вузов, профессора, многие из них были приятелями Власова. Здесь бесчисленное множество студентов по окончании вузов фотографировались для медальонных групп.

Валентин.

Но вот опять пришлось нам с Лидией расстаться на три года: мы с мужем и маленьким сыном уезжали после окончания университета отрабатывать на Алтай. Меня утешало лишь то, что Лида жила теперь в своей квартире. «Не имей сто рублей, а имей сто друзей», говорит пословица. Сто не сто, но друзей иметь полезно. По большой дружбе одна моя знакомая дама, будучи председателем кооператива (а попасть в кооператив было очень сложно) и зная нужду моей подруги в жилье, предложила мне однокомнатную квартиру, от которой неожиданно отказались. Вносить первый взнос надо было срочно. К счастью, Лидии смогли помочь сёстры, особенно младшая сестра Валя, которая была уже замужем и жила на Дальнем Востоке, где живет и по сей день. Квартира была куплена.

Переписывались мы регулярно, Лида сетовала, как плохо ей без нас, и вдруг замолчала. Я встревожилась. Письмо принесло неожиданную новость. Лида писала: «Наверное, я большая дура, но решилась ещё раз поверить: приняла в свою квартиру малознакомого мужчину». Такое сообщение меня не успокоило, но приближался срок нашей отработки, мы собирались возвращаться в Свердловск, здесь моя родина. Здесь все мои родственники.

«Малознакомый» мужчина оказался человеком порядочным, весёлым и добрым. Знакомство с ним произошло весьма оригинально. Лида где-то на перепутье познакомилась с молодым человеком, он назначил ей свиданье на другой день у Оперного театра. В назначенное время к ней подошел совсем другой мужчина. Он извинился за друга, за то, что тот не смог сегодня придти. И тут же предложил: «Если вы свободны, приглашаю вас в кино. Давайте знакомиться, меня зовут Павел».

Они прожили двадцать счастливых лет в любви и согласии. Павел обожал жену. Умер он скоропостижно от инфаркта. Лидия пережила его на 11 лет.

Когда я бываю на Широкореченском кладбище, от надгробия «стрелка по имени Лидочка», Лидии Егоровны и Павла Потаповича Роминых, я иду к памятнику Льва Вениаминовича Люльева, чтобы вместо моей подруги поклониться этому человеку.

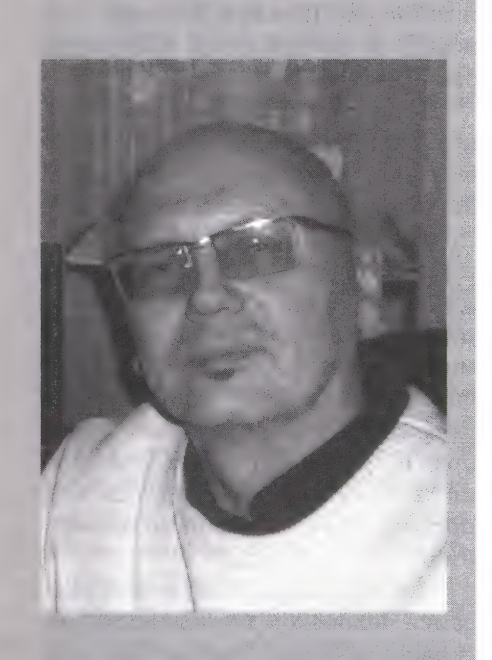
Светлая вам память.

ПАРАДОКС ЛИХОЛЕТЬЯ

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Андрей СПЕРАНСКИЙ,

заведующий сектором политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН, доктор исторических наук, профессор, руководитель Уральского отделения Академии военно-исторических наук, академик АВИН.

Авторитет уральского региона в годы войны поддерживался не только ролью кузницы оружия, но и мощным духовным фундаментом, оказывавшим прямое воздействие как на уральцев, так и на всех жителей страны. Причем, если количественные показатели культурного развития по России в целом имели объективную тенденцию к снижению, то в уральском регионе наблюдался подъем. Парадоксальный, на фоне войны, всплеск в развитии культуры края объясняется наличием здесь созданного в довоенный период солидного научно-образовательного и художественно-образного потенциала, полной его мобилизацией на нужды обороны, а также эвакуацией сюда большого количества учреждений науки, образования, культуры из западных районов.

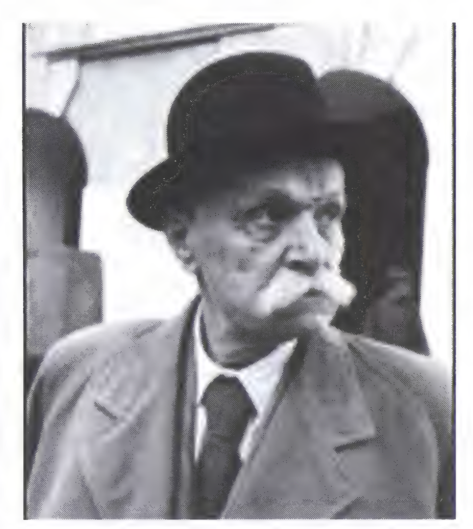
Урал в годы тяжелейших испытаний стал признанным центром науки. В Свердловске длительное время размещался Президиум Академии наук СССР, продолжал работать ее Уральский филиал, была сформирована и энергично трудилась Комиссия по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны. В Уфе наладилась деятельность эвакуированной Академии наук Украины. Основными чертами развития научной мысли на Урале стали: расширение масштабов исследовательской работы, усиление ее связи с производством, сосредоточение на решении оборонных задач.

Деятельность Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны, возглавляемая академиком В.Комаровым, стала примером эффективного воплощения научных разработок на практике. При активном участии 60 научных учреждений, более 800 специалистов науки и техники, среди которых были выдающиеся ученые И.Бардин, Э.Брицке, А.Байков, В.Образцов, Л.Шевяков и др., было изучено состояние важнейших отраслей народного хозяйства Урала, разработан план мобилизации оборудования, сырьевых и людских ресурсов на нужды обороны, выявлены новые стратегические источники сырья (нефти, угля, марганца, железа, цветных металлов), усовершенствована эксплуатация железнодорожного транспорта. В частности по рекомендациям Комиссии удалось освоить добычу угля открытым способом в Челябинском и Богословском бассейнах, обнаружить в Башкирии самые крупные месторождения нефти (Кинзебулатовское, Туймазинское) с момента создания восточной нефтяной базы. Эти открытия имели огромное стратегическое значение.

Практически все НИИ Уральского филиала АН СССР, АН Украины, местные и эвакуированные отраслевые научные учреждения вели изыскания, направленные на совершенствование и развитие военного производства. С помощью ученых совершенствовались конструкции, внедрялась и осваивалась новая передовая техника, снижалась трудоёмкость изготовления продукции, приводились в движение внутренние резервы промышленных предприятий. Научные сотрудники Свердловского Института металлов Я.С.Шур и С.В.Вонсовский разработали и внедрили магнитный метод контроля корпусов артиллерийских снарядов. Группа учёных, работавших на

А.Караваева.
Советская писательница.

Академик Е.О.Патон.

Артистки эстрады Л.Лядова и Н.Пантелеева. *1945 г.*

Уфимском нефтяном заводе, возглавляемая Н.М.Караваевым, разработала технологию, снижающую содержание сернистых соединений в башкирской нефти с 3 до 0,3%, что позволило изготовлять из неё высококачественное авиационное топливо. На Уралвагонзаводе было успешно внедрено в производство изобретение Е.О.Патона: автоматическая сварка под флюсом в несколько раз увеличила производительность труда сварщиков в танковой промышленности. Замечательные научные открытия, способствовавшие внедрению в производство изобретений оборонного значения, сделали также известные и молодые ученые В.И.Архаров, А.А.Блохин, А.А.Богданов, П.К.Кикоин, В.Н.Козлов, В.В.Михайлов, М.Н.Михайлов, И.Я.Постовский, С.И.Ремпель, В.Е.Руженцов, Н.С.Сиунов, Г.И.Чуфаров, Л.Д.Шевяков, Р.И.Янус и другие (1).

Производительной силой проявила себя и вузовская наука. В годы войны центр научно-исследовательской работы учёных высших учебных заведений был перенесён на промышленные предприятия. Это привело к возникновению новых форм интеграции науки с производством, выразившихся в достаточно чётких и определённых формулах: институт – завод; кафедра – цех. Огромный вклад в развитие военно-промышленного комплекса страны внёс крупнейший вуз региона – Уральский индустриальный институт. Работавшие в нем специалисты оказали за годы войны техническую и консультативную помощь 400 уральским заводам и стройкам. Они плодотворно сотрудничали с трудовыми коллективами Уральского алюминиевого завода, Ново-Тагильского и Лысьвенского металлургических заводов, Уралмаша и др. Всего за годы Великой Отечественной войны учёные Уральского индустриального института выполнили около 700 научно-исследовательских работ.

Научно-техническим центром являлся Магнитогорский горно-металлургический институт. Здесь за годы войны было выполнено 204 научно-исследовательские работы, внедрённые на местном металлургическом комбинате. Среди научных достижений магнитогорцев: создание новых технологий массового производства броневой стали; повышение стойкости мартеновских печей; разработка новых марок сталей и профилей проката для танков «КВ» и «Т-34». Своими научными исследованиями всемерно способствовали совершенствованию отечественного танкостроения и высшие учебные заведения Челябинска. Постоянную помощь конструкторному бюро Кировского завода оказывали учёные механико-машиностроительного института и института механизации и электрификации сельского хозяйства.

Активную помощь развитию промышленности, сельского хозяйства, медицины оказывали уральские университеты и педагогические институты, 1/3 всех научно-исследовательских работ которых субсидировалась военными организациями. Нередко поиск учёных приводил к оригинальным и очень полезным результатам. Так в Уральском университете доктор физико-математических наук, профессор А.А.Яговкин сконструировал несколько приборов по аэронавигации и самолетовождению, применение которых значительно улучшило ориентировку летчиков при ведении воздушного боя. Практическое применение имели открытия его коллег: профессора С.В.Карпачева, предложившего новый экономичный способ получения алюминия, профессора С.П.Мокрушина, создавшего специальную смазку против запотевания очков противогазов и др. Значительную научно-исследовательскую работу, направленную на нужды обороны страны, провели сельскохозяйственные вузы Урала: Башкирский, Молотовский, Свердловский и Чкаловский. Неоценимый вклад в дело организации здравоохранения региона, а также в процесс восстановления здоровья раненых бойцов Красной армии, внесли действовавшие на Урале 4 местных (Свердловский, Молотовский, Башкирский, Ижевский) и 2 эвакуированных (Киевский, Харьковский) медицинских вуза (2).

Значительные изменения произошли в годы Великой Отечественной войны в работе региональной системы народного образования. Начало военных действий обусловило объективный процесс её свёртывания. В 1943 году коллективы студентов вузов Урала составляли 91%, учащихся ссузов – 79,9%, школьников – 69,2% от уровня 1940 года. Серьезному сокращению подвергся профессорско-преподавательский корпус, на много уменьшилась материально-техническая база учебных заведений. Однако по ходу развертывания событий эта негативная тенденция была остановлена, и к концу войны образовательный потенциал края был почти восстановлен. Более того по целому ряду показателей имело место превышение довоенных цифр.

За счет эвакуированных учебных заведений усилилась региональная вузовская система. На Урале побывали 46 вузов, включая многие флагманы высшего образования СССР. В Свердловске размещались Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Военно-воздушная академия им. Н.Е.Жуковского, Киевская консерватория; в Ижевске – Московское высшее техническое училище им. Н.Э.Баумана; в Уфе – I-й Московский медицинский институт; в Челябинске – Сталинградский механический институт; в Перми – Ленинградский военно-механический институт и др. Между местными и прибывшими вузами устанавливались отношения делового сотрудничества, что способствовало совершенствованию научно-педагогической деятельности и учебно-воспитательного процесса.

Большинство приезжих институтов и университетов, реэвакуируясь на места прежней дислокации, оставляли часть учебного оборудования, преподавательских кадров и студентов. Это привело к расширению вузовской сети уральского региона с 48 до 60 учебных заведений. Перед уральскими студентами впервые распахнули двери новые институты в Свердловске, Челябинске, Уфе, Чкалове, Кургане, Нижнем Тагиле и Шадринске. Среди них: 5 промышленных, 2 медицинских, сельскохозяйственный, педагогический, юридический и театральный. Постепенно была стабилизирована сеть средних специальных учебных заведений и общеобразовательных школ. Их контингенты учащихся в 1945 году составляли соответственно 108% и 71,6% от довоенного уровня (3). В целом, система образования Урала, несмотря на трудности военного времени, доказала свою жизнеспособность и заняла солидное место в общероссийском образовательном потенциале. К концу войны в регионе насчитывалось 14,3% высших учебных заведений и 16,1% средних специальных заведений, совместно подготовивших 10% всех российских выпускников. В областях и республиках Урала работало 14,9% общеобразовательных школ (4).

Преодолевая трудности военного времени, целенаправленно развивалась культурная жизнь Урала. После некоторого спада, связанного с уходом на фронт большой группы уральских писателей и поэтов (А.Савчук, И.Панов, В.Стариков, В.Очеретин, К.Боголюбов, М.Львов, К.Реут, С.Караваев, В.Занадворов, А.Каменский, А.Возняк, И.Бортников, Х.Карим, С.Кулебай, Ф.Кедров, Т.Шмаков и др.), вновь интенсивно стала развиваться литературная жизнь. Под руководством П.Бажова и А.Караваевой был создан и стал активно действовать литературный центр в Свердловске. В Башкирии и Удмуртии, в Прикамье и Зауралье, на Южном и Среднем Урале плодотворно заработали писательские организации, укрепившие свои ряды за счёт прибывших в эвакуацию из крупнейших культурных центров страны литераторов. Творческое содружество корифеев пера (А.Фатьянова, А.Первенцева, Н.Асанова, Ю.Тынянова, В.Каверина, М.Шагинян, А.Барто, Е.Пермяка, А.Коца, Л.Кассиля, П.Тычины, А.Корнейчука и др.) с местными талантами (Б.Рябининым, К.Мурзиди, В.Каменским, Л.Татьяничевой, В.Пистоленко, М.Каримом, Б.Бикбаем, П.Чайниковым, Ф.Кедровым и др.) дало незамедлительный эффект.

Артисты Свердловского театра музыкальной комедии А.Маренич и Э.Высоцкий в оборонном спектакле «Бронзовый бюст». *1945 г.*

В.Очеретин.
Уральский писатель. 1943 г.

В.Трамбицкий.
Уральский композитор.

Е.Брилль. Режиссер Свердловского театра оперы и балета. Лауреат Сталинской премии. *1944 г.*

К. Боголюбов.
Уральский писатель. 1944 г.

Местоблюститель патриаршего престола Сергий (Страгородский).
1941 г.

Из-под пера литераторов стали выходить произведения публицистики, художественной прозы, поэзии, драматургии, несущие огромный мобилизационно-организаторский и идейно-воспитательный заряд. Большое значение имела агитационно-пропагандистская работа деятелей литературы: выступления по радио, встречи с читателями, участие в агитбригадах. Литературные произведения, написанные на злобу дня, отражавшие актуальные проблемы, без промедления принимались издательствами и публиковались массовыми тиражами. Так за период войны издательствами, базирующимися только на территории Свердловской области, было выпущено 14 млн. 853 тыс. экземпляров различных изданий. Более 4 млн. экземпляров опубликовало Башкирское книжное издательство, 3,4 млн. экземпляров – издательства Оренбуржья (5).

Одну из главных ролей в идейно–воспитательной работе среди тружеников тыла и фронтовиков играли уральские театры. Преодолев временные трудности начального периода войны, выразившиеся в сокращении государственных дотаций, в количественном уменьшении состава актерских трупп, в передаче театральных зданий под военные цели, они полностью выполнили поставленные перед ними задачи. К концу войны в регионе работало 60 театральных коллективов, что составляло 15,6% от их общего количества в России. Все уральские театры укрепили кадровый состав, стабилизировали материальную базу, обновили репертуар лучшими произведениями современной и классической драматургии. Это способствовало повышению качества постановки спектаклей, усилению роли театров региона в агитационно-массовой работе с трудящимися, в военно-шефской работе с красноармейцами. За военные годы в театрах Урала было поставлено 3,7 тыс. пьес, проведено 65,6 тыс. спектаклей с охватом 28,5 млн. зрителей.

Огромный позитивный эффект имела временная эвакуация на Урал 25 ведущих артистических коллективов страны, среди которых были Московский художественный академический театр, Центральный театр Красной армии, Московский театр сатиры, Московский академический Малый театр, Ленинградский театр оперы и балета им. С.М.Кирова, Ленинградский Малый театр оперы и балета и др. Значительная концентрация на Урале лучших театральных сил страны, несмотря на проблемы материального и организационного плана, в конечном итоге способствовала совершенствованию уральской школы актерского и режиссерского мастерства, повышению зрительского интереса. Высокий уровень театрального искусства Урала военной поры был подтвержден Государственной Сталинской премией присужденной спектаклям Свердловского театра музыкальной комедии («Табачный капитан»,1944 год, режиссер Г.Кугушев, артисты М.Викс, С.Дыбчо, П.Емельянова) и Свердловского театра оперы и балета («Отелло», 1945 год, режиссер Е.Брилль, дирижер А.Маргулян, артисты Н.Киселевская, А.Азрикан) (6).

Значительный вклад в общую победу над немецким фашизмом внесли уральские художники, проделавшие большую работу по перестройке своей деятельности с целью активизации изоискусства как одного из самых доходчивых и массовых средств агитации и пропаганды. Уделив много внимания выпуску агитационно-пропагандистских произведений, оформлению ими мест наибольшего стечения народных масс, они добились того, что наглядная агитация в годы войны стала конкретней, убедительней, приобрела наступательный

Комиссия по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана. Свердловск. *1942 г.*

Крестный ход в годы Великой Отечественной войны.

Мастерские Свердловского отделения художников. *1941 г.*

Митрополит Николай (Ярушевич) благославляет воинов танковой колонны им. Д.Донского, сформированной на пожертвования священнослужителей и верующих. *7 марта 1944 г.*

характер. В военный период из под кисти свердловчан Г.Ляхина, А.Вязникова, Г.Мелентьева, П.Васильева; прикамцев В.Чегодара, Н.Серебренникова; южноуральцев И.Вандышева, М.Помянского; оренбуржцев Н.Кудашева, М.Петунина; зауральцев А.Злодеева, М.Успенской; башкирских и удмуртских мастеров Р.Ишбулатова, М.Арсланова, Д.Ходырева, Н.Косолапова и многих других вышел целый ряд художественных произведений, отличавшихся высоким исполнительским мастерством, наполненных идеей беззаветного служения Отечеству. Демонстрация этих произведений на многочисленных выставках стала одной из самых действенных форм патриотического воспитания народа. Все вернисажи, проводимые на Урале в годы войны, вызывали повышенный интерес у специалистов и зрителей, однако самыми примечательными стали: «За Родину» (Уфа,1942 г.), «Ленинград в дни блокады» (Пермь, 1943 г.), «Урал – кузница оружия» (Свердловск, 1944 г.) и ряд других (7).

Особую значимость в общественном развитии Урала в годы Великой Отечественной войны приобрело кино. Учитывая его огромные возможности в процессе воспитательной работы с массами, работники региональной системы кинофикации, преодолев издержки начального периода войны, успешно решали задачи по расширению материальной базы киносети и приобщению к этому виду искусства новых масс зрителей. Причем восстановление киносети Урала шло значительно быстрее, чем на других российских территориях. К концу войны доля Урала в РСФСР по этому показателю увеличилась с 22,9 до 27,3 % в сравнении с 1941 г.

Разнообразные формы агитационно-пропагандистской работы в сочетании с демонстрацией кинофильмов обеспечили широкомасштабный охват населения. За годы войны только по 5 областям региона к просмотру художественных и документальных фильмов был привлечено 181 млн. чел. Наряду с массовым потреблением кинопродукции Урал чрезвычайно деятельно участвовал и в ее создании. В крае активно работала Свердловская студия кинохроники, выпустившая 242 киножурнала, а в феврале 1943 года была образована Свердловская студия художественных фильмов, отснявшая в 1944 году первую игровую картину «Сильва» (8).

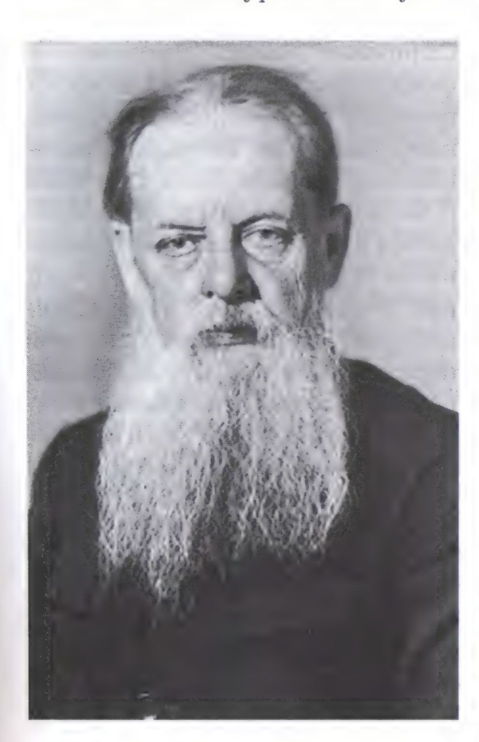
В годы войны в значительной мере увеличилась насыщенность музыкальной жизни уральского региона. Край радушно принял и создал все условия для творчества выдающимся композиторам Т.Хренникову, А.Хачатуряну, В.Шебалину, Р.Глиэру, Д.Кабалевскому, В.Соловьеву-Седому, И.Дзержинскому, М.Чулаки, Д.Френкелю, В.Волошинову. Вместе с ними активно трудились уральцы В.Трамбицкий, М.Розенпуд, М.Фролов, Н.Хлопков, М.Черняк, Р.Муртазин, Х.Ахметов, Х.Исмагилов, Н.Греховодов и другие. Столицей музыкального Урала без всякого преувеличения был Свердловск, где в годы войны жили и плодотворно работали 40 членов Союза композиторов. Творческое содружество музыкантов давало замечательные плоды. На Урале было написано и впервые ис-

полнено большое количество симфонических произведений, опер, балетов и т.п. Замечательный всплеск имело песенное искусство. Здесь появились многие песни, отразившие всю глубину патриотических чувств народа и ставшие чрезвычайно популярными по всей стране: «Уральцы бьются здорово» Т.Хренникова, «Ой туманы мои, растуманы» В.Захарова, «Походная песня» Х. Исмагилова, «Песня мщения» В.Соловьего-Седого, «Песня о Двадцати восьми» В.Волошинова и другие.

Заметное место в музыкальной жизни Урала занимала народная музыка. Для её пропаганды в регионе проходили гастроли хора имени Пятницкого, художественно-музыкальных коллективов под управлением Л.Оборина и Е.Свешникова. На Среднем Урале были организованы Уральский народный хор, хор Областного радиокомитета и оркестр народных инструментов. В Челябинске приступил к работе народный хор Южного Урала. Активно популяризировались и шедевры русской и зарубежной классики. В этих целях в Свердловске был создан симфонический оркестр и хоровая капелла. В концертах классической музыки участвовали не только уральские музыканты, но и многие выдающиеся исполнители страны. Так, за годы войны в Свердловске гастролировали Д.Ойстрах, Э.Гилельс, Л.Оборин; в Уфе радовали зрителей Д.Шостакович, Г.Гинзбург, в Ижевске – Я.Зак, Г.Нейгауз, И.Михновский, В.Макарова-Шевченко. Известные музыканты выступали также в концертных залах Челябинска, Перми, Нижнего Тагила, Воткинска и других уральских городов. Большую роль в процессе приобщения к музыкальной культуре огромных масс населения играли эстрадные представления. Большой успех в этом жанре сопутствовал молодым певицам Л.Лядовой и Н.Пантелеевой. В целом за годы войны только на Среднем Урале различные концерты посетили более 6 млн. чел., что является уникальным достижением даже для мирного времени (9).

Отметим, что все произведения литературы и искусства военной поры, созданные на Урале, являлись порождением тоталитарной культуры, существовавшей в атмосфере политической цензуры и идеологического давления. В условиях мирного времени это несло в себе отрицательный заряд, направленный на полное подчинение личности государственным структурам. Однако на крутом повороте истории, когда власть на первый план выдвинула концепцию защиты целостности, независимости и суверенитета Родины, концентрация всего духовного потенциала литературы и искусства в оборонно-патриотическом направлении, при всех политических и идеологических издержках, безусловно, обеспечивала положительный эффект в смертельной схватке с грозным противником.

В годы Великой Отечественной войны заметно поднялся нравственно-религиозный уровень населения Урала. После долгих лет целенаправленного уничтожения церковных институтов, последовательных гонений на верующих с целью тотального подавления оппозиционного инакомыслия и полного утверждения в сознании людей большевистской идеологии, органы управления уральскими областями и автономными республиками значительно ослабили государственный прессинг, предоставив религии возможность легального развития. В регионе начался процесс открытия молитвенных зданий, прекратились расправы над священнослужителями, произошла амнистия ранее репрессированных, ослабился конт-

П.Бажов. *Уральский писатель.*

Председатель Президиума УФАН СССР И.П.Бардин. *Свердловск 1942 г.*

Президент Академии наук СССР, академик В.Комаров. *Свердловск. 1942 г.*

С.Дыбчо – артист Свердловского театра музыкальной комедии, сыгравший в первом фильме Свердловской киностудии. Лауреат Сталинской премии.

С. Вонсовский. *1944 г.*

ных зданиях уральского региона священнослужители произносили проповеди, разоблачающие фашистскую идеологию, накладывали проклятие на зарвавшегося агрессора, клеймили позором совершаемые им злодеяния. Духовные пастыри служили молебны о даровании Победы Красной армии в кровавой битве с грозным врагом, направляли пастве церковные послания с призывами превозмочь все невзгоды военного времени, забыть имеющиеся разногласия и сплотиться в единое целое для священной борьбы с захватчиками. Немаловажное значение имела и реабилитационная работа церкви с пострадавшими в горниле военных испытаний. Душевная теплота и участие по отношению к нуждающимся, моральная поддержка обездоленных, ослабляли жестокие страдания людей, вызванные потерей близких и материальными лишениями.

роль за хождением религиозной литературы.

К марту 1944 г. под эгидой Московской Патриархии с согласия СНК СССР на Урале вновь начинается официальное функционирование четырех епархий, границы которых практически совпадали с гражданским административно-территориальным делением региона. В Молотовской области стала действовать Молотовская епархия, куда на пост Епархиального Архиерея был назначен епископ Александр (Толстопятов) с присвоением ему титула Молотовский и Соликамский. Была восстановлена деятельность Удмуртской епархии во главе с архиепископом Сарапульским Иоанном (Братолюбовым), продолжила работу Башкирская епархия, руководимая архиепископом Уфимским Стефаном (Проценко). Свердловская епархия первоначально охватила две уральские области – Свердловскую и Челябинскую. Архиерейскую кафедру здесь возглавил епископ Варлаам (Пикалов), получивший титул Свердловский, по городу, где находилась его резиденция и кафедральный собор. Только после войны официально была зарегистрирована Чкаловская епархия, хотя ее руководитель – епископ Чкаловский и Бузулукский Мануил (Лемешевский) – именно в военные годы проделал огромную работу по возобновлению религиозной пропаганды в Чкаловской области, способствовал возрождению культовых учреждений, полностью закрытых в довоенный период. Все вышеназванные уральские архиереи приступили к своим обязанностям после заключения в сталинских лагерях, попав под амнистию, связанную с изменением религиозной политики государства (10). Веротерпимость властных структур проявилась и по отношению к неправославным конфессиям, также получившим право и возможность влияния на общество.

Отметим, что практически все церковные институты, сохранившиеся на Урале к началу войны, сразу же осудили фашистское вторжение, призвав паству встать в ряды защитников Отечества. С конца 1943 года патриотическая работа культовых учреждений приобрела еще более внушительный размах, чему во многом способствовала «новая религиозная политика» государства. Во всех действующих церквах и молитвен-

Наряду с агитационно-пропагандистской деятельностью, мобилизующей массы на отпор неприятелю, поддерживающей моральный дух и уверенность населения в окончательный успех, религиозные учреждения и организации Урала осуществляли огромную практическую работу, имевшую серьезную материальную основу. Скромные взносы прихожан в фонд будущей Победы в совокупности составляли порой миллионные суммы. Так, верующие, посещавшие церковь Всех Святых в г. Молотове, за годы войны собрали под руководством своего настоятеля И.Караваева 1 млн. 625 тыс. руб. Более миллиона рублей внесла приходская община Успенской церкви г. Ижевска, возглавляемая священником Г.Грачевым. Решающую роль сыграл Урал и в создании знаменитой танковой колонны имени Дмитрия Донского. По призыву митрополита Сергия (Страгородского) она организовывалась на средства духовенства и верующих. Все уральские епархии внесли значительные денежные средства, но вклад священнослужителей и прихожан Пермской области в размере 6 млн. руб. вызывает особое уважение, так как

он стал одной из самых крупных сумм, пожертвованных на вооружение Красной Армии по всей стране. Отметим и то, что все сорок средних танков Т-34, составивших боевой костяк колонны имени Дмитрия Донского, были сделаны на заводах уральского г. Челябинска.

В целом на нужды защиты страны православные уральского региона собрали около 14 млн. руб., из них 12 млн. руб. были направлены в фонд обороны, более 800 тыс. руб. потрачены на подарки бойцам и командирам Красной Армии, раненым и больным фронтовикам, находящимся на излечении в госпиталях. Более 1 млн. руб. пошло на помощь семьям фронтовиков, детям-сиротам и на прочие патриотические цели (11).

Органы управления областей и автономных республик Урала, проводя в годы войны либеральную политику по отношению к деятельности религиозных институтов, естественно, опирались на решения высшей власти, которая пошла на компромисс с церковью в силу целого ряда причин. Главными из них были: не допустить использование неприятелем церкви в качестве пятой колонны для подрывной деятельности в советском тылу, поставить религиозно-патриотический и нравственный потенциал церкви на службу интересам защиты Отечества, обеспечив при этом морально-политическое единство борющегося народа и усиление международного авторитета русского православия. Важное значение при этом уделялось установлению полного контроля за работой церковных институтов.

Государство, убедившись в жизнестойкости религиозных представлений в массовом сознании, следуя разумной логике, отказалось от утопического курса на полное их искоренение и попыталось осуществить четко спланированный политический маневр, направленный на подчинение церкви и использование ее растущей популярности в своей внутренней и внешней политике. Поэтому церковное руководство, несмотря на объявленную либерализацию, не имело самостоятельности даже в решении вопросов внутреннего развития конфессий и ставилось в зависимость от специально созданной для этого государственной системы управления. Только Советы по делам Русской Православной Церкви и по делам религиозных культов, работавшие при Правительстве, а также институт их уполномоченных на местах получили в свои руки весь набор рычагов, позволяющий при необходимости усиливать или сдерживать религиозную активность в стране.

Вполне естественно, что уральские органы управления, занимавшиеся проблемами развития религиозных культов, следуя директивам центральных органов, вели в этом направлении очень умеренную политику, искусственно тормозя количественный рост церквей, молитвенных зданий, священнослужителей. За период с 1944 по 1945 гг. в пяти областях и двух автономных республик Урала было отклонено 90,3 % заявлений верующих с просьбами об открытии церквей. Из 2448 православных храмов, закрытых боль-

Руководство УрГУ со студентами-фронтовиками, награжденными орденами и медалями. *Свердловск, 1945 г.*

Свердловская киностудия. *1945 г.*

Слушатели ВВА им. Жуковского в комнате сказок Дворца пионеров. *Свердловск, 1942 г.*

Учащиеся Свердловска на занятиях по военной подготовке. *1943 г.*

шевиками на Урале в довоенный период, в годы войны возобновили свою деятельность только 88, что составило всего 3,6 %. 2304 церкви (94,1 %) по-прежнему несли на себе печать осквернения, были заняты под хозяйственные нужды или находились в заброшенном состоянии, подвергаясь сильнейшему разрушению. Отметим, что политика «сдерживания религиозных чувств» была характерна для органов власти и по отношению к другим конфессиям. Из 17 возобновивших религиозную деятельность культовых учреждений различных верований, составивших всего 0,96 % от количества закрытых в довоенные годы, было 7 мечетей (0,44 % от количества ранее закрытых), 9 молитвенных домов сектантов (5,2 % от количества ранее закрытых) и одна синагога (7,1 % от ранее закрытых). 1747 культовых учреждений, то есть 99,0 % от ликвидированных большевиками, в годы войны не изменили своего статуса, продолжали оставаться занятыми под клубы, школы, библиотеки, склады, производственные и военные объекты (12).

«Новая политика», основанная на принципе государственного регулирования и сдерживания религиозного развития, конечно, не могла в полной мере удовлетворить церковное руководство и рядовых священнослужителей, однако, большинство из них солидаризировались с ней, так как она давала легальные возможности внести свою лепту в патриотическое движение, направленное на разгром врага, снимала боязнь перед новыми репрессиями, порождала надежду на сохранение имеющихся, а в перспективе, пусть на медленное и частичное, но все же восстановление ранее ликвидированных культовых учреждений.

Таким образом, религиозно-нравственный потенциал уральского региона целиком и полностью использовался в годы войны для организации обороны страны. Приняв традиционные для военной поры формы, он, в первую очередь, решал патриотические задачи. Представители духовенства всеми доступными средствами старались воздействовать на верующих с целью формирования у них определенной картины восприятия действительности, способной служить патриотическому воспитанию, побуждать готовность к самопожертвованию на фронте и в тылу.

Сегодня еще можно встретить в рассуждениях некоторых псевдоисториков и политиканов тезис о якобы идейно-конъюнктурной ограниченности духовного потенциала советской державы и использования его только в целях обслуживания и оправдания тоталитарного режима. Отвечая на эти высказывания, важно подчеркнуть, что стремление диктатуры подчинить себе духовный потенциал страны и реальное властвование над сознанием общества не одно и то же. Да, в предвоенный период тоталитаризм сумел создать в СССР централизованную систему контроля над образованием, литературой, искусством и почти полностью уничтожить церковь. Но это отнюдь не означало, что ученые, работники высшей школы, учителя, писатели, поэты, художники, музыканты, артисты и другие представители творческой интеллигенции превратились в его безропотных слуг, а народ напрочь отказался от Бога. Напротив, несмотря на идеологический прессинг со стороны господствовавшего режима, заставлявшего следовать политической конъюнктуре, российская интеллигенция сохранила чувства патриотизма, гражданственности, гуманизма, а большая часть населения светлую – религиозную веру.

В конечном итоге, грандиозная битва с грозным противником, выигранная на пределе возможностей, убедительно показала, что для полной победы решающее значение имело не только увеличение масштабов производства военной техники и улучшение ее тактико-технических характеристик, не только численность армии, воюющей с неприятелем, но и моральный дух народа, защищавшего Отечество. Духовный потенциал, базировавшийся на высоком образовательном, художественнообразном и нравственно-религиозном уровне развития общества являлся в годы Второй мировой войны важнейшим источником непобедимости России. Именно он стал определяющим фактором в решении труднейшей задачи мобилизации всех сил и средств государства, ведущего смертельную схватку, именно он лежал в основе отваги и героизма воинов, именно он делал тружеников тыла фантастически работоспособными.

Примечания:

1.Сперанский А.В., Корнилов Г.Е. Великая Отечественная война // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 108; Ахмадиев Т.Х. Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Уфа, 1984. С. 141; История Урала. XX век. Кн. 2. Екатеринбург, 1998. С. 177.

2.Сперанский А.В. Ученые – фронту: вузовская наука Урала в годы Великой Отечественной войны // Наука и образование в стратегии национальной безопасности и регионального развития. Екатеринбург, 1999. С.210-215.

3.Сперанский А.В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Екатеринбург, 1996. С. 38, 40, 92, 108.

4.Сперанский А.В. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны: Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1997. С. 9.

5.Сперанский А.В. В горниле испытаний ...С. 159, 165, 167.

6.Свердловская область за 50 лет. Цифры и факты. Свердловск, 1984. С. 233, 234; Сперанский А.В., Корнилов Г.Е. Великая Отечественная война ... С. 108; Сперанский А.В. В горниле испытаний ...С. 188, 189, 201, 202, 203.

7.Сперанский А.В. В горниле испытаний ...С. 232, 233, 234.

8.Там же. С. 237, 238, 247; Сперанский А.В. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны ... С. 277.

9.Сперанский А.В. В горниле испытаний ...С. 248-251; Сперанский А.В. Работник и воин // Екатеринбург. Исторические очерки (1723–1998). Екатеринбург, 1998. С. 175.

10.Сперанский А.В. В горниле испытаний ...С. 263, 264.

11.ГАРФ. Ф.6991.Оп.2.Д.13.Л.161; Д.15.Л.25; Д.17.Л. 93, 94; Урал ковал победу. Челябинск, 1993. С. 288; Сперанский А.В. В горниле испытаний ...С. 292, 293.

12.Сперанский А.В. В горниле испытаний ...С. 282, 283, 299.

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ ВИКТОРА АРДАШЕВА

Александр КРУЧИНИН,
Николай НЕУЙМИН

Екатеринбургский военно-исторический клуб «Горный щит»

18 января 1918 г. екатеринбургская газета «Уральская жизнь» опубликовала сообщение об убийстве общественного деятеля, видного члена Партии народной свободы, верхотурского нотариуса Виктора Александровича Ардашева. Он был хорошо известен екатеринбургскому обществу, так как здесь проживали его родные братья Александр, Дмитрий и Георгий и многочисленные племянники. Виктор Александрович в самом конце XIX века также жил в Екатеринбурге и даже временно замещал своего старшего брата Александра в должности нотариуса. И позднее, перебравшись в Верхотурье, Виктор Александрович владел в Екатеринбурге солидным деревянным двухэтажным домом по улице Водочной, 54 (ныне ул. Мамина-Сибиряка). Но мало кто из екатеринбургских знакомых Ардашевых знал, что они были двоюродными братьями большевистского лидера В.И.Ленина. Как стало известно из газеты, В.А.Ардашев был арестован новой властью, привезён из Верхотурья в Екатеринбург и при конвоировании в тюрьму убит при попытке к бегству.

Судьба Виктора Александровича Ардашева стала предметом исследований только в последнее десятилетие. В 2003 г. в литературно-краеведческих записках «Уральская старина» очерк о нём опубликовал московский журналист А.П.Мурзин. К последним дням жизни В.А.Ардашева не раз обращался уральский историк, профессор И.Ф.Плотников (наиболее подробно – в монографии «Двоюродные братья В.И.Ленина (Ульянова) Ардашевы и их родословная», вышедшей в серии «Очерки истории Урала» в 2005 г.). Однако все обстоятельства его трагической гибели до сих пор не были тщательно исследованы.

Председатель Верхотурской городской думы Виктор Александрович Ардашев был очень известным у себя в городе и в уезде человеком. До того как стать нотариусом, он работал мировым судьёй. Трудно назвать общественную организацию Верхотурья, в деятельности которой он бы не принимал участия. Он был председателем правления Общества взаимного кредита и председателем правления Общества потребителей, работал в Обществе попечения о народном образовании, в Общественном собрании, в Комитете помощи семьям мобилизованных и в Комитете беженцев, являлся заведующим приютом детей-беженцев и гласным уездного земства. Когда в ноябре 1917 г. пронёсся (как потом оказалось, ложный) слух о взятии А.Ф.Керенским Петрограда и разгоне большевистского Совнаркома, председатель городской думы В.А.Ардашев послал от имени думы приветственную телеграмму А.Ф.Керенскому. Телеграмма была распечатана и расклеена по Верхотурью. Естественно, что с тех пор в глазах большевиков он был опасным контрреволюционером. 25 декабря 1917 г. он был подвергнут аресту за неуплату по постановлению Совдепа штрафа в 1000 рублей и отсидел один день в тюрьме.

6 января 1918 г. в Петрограде большевики разогнали Учредительное собрание. Причина разгона была весьма проста: среди депутатов собрания большая часть оказалась отнюдь не большевиками. Власть могла ускользнуть из рук В.И.Ленина и его коллег, а они совсем не хотели с ней расставаться.

Организованные петроградскими рабочими демонстрации в поддержку Учредительного собрания были расстреляны большевистскими властями. Эти события вызвали возмущение по всей России: во многих городах общественность пыталась протестовать, выступая в защиту Учредительного собрания. После появления сообщений об образовании в Москве – Центрального, а в Перми – губернского стачечных комитетов в защиту Учредительного собрания в уездном городе Верхотурье служащие всех казённых и общественных учреждений на открытых собраниях обсуждали вопрос об организации местного стачечного комитета. Вскоре он был создан.

9 января по Верхотурью были расклеены листовки, призывающие к проведению стачки. Они были подписаны председателем стачечного комитета, лидером местной организации Партии народных социалистов В.Я.Бахтеевым и товарищем председателя, конституционным демократом В.А.Ардашевым. В ответ на это исполком Верхотурского уездного Совета рабочих и солдатских депутатов счёл «необходимым в корне пресечь их преступную против народа деятельность». Во исполнение этого решения председатель Верхотурского совета Б.В.Дидковский 14 января приказал граждан В.Я.Бахтеева и В.А.Ардашева немедленно арестовать и отправить под охраной в екатеринбургскую тюрьму «впредь до ликвидации здесь всех возможностей предполагаемой забастовки против власти Советов». В этот же день арестованные были отправлены в Екатеринбург, в распоряжение областного комиссара юстиции И.И.Голощекина, с просьбой содержать их в тюрьме.

На следующий день, 15 января, В.Я.Бахтеев заболел, и арестантов разделили. Со станции Екатеринбург-I В.А.Ардашев сначала был доставлен на Покровский проспект (ныне улица Малышева), в особняк Поклевского-Козелл, где в то время размещались исполком Уральского областного Совета и штаб Красной гвардии, и оказался в руках начальника штаба и начальника отдела по борьбе с контрреволюцией при исполкоме матроса П.Д.Хохрякова. После некоторых формальностей П.Д.Хохряков направил арестованного в следственную комиссию, указав, что «препровождается известный реакционер-саботажник Ардашев». Арестанта вывели из особняка Поклевского-Козелл, провели через Каменный мост, налево по Механической улице (ныне ул. Горького) и доставили на Главный проспект, в особняк Севастьянова, где размещалась следственная комиссия. Рассмотрев сопроводительные бумаги, председатель комиссии Я.М.Юровский отправил обвиняемого в контрреволюции В.А.Ардашева в городскую тюрьму, где он и должен был содержаться под стражей впредь до особого распоряжения комиссии.

В хождениях по советским учреждениям незаметно прошёл весь день, и уже вечером 15 января, в наступившей темноте, конвоиры И.С.Плаксин и М.С.Лобов повели порученного им арестанта в тюрьму. Не спеша двигаясь по правой стороне Главного проспекта, они прошли через плотину, Кафедральную площадь, миновали Волжско-Камский банк (ныне комплекс зданий МВД), дома Макаровых и Перетц. В.А.Ардашев шёл в тюрьму одетым в шубу, куртку, жилет и брюки из толстой шерстяной материи, на ногах были штиблеты с глубокими галошами. На голове у него была шапка-сибирка из оленьего меха, а в руках – подушка в наволочке, куда он сунул пару толстых непереплетённых книг «Вестника Европы». По всему было видно, что, зная тюремные порядки, он настраивался на долгую от-

Виктор Александрович Ардашев с детьми. Фото из фонда ЦДООСО.

сидку. Подойдя к Московской заставе, повернули налево, к тюрьме, прошли находящийся слева по ходу движения цирк (ныне не сохранился).

Один из конвоиров, верх-исетский красногвардеец Иван Сергеевич Плаксин позднее говорил в своей объяснительной, что часов в 8 вечера, проходя цирк, М.С.Лобов начал заворачивать папиросу, и в это время арестованный бросился бежать. И.С.Плаксин бежал за арестованным и пытался остановить его – сперва окриком, а когда В.А.Ардашев ушёл от него сажен на десять (то есть двадцать метров), двукратным выстрелом в воздух. Арестованный побежал ещё быстрее. Конвоир И.С.Плаксин закричал: «Стой, буду стрелять в тебя», – арестант не остановился. Конвоир, по его словам, выстрелил в него раз – В.А.Ардашев бросился в сторону, затем ещё раз – и арестант упал. Подбежавший конвоир застал его лежащим на спине. Всё было кончено.

Многое в этой объяснительной, составленной более девяноста лет назад, вызывает сомнения. Как мог пятидесятилетний, не очень хорошо видящий человек, тепло одетый по-зимнему, опередить вдвое более молодого конвоира? Куда он мог убежать? Домой в Верхотурье? Или к своим братьям? Его нашли бы через час, и это только усугубило бы его положение «реакционера-саботажника». Почему он не бросил подушку с толстыми книгами, когда побежал, а она будто бы вылетела у него из рук после первого в него выстрела?

Второй конвоир М.С.Лобов в своей объяснительной мало что смог добавить, так как, по его словам, когда он также бросился бежать за арестованным, у него возникла сильная одышка, и он сразу же отстал и только слышал крики «Стой!» и выстрелы. Он шёл шагом и минут через восемь-десять увидел идущего к нему И.С.Плаксина, который сказал, что застрелил арестанта, и, не возвращаясь к убитому, они пошли в исполком и штаб, к П.Д.Хохрякову, докладывать о случившемся.

В сохранившихся следственных документах указывается, что в полдвенадцатого ночи к месту, где лежало тело, подошла группа во главе с председателем следственной комиссии Я.М.Юровским и тюремным врачом И.Г.Упоровым. Начался судебно-медицинский осмотр. Тело В.А.Ардашева находилось на снегу в нескольких саженях от дороги между велодромом и Верх-Исетской заводской больницей. Он лежал на спине с разведёнными руками и вытянутыми ногами, головой на север. В протоколе были зафиксированы две раны на теле: одна, поверхностная, – на груди, вторая, смертельная, – в голову, с входным отверстием с левой стороны лба и выходным – посреди правой теменной кости. Саженях в десяти от тела нашли запачканную кровью подушку, причем наволочка и одна из книг «Вестника Европы» оказались простреленными. От подушки к месту нахождения тела шли следы ног убитого. Врач констатировал, что смерть последовала «от обширного повреждения головного мозга».

Судебно-медицинский протокол, составленный врачом И.Г.Упоровым, явно противоречит объяснительным конвоиров и вызывает новые вопросы. И главный вопрос: как у убегающего человека оказалось входное пулевое отверстие во лбу? Видимо, этот протокол, написанный независимым человеком, является единственной подлинной бумагой в материалах следствия и позволяет восстановить реальную картину гибели В.А.Ардашева. Очевидно, что конвоир намеренно убил арестанта. Он выстрелил в него дважды. Первый раз – в грудь, но В.А.Ардашев заслонился от выстрела подушкой с книгами, поэтому первая рана оказалась поверхностной, а от неё на наволочку попала кровь. Этот выстрел действительно выбил подушку из рук В.А.Ардашева. После этого он кинулся в сторону, но И.С.Плаксин догнал его и убил выстрелом в голову.

Узнав о гибели В.А.Ардашева, деятели социалистических партий Екатеринбурга потребовали от большевиков создания совместной комиссии для расследования убийства, но им было отказано. Среди представителей оппозиции было немало юристов, и они в один момент смогли бы определить истину! Правда, тогда ещё было время, когда новая власть вынуждена была считаться с общественным мнением, и поэтому комиссар юстиции И.И.Голощекин в «Известиях Уральского областного совета» от 20 января уверил жителей города, что было проведено следствие, которое доказало, что В.А.Ардашев был убит при попытке к бегству. Однако следственные документы чётко показывают, что никакого дознания не проводилось. Главный ответчик красногвардеец 4-го района Иван Плаксин, угодивший убегавшему человеку в лоб более чем с двадцати метров в темноте, не допрашивался, следственный эксперимент не проводился.

И.С.Плаксин только на два месяца пережил убитого им В.А.Ардашева. Весной 1918 г. он находился в составе уральских красногвардейских дружин, ведущих бои против оренбургских казаков. В конце марта, будучи в агентурной разведке, он был изобличён казаками и повешен как вражеский лазутчик в Верхнеуральске. Этот факт свидетельствует о том, что И.С.Плаксин был человеком не робкого десятка и мог принимать вполне самостоятельные решения. Может быть, он убил В.А.Ардашева только лишь потому, что ему надоело таскаться с арестованным? Вполне может быть, что известный своей жестокостью к офицерам и буржуям П.Д.Хохряков намекнул конвоиру, что реакционера-саботажника надо бы, как любил выражаться матрос революции, «отправить в поля елисейские». Ведь недаром конвоиры побежали в первую же очередь к П.Д.Хохрякову, чтобы отчитаться в содеянном. Как было сказано в некрологе: «Тёмная зимняя ночь и не менее тёмные души совдеповских властителей хранят в себе тайну смерти Ардашева».

Дело о верхотурских гражданах В.А.Ардашеве и В.Я.Бахтееве было закрыто в начале мая 1918 г. следующим документом, который мы приведем полностью:

«Постановление

Следственная комиссия революционного трибунала г. Екатеринбурга в коллегиальном своём заседании от 3 мая 1918 г., рассмотрев дело верхотурских граждан Владимира Бахтеева и Виктора Ардашева, обвиняющихся в контрреволюционной деятельности, и принимая во внимание:

1. Что Виктор Ардашев был убит за побег при его сопровождении в тюрьму, что и установлено предварительным дознанием и судебно-медицинским протоколом.

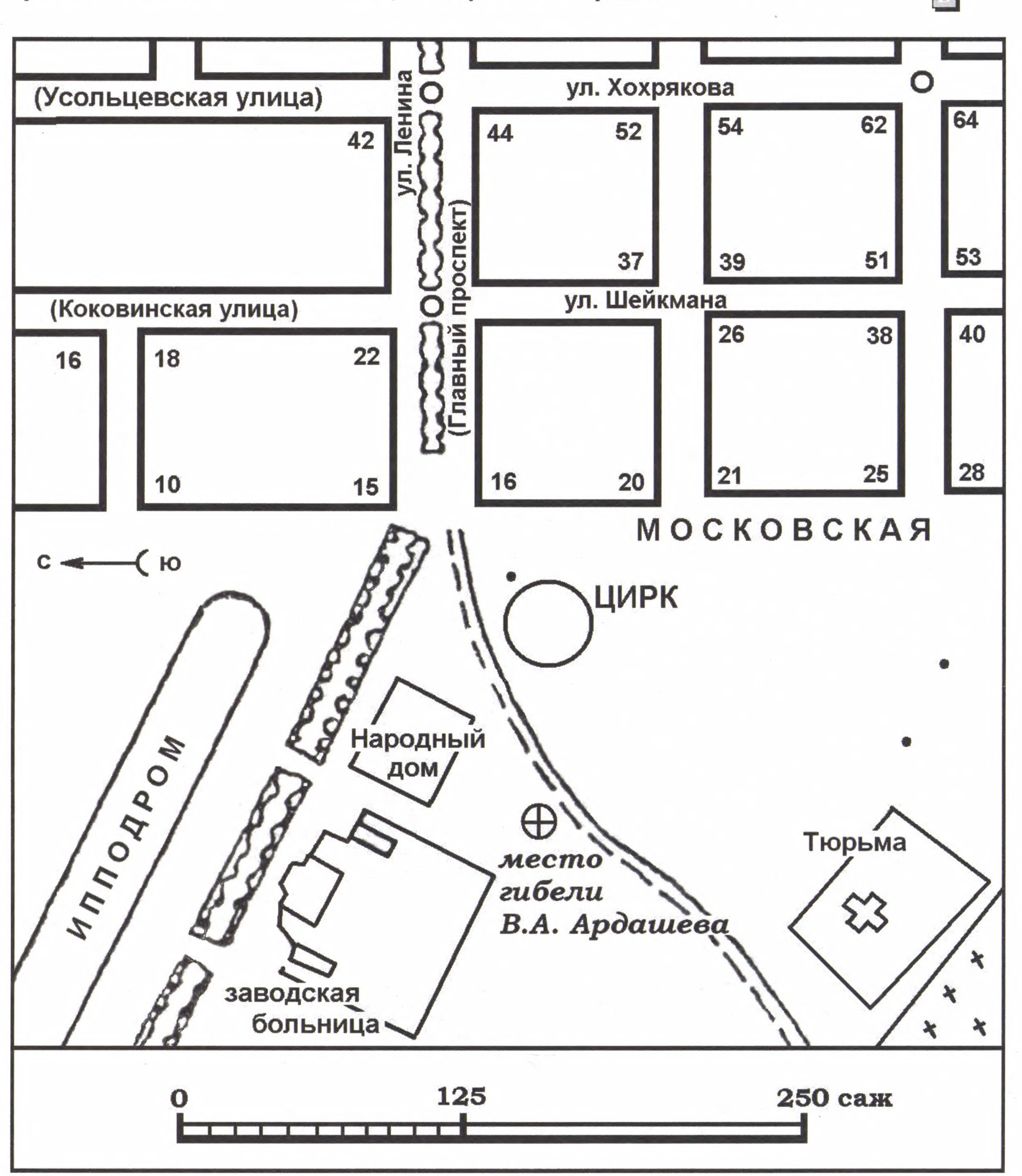
2. По установлении же степени виновности Бахтеева комиссии ниоткуда материалу извлечь не удалось, а посему комиссия определила: дело Бахтеева и Ардашева прекратить.

И.д. председателя комиссии. *Подпись не читается.*

Члены комиссии. *Подписи не читаются.*

И.д. секретаря Ф. Бахтин.

Читал: В. Бахтеев. 1918 г. 10 мая».

**Дом Поклевского-Козелл.
В январе 1918 г. в нём
располагался исполком
Уральского областного Совета.**

**Дом Севастьянова.
В январе 1918 г. в нём
располагалась
следственная комиссия
революционного
трибунала.**

**Сквер площади Коммунаров.
Предполагаемое место
убийства В.А.Ардашева.**

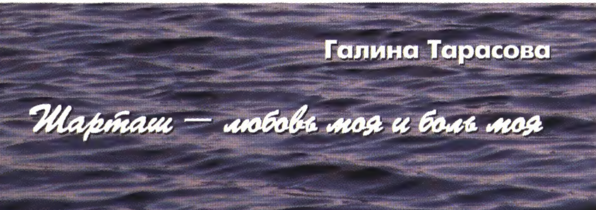
Фото А.М.Кручинина.

Озеро Шарташ имеет трагичную и интересную историю. Оно испытало на себе влияние многих поколений людей, которые пользовались им во благо или в ущерб ему. Его окружали различные поселения, которые умирали и возрождались вновь.

Особенно интересна судьба Шарташской деревни, основанной беглыми раскольниками в 70-х годах XVII века, бежавшими из центральной России в неведомые глухие места от царских преследователей. Это были первые строители Екатеринбурга, его завода, его крепости. Это были золотоискатели, горняки, торговые люди, ямщики, различные промысловики. Их преследовали за старую веру на протяжении двух столетий, но они всегда остовались верны своим принципам. Их раскулачивали, репрессировали, но оставшиеся в живых не изменяли своим традициям, воспитывая детей и внуков в духе этих традиций. Живя рядом с озером, которое поило и кормило их, они берегли его как зеницу ока.

